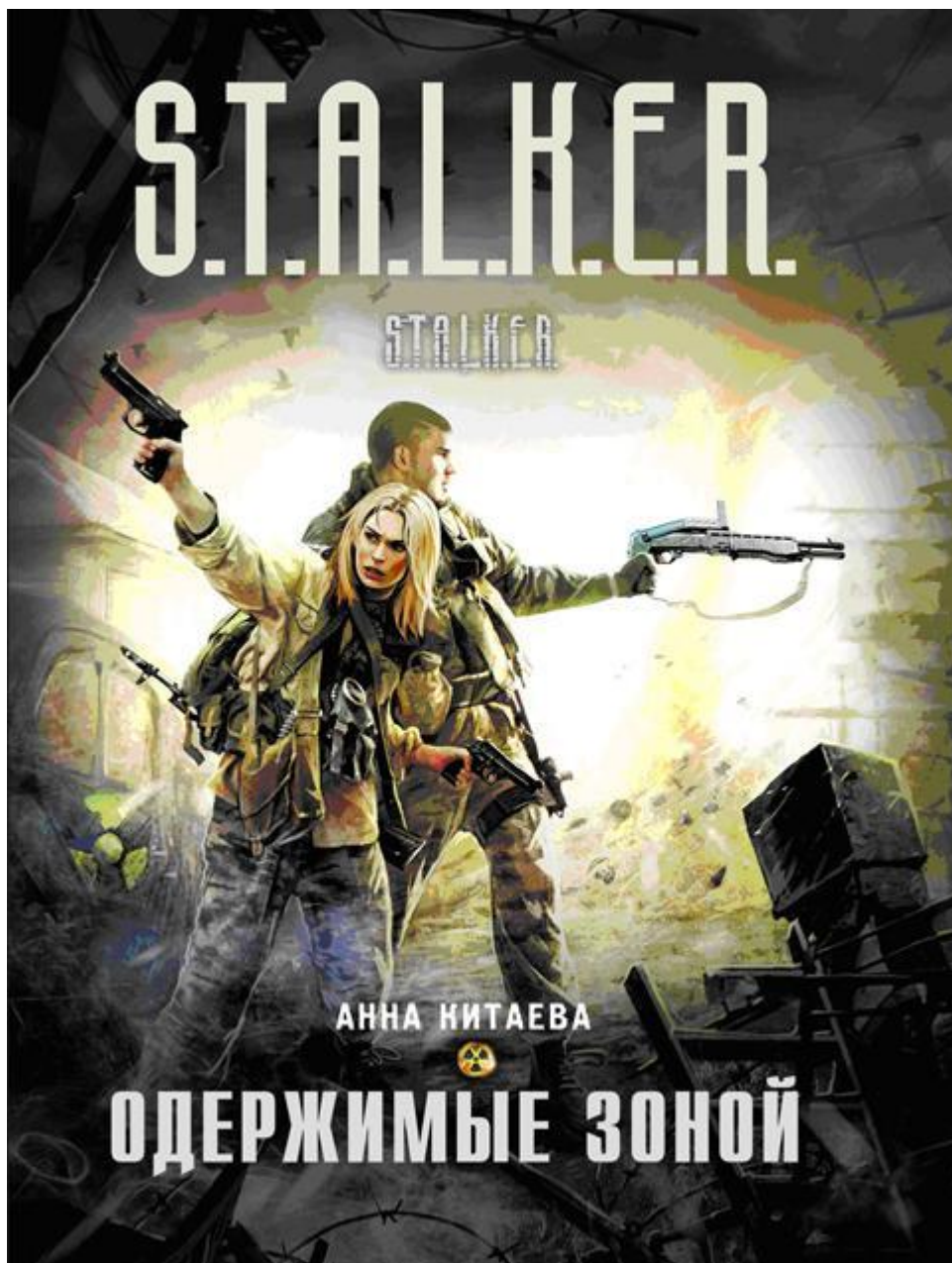

Анна Китаева
Одержимые Зоной

S.T.A.L.K.E.R. – 61

Аннотация:

Женщина в Зоне? Любой сталкер ответит, что это не к добру. Правда, смотря какая женщина. Старожилы еще помнят лихую Бюрершу из числа первых сталкеров, погибшую при выбросе 2012 года. Где-то в Зоне остался ее тайник. Двенадцать лет спустя сталкер Кайман ведет в Зону ее дочь — Мышку. Сталкера, как обычно, интересует хабар. А девушка хочет выяснить судьбу младшего брата, пропавшего во время того памятного выброса. И почему все эти годы ей упорно снятся Лиманск, Припять и другие места Зоны, которых она никогда не видела наяву?

Анна Китаева

Одержимые Зоной

Автор благодарит Алексея Линника за бесценную помощь в работе над романом.

Глава первая. Вводная

1. Сталкер Кайман, окрестности Периметра

Последние два патрона Кайман истратил на псевдособаку. Раненая тварь бросилась на него, и Кайман добил ее ножом. Грозное рычание мутанта перешло в жалобное повизгивание, и он издох у ног сталкера, на прощание забрызгав ему ботинки кровью. Кайман выругался и пнул мертвую собаку в бок. Проклятая тварь! Из-за нее Кайман остался безоружным. Сталкер сунул временно бесполезный ПМ в рюкзак, где уже отдыхал верный «калаш», патроны к которому закончились еще раньше.

Вечно хмурое небо Зоны равнодушно взирало на то, как человек в защитном комбинезоне скидывает рюкзак на плечи и продолжает путь. Пошел мелкий дождичек, как будто небу попала соринка в глаз и потекли слезы. Вряд ли этой соринкой мог оказаться сталкер по кличке Кайман — не тот калибр, слишком мелкий. Здесь, в Зоне, единственным, кого интересовала неповторимая личность Каймана, был сам Кайман.

Хотя, если вдуматься, по ту сторону Периметра все было точно так же.

Кайман ходил в Зону уже шесть лет, а это много, очень много. Первый год он провел в отмычках — унижительный и опасный, но оправдывающий себя способ освоиться здесь. Потом заделался сталкером-одиночкой, а еще через пару лет сговорился с Везунчиком, и без малого три года они были напарниками. Теперь же Кайман снова остался один, и с неудовольствием понял, что придется переучиваться. За три года работы с напарником он привык, что спина прикрыта. Разбаловался.

— Ничё, отвыкнешь, плешь тебя побери! — процедил Кайман вслух.

Он нарочно растравлял в себе злость, чтобы преодолеть усталость. Двое последних суток он провел без сна, на таблетках. И вот наконец добрался до Периметра... почти добрался. Любой сталкер, начиная с новичков-отмычек, знает, как коварно в Зоне это самое «почти». Он почти дошел, но остался без патронов. В глубине Зоны — практически верная смерть, здесь же — почти безопасно... Вот-вот, снова «почти».

Заунывно завывла собака впереди слева, затем еще одна и еще. Кайман замер, слившись со стволом дерева. Какого хрена делают эти твари на самой границе Зоны? Впрочем, он знал ответ. Кто-то прошел этим путем незадолго до него и сильно наследил. Час назад Кайман слышал выстрелы впереди, но не придал этому значения, а зря. Отродья Зоны идут на выстрелы, как на манок — знают, что там, где стреляли, можно разжиться либо свежей человечинкой, либо тухлой зомбятинкой или каким-нибудь еще генетически модифицированным мясом. М-да, но час назад у Каймана было еще два полных рожка патронов к АКСу, а теперь — только нож в умелых руках. Ну, и еще мозги, само собой. Соображалка на то человеку и дадена, чтобы соображать.

Собачий вой сместился правее. Судя по звуку, стая двигалась сюда. Кайман с тоской посмотрел на рощицу на холме, до которой оставалось не больше километра по прямой. Там, за холмом и рощей, ближайшая лазейка через Периметр, по ту сторону которого — два блага цивилизации, о которых Кайман иступленно мечтал последние сутки. Холодная водка и горячий душ... Сталкер вздохнул и почесал грязную щеку, зудящую одновременно от укусов комарья и уколов антидота. Прямой путь в Зоне — не самый короткий, это тоже все знают. Но как обидно бывает давать кругалю, когда цель — вот она, рукой подать! Обидно, а придется.

Приняв решение, Кайман отвел взгляд от рожицы и зашагал на запад, параллельно Периметру. И тотчас его ПДА тихонько звякнул, приняв сообщение. Сталкер бросил быстрый взгляд на мессагу и повеселел. Известие об очередной смерти Вечного сталкера Семяцкого обычно считалось хорошей приметой. Значит, правильно он решил свернуть к Кордону и выходить из Зоны кружным путем.

Семяцкий был одной из легенд, на которые Зона щедра не меньше, чем на аномалии. Говорили, будто он принадлежал к первому поколению сталкеров, будто добрался до исполняющего желания Монолита и пожелал то ли бессмертия, то ли славы — а может, того и другого одновременно. С тех пор его никто не видел, но наладонники сталкеров время от времени принимали сообщения о его смерти, а в локальной сети иногда появлялись стихи за подписью Семяцкого. Кое-кто из первых сталкеров, которые знали Семяцкого лично, еще обретался вблизи Зоны, а некоторые и внутри нее, и вроде бы они могли порассказать много интересного — но разговаривать с ними было то еще удовольствие. Либо многолетнее пребывание в аномальном поле серьезно попортило им мозги, либо все они ввали напропалую, но рассказы олдových сталкеров никогда не сходились между собой. Так что Кайман предпочитал не вникать в подробности — башня целее будет.

Зорко поглядывая по сторонам, сталкер увеличивал расстояние между собой и собачьей стаей, так что вскорости перестал слышать вой. Счетчик Гейгера у него в нагрудном кармане иногда негромко пощелкивал, предупреждая о радиации. Детектор аномалий сталкер и вовсе не вытаскивал. На самом деле ни радиации, ни аномалий здесь практически не было. Внешняя полоса Зоны, почти курорт...

— Стой, — лениво сказали у Каймана над ухом.

За словами последовал щелчок — говоривший передернул затвор.

Кайман замер как вкопанный. Проклятье! Вот тебе и курорт. Как это он напоролся? И на кого? Струйка пота сбежала между лопаток, противно щекоча кожу.

— Хорошо, — одобрил неизвестный. — Теперь медленно положи винтовку на землю и подними руки. Только без глупостей!

— Мужик! — обалдело подал голос Кайман. — Какую винтовку, ёшкин кот? Ты что, не видишь, я с пустыми руками?

— Хорошо, — повторил незнакомец. — Так и стой... Э, э, куда, сука?! Стой, кому говорю!

Воздух разорвала автоматная очередь. За мгновение до первого выстрела Кайман сжался в комок, прыгнул как можно дальше в сторону и покатился по склону, ломая кусты. Страшно мешал рюкзак, но избавляться от него было некогда — в таких ситуациях счет идет на доли секунды. Закатившись в ложбину, сталкер остался там лежать. Молотила кровь в висках, мешая расслышать, что происходит. Лишь через десяток секунд Кайман обуздал колотящее сердце — и услышал тишину.

Никто его не преследовал. Не стрелял. Не кричал.

Шелестела трава под ветром, и это был самый громкий звук в радиусе сотни метров вокруг.

Кайман бросил взгляд на ПДА и не увидел на экране ни одного пятнышка, которое свидетельствовало бы о том, что рядом люди. Прибор подтверждал то, о чем сталкеру говорили органы чувств — он был один. Кайман осторожно приподнялся, встал на правое колено и охнул — колено он сильно расшиб, когда катился.

— Плешь тебя побери! — прошипел Кайман любимое ругательство. Сталкер снял рюкзак, поднялся во весь рост и, прихрамывая, поднялся обратно по склону. С каждым шагом он продвигался все медленнее и осторожнее, и наконец оказался на гребне холма. Изломанный куст точно показывал то место, откуда Кайман покатился вниз. А в трех шагах — ничем не отмеченная точка, где Кайман стоял с поднятыми к равнодушному небу руками и ждал пулю в затылок.

Шаг. Еще шаг...

— А-а-а! Не стреляйте! Нет! Мужики! Не на...

Кайман резко отшатнулся, хотя и ожидал чего-то подобного. И снова вернулась тишина. Никого вокруг. Никаких отметок на экране ПДА. Кайман ошалело покрутил головой. Он был знаком с байками про звуковые миражи Зоны, когда в некоторой точке человек слышит то, что происходит далеко от него, в совсем другом месте Зоны... а может быть, и в другое время, как верили некоторые. Но одно дело знать про такую возможность, и совсем другое — вляпаться в нее самому. Да еще попасть под раздачу. Хорошо хоть штаны не обделал от неожиданности. Ну что сказать — Зона есть Зона. Никогда нельзя думать, что ты ее изучил вдоль и поперек. Иначе следующий сюрприз может оказаться последним.

Сталкер снова шагнул вперед. Крик полоснул его по ушам, как кипятком по свежей ране, но на этот раз Кайман остался на месте.

— Не надо, мужики! Не убивайте! — заходился воплем несчастный.

— А ты зачем бежал, сука? — с ленцой вопрошал бандит. — А стрелял, сука, зачем? Серого вон подстрелил, нехорошо. Если бы не дергался, отдал бы хабар спокойно, мы бы тебя отпустили. Разве ж мы звери какие, мутанты бешеные? А теперь ты, сука, за Серого по понятиям ответить должен...

— Мужики! — сорвался в хрип неизвестный сталкер. — У меня нычка есть, я скажу где, не стреляйте! На север от соснодуба, в тридцати шагах, под большим валуном... А-хрр!..

Короткая очередь оборвала его слова.

— Ты зачем его, Утюг? — недовольно спросил другой бандит. — Сталкерок только-только петь начал.

— Врал он, — сообщил первый. — На север от соснодуба одни болота, никаких камней. Я там бывал, знаю. Ладно, пошли отсюда. Хабар у него взяли, и то хорошо.

— А Серого так оставим? — озабоченно спросил второй. — Съедят ведь.

— Хочешь — неси, — разрешил первый. — Я трупье не тягаю. Ну? Потацишь Серого?

— А, пес с ним, — вздохнул второй бандит. — Погоди только, я броник с него сниму, хороший у Серого броник.

Кайман вздохнул и шагнул в сторонку. Голоса исчезли. И тотчас сигнал ПДА заставил его посмотреть на экран. По сталкерской сети прошло сообщение о смерти сталкера по кличке Заяц. Далеко от места, где находился Кайман. Между Свалкой и Кордоном. Отпрыгался, стало быть, зайчик по Зоне. Застрелил серого волка, а друзья Серого застрелили его. Пиф-паф-ой-ой-ой, умирает зайчик мой. Хреновая сказочка, что для волка, что для зайца. Впрочем, в Зоне все сказки такие.

А сообщение пришло моментально — значит, ввали слухи, что звуковой мираж может явиться из прошлого или даже из будущего. Хотя...

Кайман не додумал мысль и пожал плечами. Пусть научники выводы делают. А ему бы выбраться из Зоны нормально, хабар вынести, а больше ничего и не надо. Как говорится, кровососу — кровососово, а сталкеру — сталкерово.

Прежде чем взвалить на плечи рюкзак и двинуться дальше, Кайман вбил в память ПДА заметку: «Соснодуб, север, 30 шагов, большой валун». Те края он знал как родные. Не было там никаких болот.

2. Мышка, бар «Шти»

Дверь распахнулась настежь, и в раздевалку влетела Диана. Из коридора потянуло крепким смрадом с преобладающими нотками сортира и застарелого табачного дыма. Ойкнула голая Ксюха, бесплатно выставленная на обозрение любого, кто оказался бы сейчас в коридоре. Диана ничего не заметила. Она бросила сумку на свой гримерный столик, сама рухнула на стул и театрально простонала:

— Ой, девчонки, я сама не своя. У меня задержка два дня... Что теперь будет?

Мышка тихонько закрыла дверь, которую Диана так и бросила распахнутой. Диана Великолепная. Звезда местного стриптиза. Стерва патентованная. Мышка проработала в «Штях» всего три дня, но успела возненавидеть Диану до глубины души.

За что? А вот за это самое. За победительную уверенность, что все вокруг должны все бросить по первому же ее намеку и заниматься только ее, Дианы Великолепной, делами и проблемами. И, главное, все эти овцы ведутся на ее штучки. Ну ладно мужики, они когда видят Дианкины ноги от коренных зубов, у них сразу мозги выключаются. Но тетки-то, тетки! Сгрудились вокруг Дианы, ахают, охают, сочувствуют. Даже Ксюха, которой вот-вот на выход, кожаные шортики застегивает — а смотрит не на себя в зеркало, а на Диану, да с таким упоением, будто сериал смотрит.

— Ой, девчонки, а если ребенок? Я не хочу рожать, я еще молодая! И вообще... Сами знаете, какие у сталкеров дети!

Мышка почувствовала, как ее лицо перекосило гримасой ненависти. Чтоб ты понимала в детях сталкеров, примадонна сраная! Та-ак, надо временно свалить из раздевалки, а то еще пару фраз в таком духе — и она точно не выдержит, вцепится Диане в смазливую морду. Тихой тенью Мышка выскользнула за дверь, и только в коридоре разжала кулаки и перевела дух. Охранник по кличке Кирпич, подпиравший стенку на выходе из коридора, проводил девчонку безразличным взглядом.

В зале было шумно и людно. Грохотала музыка, бил по глазам стробоскоп. Запах травы, табачный дым и дух спиртяги складывались в нечто, напоминающее перегар десятилетней выдержки. Хозяин и завсегдатаи гордо называли эту дрянь особенной атмосферой. Мышка сморщила нос, но не чихнула — привыкла уже. За барной стойкой и за столиками сидели посетители. Кто-то жевал местную стряпню, кто-то глазел на танцующих девчонок-стриптизерш, но в основном сталкеры пили. И в основном — водку.

Прилепившись к косяку двери, ведущей на кухню, Мышка внимательно разглядывала зал. Если кто-нибудь спросит, зачем она здесь, всегда можно соврать, что танцовщицы послали ее на кухню за... ну, скажем, за лимоном! А что, очень не помешало бы скормить той же Диане лимон — целиком и без сахара, равно как и без соли с текилой. Мышка приснула в кулак, представив себе это зрелище. Впрочем, ладно, хрен с ней, с местной звездой. Мышка устроилась в «Шти» на скверно оплачиваемую и вообще скверную работу уборщицы в раздевалке и девчонки на побегушках при стриптизершах вовсе не для того, чтобы копить злость на Диану. Ей просто надо было попасть туда, где много сталкеров. Туда, где они расслабляются после Зоны и теряют бдительность.

Зачем?

Чтобы подцепить одного из них, как снулую рыбу из судка.

За три дня Мышка успела уже наглядно изучить половину завсегдатаев бара, а про вторую, прямо сейчас отсутствующую половину наслушаться сплетен и побасенок. Вон тот, что методично надирается в одиночестве у стойки бара, поглядывая на бармена словно через прицел, — это Хемуль. У него репутация крутого перца, и Мышка была бы не против подцепить именно его, но... В первый же день Диана, проследив ее взгляд, мило улыбнулась:

— Вздумаешь к Хемулю клеиться, деточка, вылетишь отсюда на счет «раз»! Это мой мужчина, ясно тебе? Надеюсь, второй раз повторять не надо.

Чего уж там повторять, яснее некуда. Пожалуй, именно с того разговора Мышка и невзлюбила ведущую стриптизершу бара «Шти». Хотя, с другой стороны, даже лестно — сама Диана посчитала Мышку достойной соперницей. А все дело в возрасте. В семнадцать лет любая девчонка хороша, даже если в ней нет ничего выдающегося. Диане уже давно не семнадцать, и семнадцати уже никогда не будет, какие артефакты к целлюлиту ни прикладывай. А Мышке именно столько исполнилось неделю назад. Так что — делайте выводы.

За столиком в ближнем углу обстоятельно кушала водку компания из пяти человек. Разливал темноволосый сталкер среднего сложения, который явно был в компании за главного. Звали его Кекс, и в «Штях» он появлялся не каждый вечер, поскольку работал на хозяина бара «Вотруба» — там обычно и отдыхал между ходками. Но так уж получилось, что вчера и сегодня Кекс со своими отмычками подвис именно здесь. Отмычек было трое, а

последним в их компании был толстяк, которого собутыльники называли Феда. Увидев его впервые, Мышка очень удивилась тому, что среди сталкеров встречаются толстые.

Кекс тоже вполне отвечал ее целям, и пока еще никто из стриптизерш не пытался отвадить Мышку, заявляя на него права. Однако пятеро собутыльников явно не искали сегодня женского общества. У них был какой-то длинный разговор из категории «без бутылки не разберешься», и Мышка переключила внимание на соседний столик, который находился к ней ближе всего.

Двое парней азартно поглощали жаркое, чокались стопариками, вкусно опрокидывали их, снова наливали из бутылки с этикеткой «Казак» и жадно разглядывали появившуюся на подиуме Ксюху. Вот этим, похоже, хотелось всего и сразу. Мышка совсем уж было собралась подсесть к ним, только не могла решить, с которым из двоих заигрывать. Один был рыжий и невысокий, второй тощий и длинный, и оба ей по большому счету не нравились. Тут в баре нарисовался новый посетитель, и один из парней окликнул его:

— Эй, Кайман! Здорово, бродяга! Давай к нам. Водки хочешь?

Названный Кайманом скупой ухмыльнулся дежурной шутке, уселся третьим за столик и честно подал реплику:

— Не хочу.

— А будешь?

— Буду!

Его приятели загоготали так, словно услышали что-то новое. Кайман щелкнул пальцами, подзывая официанта.

— Ноль семь беленькой, только чтоб ледяная, — распорядился он. — Томатный сок, минералку. Ну, и на закуску чего-нибудь. Колбасы там, сыра нарезку...

— Сегодня вернулся? — с пониманием спросил рыжий.

На вытянутом лице Каймана неожиданно резко обозначились скулы.

— Сегодня, Хорь, — кивнул он. — Так что...

— Не вижу повода не выпить! — подмигнул рыжий Хорь.

Трое сталкеров сдвинули стопки.

— Ну, за то, чтобы число наших выходов из Зоны всегда равнялось числу входов! — провозгласил тощий и немедленно выпил.

— Молодца, Тангенс! Отлично сказал, братан! — обрадовался Хорь. — Ох, и нажрусь я сегодня!

Кайман озабоченно вздернул брови, прислушиваясь к ощущениям.

— Правильно пошла, — объявил он наконец. — И я тоже сегодня нажрусь, бродяги, в дымину нажрусь, в полное говно. А еще знаете что? Я сегодня сниму телку. И забуду нахрен до утра, что Зона вообще существует.

На подиуме Ксюха увлеченно крутила лифчиком над головой. Прочие ее телодвижения наглядно иллюстрировали слово «выжопливаться». Мышка наконец вспомнила, что именно она слышала про Каймана. «Кайману руку в пасть не клади, — говорил кто-то. — Он даже кусать не станет, просто челюсти сожмет, а ты без руки останешься».

Девушка поежилась. Нет, ну его к черту, этого зубастого. Пожалуй, он ей не подходит.

— Слышь, Кайман, — поинтересовался Хорь, — а кому Везунчик снарягу свою толкнул перед отъездом? То есть это... если можно спросить, конечно.

— Никому, — мрачно сказал Кайман. — Мне оставил. И можешь дальше не спрашивать, скажу сразу — я ее продавать не намерен. Ни тебе, ни кому-то другому. Вопрос закрыт.

— Думаешь, Тим вернется? — напрямик спросил Хорь и подпрыгнул на месте, получив от Тангенса пинок по щиколотке.

— Думаю, надо еще выпить, — скептически разглядывая Ксюху, сказал Кайман. — Тем более вот нам и минералочку принесли на заливон.

— Ну, за то, чтобы... — с готовностью начал Тангенс.

Дальше Мышка не слушала. У зубастого Каймана есть в запасе свободный комплект снаряжения. Это меняет дело.

Мышка расстегнула две верхние пуговицы на блузке, подумала и расстегнула еще одну. В этот момент кто-то ухватил ее за локоть.

— Ты куда запропастилась? — набросилась на нее кладовщица Томка. — Меня девки вместо тебя за вермутом в бар отправили. Держи бутылку, отнесешь в раздевалку немедленно!

— Не сейчас.

Мышка, не глядя, стряхнула ее руку и мигом оказалась у ближайшего столика. Обалдевшая от такой наглости Томка смотрела, как Мышка присаживается на краешек стула и лепечет, теребя четвертую пуговку:

— Ой, простите, а можно у вас спросить...

Отвернувшись от подиума, где Ксюха принялась вылезать из шортиков, Кайман с интересом воззрился на Мышку:

— Ты как сюда такая попала вообще?

Томка плюнула и понесла в раздевалку вместе с бутылкой вермута свежую сплетню. Слепой собаке было ясно, что Мышка к работе уже не вернется.

3. Сталкер Кайман, ПГТ Чернобыль-4

Кайман проснулся от того, что кто-то методично бил его кувалдой по черепу. Через минуту он сообразил, что его дубасят кувалдой не снаружи, а изнутри. А еще минуту спустя понял, что это просто похмелье. Как говорится, доброе утро, страна.

Не открывая глаз, он пошарил на полу рядом с диваном, где могла стоять бутылка пива. Пошарил без особой надежды, потому что с пивом всегда возможны варианты. Если, скажем, он вчера ужрался в дупель, то никакого пива дома нет. А если был еще ничего себе, то пиво всенепременнейше есть, но оно в холодильнике. И только промежуточный вариант мог обернуться бутылкой пива рядом с диваном — пусть теплого, зато под рукой.

На полу не оказалось ничего, кроме закаменевших носков и пыли. Да и восьмибалльный бодун намекал на первый вариант, то бишь «в дупель». Кайман кое-как поднялся на ноги и, слабо стая, — потому что от громких стонов голова начинала болеть еще сильнее, — поплелся на кухню. Увы, логика его не подвела. Холодильник был пуст. В том смысле, что там не было ничего, способного облегчить утренние страдания Каймана.

Хлопнула входная дверь. Прошелестели шаги. Забыв закрыть холодильник, Кайман ошалело уставился на молоденькую девчонку, белобрысую, небольшого росточка, которая появилась на его кухне с большим рюкзаком.

— Ты что тут делаешь? — поразился он.

— Пиво тебе принесла, — деловито сообщила девчонка.

Она с кряхтением опустила рюкзак на табуретку, откинула клапан и принялась доставать бутылки. Похмельный сталкер поймал себя на том, что машинально считает — две... шесть... десять... На двенадцати волшебный рюкзак иссяк.

— Ты кто вообще такая? — не удержался Кайман.

Девчонка подняла на него прозрачные серые глаза.

— Я — Мышка. Ты меня вчера из бара сюда привез. Пиво будешь пить?

Кайман молча скovyрнул пробку и припал к горлышку.

В довершение чудес пиво оказалось холодным. Мысленно Кайман выставил белобрысой мышке высшую отметку за сообразительность. Впрочем, ей об этом знать не обязательно. После первой бутылки гвоздящая изнутри черепа кувалда никуда не исчезла, но ее словно обернули ватой. Плохо было то, что вчерашнего вечера Кайман почти не помнил. Девчонка, понятно, не знает — но совершенно не в его принципах приводить случайных подружек домой. Что ж вчера случилось-то, а?

— Слушай, — буркнул Кайман, ерзая на табуретке, — а мы с тобой того? Ну, этого?

Он мучительно завертел пальцами, пытаясь вспомнить приличное слово. Почему-то не хотелось спрашивать у белобрысой откровенным матом.

Девчонка хихикнула.

— И того, и этого. А ты что, в себе сомневался?

Кайман сплюнул с досады.

— Нет, — буркнул он, — не сомневался. Ну, ты языкатая! Просто я вчера напился, а теперь понять не могу, кто ты и зачем ты здесь. Ясно?

— Ага, — легко согласилась девчонка. — Давай поговорим. Я тебе все расскажу. Только ты сначала трусы надень, а то я отвлекаюсь.

Кайман опустил взгляд. Да уж. Ноу комментс, господа гусары. Даже не пытаюсь найти достойный ответ, Кайман скрылся в ванной.

Дождавшись, пока зашумит вода в душе, Мышка подошла к кухонному окну и прислонилась к стеклу лбом. В глазах ее стояли слезы. Но когда четверть часа спустя сталкер вернулся на кухню, никто не смог бы заподозрить девушку в том, что она плакала.

— Продолжаем разговор, — Кайман уселся, пододвинул к себе полную окурков пепельницу и закурил.

После душа он почувствовал себя лучше. Да и каждое следующее пиво приносило облегчение.

— Значит, я тебя подцепил в «Штях». А там ты откуда взялась?

— Приехала позавчера из Киева, — серьезно ответила Мышка.

— Опа!

Кайман переварил информацию.

— Решила подзаработать древнейшей профессией? — напрямик спросил он. — А что, в Киеве за это мало платят?

— Нет, — не обиделась Мышка. — То есть сколько платят, не знаю. Думаю, что здесь больше. Но я приехала не за этим.

— Ага, — хмуро сказал Кайман. — Хочешь, я угадаю с двух раз? Ты решила сделаться сталкером и пойти в Зону.

— Почти, — усмехнулась девчонка. — Дай сигарету.

— Что «почти»? — не понял Кайман. Все-таки голова с бодуна еще не варила.

— Почти угадал, — пояснила Мышка. — В сталкеры я не хочу. Но в Зону мне попасть надо. Поэтому мне нужен сталкер, который меня поведет. Например, ты.

В повисшем молчании девушка вытащила сигарету из пачки Каймана, щелкнула зажигалкой, закурила. Сталкер медленно зверел. Кайман терпеть не мог вторжения в свое личное пространство. Собственно, потому и не обзаводился постоянной подружкой. Вот так это все и происходит, ёшкин кот! Сперва она спит в твоей постели, потом курит твои сигареты, затем говорит глупости — а ты обязан ее слушать, затем она тратит твои деньги, и в один прекрасный момент ты обнаруживаешь себя со штампом в паспорте и кучей детишек, жизнь кончена, и чтобы выпить с друзьями водки, надо просить у нее отдельного разрешения! В топку такие расклады! В долбаный реактор!

Кайман протянул руку, забрал у Мышки сигарету и медленно, старательно раздавил в пепельнице.

— Пошла вон, — бесцветно сказал он.

Белобрысая девчонка не шелохнулась. Сталкер уперся тяжелым взглядом ей в лоб.

— Не слышишь, что ли? Я говорю, вон пошла. Бери свой рюкзак и выматывайся.

Вдруг страшная догадка посетила его. Неужели девчонка такая мелкая в кости и невысокая не потому, что у нее хлипкое сложение, а потому, что еще малолетка?

— Эй, погоди, тебе сколько лет? Ты что, несовершеннолетняя? Настучать на меня хочешь, типа я тебя девственности лишил? Развести на бабки?

Мышка презрительно усмехнулась.

— Не переживай, меня еще в тринадцать лет изнасиловали пятеро одноклассников.

— Врешь, — машинально откликнулся сталкер.

— Вру, — согласилась девчонка. — Насиловал только один. С остальными четырьмя у нас было по любви.

Кайман не выдержал и хмыкнул.

— Злая ты, — уважительно сказал он. — Ну а все-таки, сколько тебе?

— Семнадцать, — Мышка потянулась к рюкзаку. — Паспорт показать?

— Покажи.

Сталкер перелистал страницы паспорта, уже понимая, что Мышка сказала правду. Странная девчонка. Какая-то... непредсказуемая, что ли. Особенная. Ну-ка, ну-ка... Пономаренко Алина Сергеевна, год рождения... И вправду семнадцать.

Он захлопнул документ и отдал Мышке.

— Держи. И проваливай.

— Может, все-таки выслушаешь меня? — поинтересовалась она.

— Нет, — отрезал Кайман.

Прислонившись спиной к стене, он наблюдал, как вторгнувшаяся в его жизнь девчонка прячет паспорт в рюкзак, застегивает клапан, забрасывает пустой рюкзак на плечо и молча идет к выходу. На пороге кухни Мышка обернулась.

— А в благодарность за пиво? — спокойно спросила она.

Кайман поперхнулся глотком. Ах ты ж ёшкин кот! Поймала!

Поймала, сучка мелкая! Заманила, как ворону в «птичью карусель», тудить ее налево...

— Ладно, — хрипло сказал Кайман. — Говори и проваливай... Нет, погоди.

Что-то мешало ему, какая-то мысль — или нет, не мысль, а что-то недавно услышанное... или увиденное? Точно!

— А ну дай еще раз паспорт, — буркнул он.

Мышка безропотно протянула ему казенную книжицу.

Алина Сергеевна. Пономаренко. Не то... Номер, серия, выдан... Не то. Год рождения, место рождения... Место рождения!

Кайман смерил взглядом Мышку, затем снова перечитал запись в паспорте.

— Это что же, ты действительно здесь родилась? — недоверчиво спросил он. — Прямо здесь вот? В Чернобыле? Так ты что, мутант? Плод военных экспериментов?

Мышка дернула плечиком, отчего рюкзак шмякнулся на пол. Присела к столу, заглянула сталкеру в глаза, вздохнула.

— Давай, может, все-таки я по порядку, а?

— Ну что с тобой сделаешь? Вот упрямая! — проворчал Кайман. — Рассказывай как знаешь. Только говори уже.

— Ага.

Мышка сосредоточенно потерла пальцем нос.

— Значит, так. Может, ты слыхал, среди первых сталкеров была отчаянная девка, звали ее Танька Бюрерша. Ходила в Зону наравне с мужиками, стреляла разных тварей, хабар брала. Бюрершей ее прозвали за большую силу при малом росте. Веселая была, песни пела... Слыхал про нее, нет?

— Ну, допустим, слышал кое-что, — Кайман пожал плечами. — Мало ли чего народ врет, особенно старожилы. Ко всем байкам прислушиваться — уши опухнут. А при чем тут она?

— При том, что я ее дочка, — усмехнулась Мышка. — Родилась я в Ковалевке, была такая деревня километрах в десяти отсюда. У нас там дом стоял, в котором еще дед с бабушкой жили. Дед на ЧАЭС работал пожарником, в восемьдесят шестом году пожар на крыше четвертого блока тушил... через неделю умер. А бабушка, когда реактор бабахнул, как раз с мамой в роддоме лежала. Вместе с роддомом их и вывезли в Киев, бабушка уже сюда не вернулась. А мама вернулась — в две тысячи шестом, накануне второй катастрофы.

— Вот это номер! — присвистнул Кайман. — Да уж, свезло так свезло. Значит, говоришь, ходила твоя мамашка в Зону... прям беременная и ходила? И рожать не побоялась?

— Ага, — легко согласилась Мышка. — Не побоялась. Причем дважды не побоялась. У меня ведь еще младший брат есть. Мама к бабушке в Киев приезжала, смеялась — мы чернобыльские, нам радиация только на пользу... Бабушка мне потом рассказала, конечно. Я-то сама не помню — совсем маленькая была.

— Так ты мутант или не мутант? — настойчиво спросил Кайман и неожиданно для себя икнул. Пиво давало о себе знать. — Эээ... погоди минутку, я сейчас.

— Погожу.

Мышка устало облокотилась о стол. Кайман вернулся довольный, застегивая ширинку на ходу. Его ощутимо развезло, все вокруг казалось мутноватым и не вполне реальным.

— Не мутант я, — серьезно сказала Мышка. — От радиации я загнусь самым обычным образом. Насчет пользы это такая мамина шутка.

— Чего-то я не пойму, вроде ж Бюрерша померла давно?

Только задав вопрос, Кайман понял, что ляпнул бестактность. Но Мышка снова отреагировала спокойно — куда спокойнее, чем он мог ждать.

— Они с отцом погибли в двенадцатом году. Когда был сильный выброс.

Кайман кивнул. Да уж, двенадцатый год был решающей датой в истории Зоны. Тогда Зона рывком расширила границы, и многое изменилось...

— А отец тоже сталкером был? — спохватился Кайман.

Мышка покачала головой.

— В Зону он ходил, но не сталкером. У него были золотые руки, он мог починить все что угодно. Оружие, технику... Вот и чинил.

Кайман помотал головой, разгоняя пивной туман.

— Слушай, малая, — сказал он напрямик, — ты сама видишь — я уже поплыл от пива, на старые-то дрожжи. Мне сейчас надо поспать. Пес с тобой, оставайся, потом доскажешь. Идет?

— Идет.

Сталкер успел даже вздремнуть, и слегка удивился, когда мокрая после душа Мышка залезла к нему под одеяло. Удивился — но не возражал.

4. Мышка, ПГТ Чернобыль-4

Кайман перевернулся на спину и зычно захрапел. Мышка неслышно вздохнула, отодвинулась на край дивана и уставилась в потолок. Потолок, весь в трещинах и пятнах, был похож на рисованную от руки карту участка Зоны. В углу большое бурое пятно, окруженное пятнами поменьше, явно обозначало комплексную аномалию.

Сейчас, лежа на продавленном диване рядом с мужчиной, с которым она переспала, но от этого он не сделался менее чужим, Мышка была ближе к цели, чем сутки назад. А сутки назад она была ближе к цели, чем три дня назад. И так далее, возвращаясь по цепочке памяти к тому моменту двенадцатилетней давности, когда бабушка приехала за девочкой и увезла ее подальше от Чернобыльской аномальной зоны. В тот день пятилетняя Алина вырывалась у бабушки из рук и ревела в голос — но бабушка никак не хотела понять, что они не должны уезжать отсюда. Она ухватила обезумевшую внучку в охапку, она уговаривала ее, трясла как куклу, била по щекам и плакала вместе с ней. В автобусе, идущем на Киев, обессиленная Алина заснула. И ей приснился сон про Зону, первый из многих...

За прошедшие годы она научилась молчать о своих снах.

Неделю назад Алина похоронила бабушку. Пятьдесят восемь — не возраст; ее доконала водка. Наверное, бабушка жила бы долго, если бы не Чернобыльские катастрофы — первая и вторая, которые отняли у нее сперва мужа, а затем дочь, зятя и внука. Кто-то ищет утешения от горя в работе, кто-то обращается к богу, а кто-то — к бутылке... Получив в крематории квитанцию с указанием, когда забрать прах, Алина оставила ее соседке вместе с ключом от квартиры и небольшой суммой денег — большие у них не водились. Ближайший рейсовый автобус увез ее из Киева по направлению к Зоне. Алина возвращалась за братом.

У Таньки Бюрерши и Сереги Пономаря было двое детей. Старшая дочка, младший сын. Накануне выброса двенадцатого года, который в одночасье изменил столько судеб, девочке исполнилось пять лет, а мальчику — два.

Детям случалось оставаться дома одним. Деревня — не город, чужие здесь не ходят. А если кто чужой и сунулся бы во двор, рисковал остаться без куска мяса в ноге, а то и

повыше. Дворовый кобель Полкан из всего человечества признавал ровно пятерых особей — семью Пономаренко и блаженненькую соседку бабу Риту, к которой он когда-то приبلудился щенком.

Этот день Алина запомнила хорошо. Даже слишком хорошо.

Они с братиком играли во дворе — возились в куче песка. Алина строила кукольный замок, который все время осыпался. Малыш лепил бестолковые куличики. Когда половина замка в очередной раз просела и развалилась, Алина вспомнила, что папа в таких случаях поливал песок водой. Забрав у брата ведро и не слушая протестующих воплей, девочка побежала в кухню за водой.

Возвращаясь, она услышала, как брат замолчал. Что-то отвлекло малыша. Завернув за угол дома, Алина увидела — что.

На песке перед ним сверкала ярким серебром маленькая юла, похожая на елочную игрушку. Непонятно, откуда взялся этот предмет. Никого постороннего во дворе не было, и Полкан спокойно лежал рядом с будкой. Алина встревожилась. Почему-то ей не понравилась серебряная игрушка. А братик радостно засмеялся и потянулся к юле.

— Нельзя, не трогай! — крикнула Алина. — Это бяка!

Малыш не расслышал ее — или не захотел услышать. Он прикоснулся к верхушке юлы, и от одного касания та ожила. Игрушка завертелась по часовой стрелке, сначала медленно, затем все быстрее. Серебристый волчок затанцевал по песку, оставляя извилистый след. От него вокруг расплескались яркие блики, много-много солнечных зайчиков. Братик захлопал в ладоши и снова потянулся к игрушке — но даже не успел коснуться ее, как волчок сам собой остановился, а миг спустя завертелся в обратную сторону.

Пятилетняя девочка, конечно, не знала, что поведение юлы нарушает физические законы, иными словами — аномально. Но Алина уже понимала, что непонятное может нести угрозу. А двухлетний малыш не понимал.

Девочка уронила ведро. Ведро еще падало, вода еще не успела выплеснуться из него, а Алина уже была рядом с братом, уже тянулась схватить его, оттащить подальше от странной игрушки...

Она не успела.

Серебристый волчок подскочил в воздух и затанцевал над головой малыша. В мгновение ока возникший вихрь закружил братика. Взлетели вверх совочки и формочки, взметнулся песок и запорошил Алине глаза. Братик повис в воздухе, в метре от земли, окруженный прозрачным вращающимся коконом. Алина тянулась к нему изо всех сил, но что-то отталкивало ее руки, ее ладони скользили по воздуху, как по льду.

За минувшие секунды малыш не успел испугаться. Сквозь уплотнившийся воздух Алина видела, как он улыбается.

— Полкан! Полкан! — закричала девочка.

Пес рванулся на помощь, оскалив пасть. С верхушки серебряной юлы сорвалась искра. Окруживший братика кокон оделся молниями. Полкан зарычал в прыжке — и захлебнулся визгом. Его вздернуло вверх, закружило — и со страшной силой швырнуло оземь. Алина в ужасе отпрянула, когда перед ней рухнул труп собаки с вылезшими из орбит глазами и лопнувшим брюхом.

Волчок поднялся еще на метр, и следом за ним всплыл воздушный кокон с малышом. Они не спеша двинулись к забору. Алина шагнула за ними, протягивая руки.

— Не надо, волчок! — всхлипнула она. — Отпусти моего братика!

Кокон завис над забором. Он помутнел, и девочка больше не видела лицо брата, лишь различала его силуэт внутри.

— Волчок, ну тогда возьми меня тоже! — крикнула она. — Мы же вместе!

Со звуком разорвавшейся хлопушки кокон исчез.

Алина закричала изо всех сил. Баба Рита, прибежавшая на крик, долго не могла успокоить девочку. А та все повторяла одно и то же: «Волчок утащил братика». Соседи решили, что малыша унес зверь, никто не понял, что девочка твердила не про волка, а про юлу... Изувеченный труп дворового пса подтверждал версию о звере.

Но, правду сказать, очень быстро всем стало не до пропавшего мальчика. Зону затрясло. Выброс аномального поля накрыл в том числе и деревню Ковалевка. Серебристый артефакт был его предвестником или первым проявлением. Жители, отлично знающие, что с Зоной не шутят, бежали, прихватив лишь необходимое.

Родители наверняка выслушали бы Алину, разобрались бы, отправились бы на поиски сына. Но выброс застал их в Зоне. Супруги Пономаренко, которых в среде сталкеров знали как Бюрершу и Пономаря, погибли в тот же день.

Знакомые позвонили бабушке, и она приехала за Алиной. Женщине объяснили, что ее дочь и зять пропали в Зоне, а внука разорвал волк на глазах у внучки, отчего девочка малость сошла с ума и просит всех поискать ее мертвого братика.

Женщина поверила рассказчикам. Да они и сами думали, что говорят правду.

Бабушка Алины так никогда и не позволила внучке рассказать, что произошло. Она надеялась, что девочка забудет пережитый ужас — только не надо его ворошить. Родители погибли, младший брат погиб... разве что-то изменят подробности их смерти? Может быть, Алина и впрямь забыла бы брата, свыклась с мыслью, что его давно нет, — если бы не сны. Девочке снилась Зона.

Год за годом она видела в снах странные места, незнакомые ландшафты и непривычного вида тварей. Сны вовсе не были кошмарами, они напоминали фильм без начала и конца, с непонятным сюжетом — вроде обрывков передач канала «Дискавери». Бабушка не желала слушать про сны Алины. Когда девочка попыталась заговорить о них в школе, ее отправили к врачу. Алина научилась молчать — ей вовсе не хотелось прослыть сумасшедшей. Хватало того, что и в школе, и во дворе панельной двенадцатиэтажки на Троещине ее дразнили «чернобыльским мутантом». Но для самой Алины сны были доказательством того, что младший брат жив.

Сестру и брата связывала тоненькая, но прочная ментальная ниточка. Алина не знала, что именно она видит — сны брата или его явь. Но твердо верила, что он выжил и продолжает жить там, в Зоне. Потихоньку, для себя одной, она праздновала день рождения брата, который наступал через два дня после ее собственного. Алине исполнилось восемь, а брату пять. Ей двенадцать, ему девять. Ей шестнадцать, ему тринадцать. И она всегда знала, что, когда повзрослеет достаточно, вернется в Чернобыль и найдет брата.

Всем известно, что Зона непредсказуема. В Зоне возможно все.

Тот серебристый волчок, который унес малыша в Зону, каким-то образом его защитил. Алина была в этом убеждена.

Оставалось убедить сталкера пойти с ней на поиски брата.

Мышка приподнялась на локте, разглядывая спящего Каймана. Она уже успела немножко его изучить. Осторожный. Замкнутый. Изрядно эгоистичный. В меру жадный. Самонадеянный. Не самый плохой человек из тех, что встречались Мышке на коротком, но трудном жизненном пути. Она знает слова, которые найдут путь к его сердцу. Всего два слова. «Тайник Бюрерши».

С легким вздохом Мышка повернулась к Кайману спиной и закрыла глаза.

— Это даже хорошо, что вы такой зеленый и плоский, — прошептала она едва слышно.

Кайман недобро заурчал во сне, но не проснулся.

5. Сталкер Кайман, кабачок «У тети Кати»

— Душевная у тебя сказочка, — буркнул Кайман. — Слезу вышибает. Про сестрицу Аленушку, то бишь Алинушку, и братца... а как его, кстати, звали, твоего брата?

— Матвеем, в честь дедушки.

Мышка старательно возила ложкой в тарелке солянки, как ребенок, которому сказали, что сладкое — только после супа.

— Не хочется, ну и не ешь! — не выдержал Кайман. — Смотреть противно!

Мышка немедленно отодвинула тарелку. Сам Кайман наворачивал уже вторую порцию соляночки. Он специально пошел сегодня не в «Шти», а в подвальчик без вывески, который

все называли «У тети Кати». У тети Кати, ясен пень, не было ни стриптиза, ни боулинга, но готовили здесь на порядок лучше, чем в «Штях». Оно и понятно — в бар люди ходят отвести душу, а сюда — хорошо пожрать. Впрочем, выпить водки или пива у тети Кати можно было с тем же успехом.

— И почему я должен верить, что ты знаешь, где тайник Бюрерши? — мрачно спросил Кайман.

Мышка независимо дернула плечиком.

— Не хочешь — не верь. Найду другого, кто поверит.

Кайман задумался. Поверить было заманчиво. Разумеется, он слышал про клад Бюрерши, и даже знал нескольких кладоискателей, которые пытались его отыскать по вроде бы точным картам и вроде бы достоверным описаниям. После каждой неудавшейся попытки найти нычку рассказы о ее содержимом становились только цветистее.

В принципе, у каждого сталкера в Зоне есть тайники. По разным причинам может выйти так, что переть хабар через Периметр нельзя, приходится прятать. И если сталкер загнулся, клад остается ждать нового хозяина. Так было с самого начала Зоны. У погибшей Бюрерши наверняка имелся тайник, причем не один. Вопрос в том, что именно лежит в закладке — милые пустячки, вроде «батареек», разрядившихся за столько-то лет, или действительно что-то серьезное, типа «сердца спрута», как утверждают слухи. И второй вопрос — правда ли Мышка знает место тайника.

Кайман видел паспорт девчонки. Десять минут поиска в локальной сети подтвердили, что она действительно дочь Пономаря и Бюрерши. И рассказанная ею история о друге родителей, который навестил бабушку и внуку в Киеве и оставил им карту с кладом, звучала правдоподобно. Не обязательно она была правдивой, эта история, но правдоподобной — вполне. И верить в нее хотелось.

Клад Бюрерши в уплату за поиски Мышкиного брата — неплохая сделка.

Разумеется, даже точная карта в Зоне ничего не гарантировала. Мало ли, может, над тайником аномалия? Может, этот друг семьи потому и поделился данными, что сам не смог выпотрошить нычку? С другой стороны, там, где вчера была аномалия, сегодня ее может не оказаться, и наоборот. Двенадцать лет — большой срок. И как ни крути, соглашаться на предложение Мышки было рискованным.

Кайман собирался рискнуть. Кто не рискует, тот не сталкер.

— Слушай, Кайман, а тебя самого как зовут? Ну, по имени?

Сталкер нахмурился.

— Тебе это зачем? Геннадий я по паспорту.

— А прозвище твое откуда? — не отставала Мышка. — Сам придумал?

Вот настырная! Кайман отставил тарелку, подвинул поближе пиво, закурил.

— Неважно, — хмуро сказал он. — Ты только одно запомни, малая. Никогда, ни в страшном сне, ни в предсмертном бреду не пытайся назвать меня Крокодилом. Понятно?

— А...

— Заткнись, — коротко сказал Кайман.

Мышка заткнулась. Она вообще оказалась понятливая девчонка. И не истеричка. На удивление нормальный человек для своего пола и возраста.

Интересно, жив ли в самом деле ее брат?

Вообще-то этот вопрос занимал Каймана куда меньше, чем вопрос о тайнике Бюрерши. В конце концов, Мышка согласилась назвать ему местонахождение клада в любом случае. Если они найдут Матвейку — само собой. И если окажется, что мальчишка умер, — тоже. Поэтому Каймана устраивал любой расклад, хотя, если пацан все-таки жив, это сулило дополнительные бонусы.

Сказке про сестрицу, братца и серебряный волчок Кайман поверил. В Зоне каких только сказочек не бывает, вот только концовки обычно фиговые.

Ясен пень, мальчика утатило в Зону. Но дальше начинались варианты. Первый вероятный случай — смерть по дороге. Второй, еще более вероятный, — смерть по прибытии в Зону. Двухлетнему малышу без опеки не выжить.

— А ну, малая, расскажи какой-нибудь сон, — потребовал Кайман.

Мышка послушно заговорила. Сталкер слушал ее и согласно кивал. Да, впадина метров пятьдесят в диаметре и примерно пять глубиной. Да, выжженная земля, корка лавы и огонь, вспыхивающий то здесь, то там. Да, бегущие по кругу сгустки пламени. Безграмотное, конечно, описание комплексной аномалии «цирк» — но для новичка вполне сойдет. Во всяком случае, узнаваемо. Тот, кто там был, опознает без колебаний. Кое о чем Мышка не сказала — это ощущение убийственного жара, текущего из котлована, это потрескивающие опаленные брови и ресницы, это едкая вонь горящей земли... Все ее описания Зоны были лишь картинками, без запахов и чувств. Но это понятно — ведь она не бывала там наяву.

И тем не менее Мышка с одинаковой легкостью описывала и Свалку, истоптанную сотнями сталкеров, и окрестности Саркофага, и совсем незнакомые Кайману места. Девчонка как будто исходила Зону вдоль и поперек. Точнее, если принять ее версию, вдоль и поперек исходил Зону ее брат. А на самом деле?

Мышка считала свои сны о Зоне доказательством того, что Матвей жив. Очень хлипкое доказательство. Мало ли чего она наслушалась в детстве от родителей, у которых одна Зона была на уме? Наяву она ничего не помнит, но во сне всплывают воспоминания, только и всего.

И все-таки Кайман не исключал варианта, что пацан живой.

Уж кому, как ни сталкеру, знать, что в Зоне может произойти что угодно. То есть для начала неплохо бы вспомнить, что Зона вся — одна большая странность. Думаете, можно научиться стрелять в монстров и находить артефакты, и Зона у вас в кармане? А вот шиш! Кайман своими ушами слышал рассказы матерых сталкеров о тварях и артах, замеченных в одном-единственном экземпляре, о необъяснимых происшествиях на привычных, исхоженных тропах, об исчезновениях людей и внезапных появлениях давно пропавших... Главное свойство Зоны — непостоянство. Она все время меняется — как говорят старожилы, «дышит».

У Каймана в заглавнике памяти тоже имелись уникальные случаи. Например, в самом начале сталкерской биографии, когда Кайман ходил в отмычках и еще не звался Кайманом, он как-то отправился в кусты по самой прозаической надобности. А возвращаясь к месту стоянки, попал в густой туман. Битый час он бродил в густом молочном киселе, натыкался на деревья, стрелял, орал от отчаяния, а потом вдруг сделал шаг — и оказался среди своих. Для них Кайман отсутствовал лишь несколько минут. Но, главное, вся одежда на нем оказалась вывернута наизнанку. Хорошо, что только одежда, а не он сам... «Пометила, значит, тебя Зона», — ухмыльнулся тогда старший их группы, Тетеря. Неплохой мужик был Тетеря, сгинул давно в Мертвом городе, пусть ему хорошо лежится...

Кайман потом, по наивности новичка, у всех подряд сталкеров допытывался, было ли с кем такое. Именно такого — не было. Для него одного Зона так расстаралась. С другими зато другие шутки шутила... Опять-таки, любой сталкер знает, что в Зоне играет роль личное везение или невезение. Если не везет — лучше сразу валить обратно в большой мир и не соваться внутрь Периметра. Не то и сам гробанешься, и других с собой заберешь. Зато если везет — лови удачу за хвост! Причем везение бывает разное: кому везет на редкие артефакты, кому — на меткий выстрел, а кому и просто в карты, вариантов много. Недаром среди сталкеров всегда кого-нибудь кличут Счастливым или Везунчиком. И когда рано или поздно бывший Счастливчик становится Хромым или Одноухим, а то и просто трупом, непременное прозвище достается другому.

Сталкер допил пиво и постучал по бокалу, подзывая официантку:

— Повторить.

Кстати, о везунчиках... Ёшкин кот! До чего жаль, что напарник свинтил. Вместе с Тимом было бы сподручнее искать Мышкиного братца. С другой стороны, когда работаешь один — не надо делиться, а это приятно.

Так вот, о бонусах. Однажды при Каймане упоминали артефакт «юла». Правда, в том рассказе юла была золотая, и обнаруживший ее сталкер не стал трогать игрушку пальцем —

еще бы, он же не дитя малое! — а изловчился и прихлопнул ее контейнером, как бабочку сачком. Ну, и загнал потом за хорошие бабки. За очень хорошие.

Короче говоря, если они с Мышкой найдут Матвейку, и если юла все еще при нем, Кайман заберет себе арт. Правда, девчонке об этом пока знать незачем, а то вдруг еще вздумает торговаться. Пусть сперва укажет клад Бюрерши, это главное.

Решено. Он поможет Мышке искать брата. Обратно из Зоны тоже выведет. И ее, и пацана, если тот найдется. Между прочим, пацан может заупрямиться. Допустим, он прожил в Зоне всю жизнь, и тут его тащат неизвестно куда. Ха! Мышка об этом, конечно, не думала. Сколько ему там сейчас, четырнадцать? Самый паскудный возраст! Еще не факт, что малец вообще понимает по-человечески. Может, его там, в Зоне, псевдособаки воспитали или кровососы. Кайман слышал байки и на тему черныбыльских «маугли». Сколько сталкеров — столько и легенд о Зоне.

Слишком много «если» в этой истории. Но Кайман по-любому не останется внакладе. Ну... не должен остаться, скажем так. Риск всегда есть, но нарочно страдать благотворительностью Кайман не собирался. Сталкеру — сталкерово, это не нами сказано, не нам и оспаривать.

— А можно мне мороженое с фруктами?

Оказывается, он так углубился в свои мысли, что чуть не уснул над недопитым пивом. Мышка чувствительно толкнула его локтем.

Мороженое? Тьфу ты, ёшкин кот! Ну, девчонка, что с нее взять? Послезавтра ей в Зону идти — а она о мороженом думает!

— Так пойдя да спроси, — пожал плечами Кайман. — Откуда мне знать, есть тут у них мороженое или нету.

Глядя, как Мышка пересекает зал, сталкер вдруг понял, что девчонка-то как раз и не знает, что он уже все решил. И срок назначил — послезавтра. Надо ее обрадовать, что ли. Только бы никто другой не узнал, что Кайман поведет в Зону женщину. Ни единой душе этого знать нельзя, иначе с той стороны Периметра их будет ждать целый комитет по встрече. Женщина в Зоне, как правило, — это добыча и ничего больше. Ей нужен взвод охраны, как у ученых. Женщина в Зоне не к добру.

Рядом с Зоной — пожалуйста, пусть будет сколько угодно женщин. Они тоже люди, тоже хотят заработать, вот и пусть занимаются тем, к чему больше способны. Готовят, подают, убирают... В постели, опять-таки, женщины кстати.

Кайман с внезапным удовольствием окинул взглядом Мышку, которая возвращалась с мороженым. Вот ведь цыпленок цыпленком, а если приглядеться — так все при ней, особенно если приглядываться без одежды. Удачно он ее подцепил в «Штах».

Во всех отношениях удачно. Если дело с тайником Бюрерши выгорит, можно завязывать с Зоной. Ради такого приза не зазорно повести девчонку за Периметр.

— Еще пива?

Кайман исподлобья посмотрел на официантку.

— Хватит, — отрезал он. — Давайте счет.

Предыдущие три дня он отрывался по полной, как всегда после ходки. Выходить из трехдневного загула надо было с умом. В тактических наработках Каймана по этому поводу первым номером значилась правильная еда. Поэтому сегодня с утра он прошелся по соляночке и теперь чувствовал в желудке благостное спокойствие. Позже надо будет скушать овсяной каши — нечего кривиться, она отлично очищает желудок, — а вечером съесть чего-нибудь диетического, к примеру куриную грудку. Пиво сегодня полагалось только светлое и не больше полутора литров.

Завтра пива уже не выпьешь. Накануне выхода в Зону — сухой закон. Так решил для себя Кайман и таких правил придерживался. А в самой Зоне он пил только водку и только в лечебных целях. Ходка в Зону — это вам не пикник. Те, кто там позволяет себе расслабиться, живут недолго и несчастливо.

На лестнице раздались громкие голоса. Дверь кабачка хлопнула и в помещение ввалились двое мордатых громил.

— Водки нам! — заорал один еще с порога.
Второй обвел подвальный мутным взглядом и остановился на Каймане.
— О, К-хородил! — пьяно обрадовался он. — Ты живой еще, ск-хотина?
Кайман медленно встал из-за стола.
— Смотри внимательно, малая, — спокойно сказал он Мышке. — Вот что бывает с теми, кто называет меня Крокодилом.
Кайман одним плавным, скользящим движением обогнул стол и устремился навстречу мордовороту.
— Давно не виделись, говнюк, — оскалился он. — Ты вроде как забыл, как меня зовут.
Правую руку Кайман протянул словно для рукопожатия. Левую отвел вбок. В следующую секунду Кайман сделал шаг в сторону, а бугай почему-то пролетел несколько метров и торпедой врезался в столик. Столик затрещал и развалился, огрев его обломком столешницы по голове.
— Ах ты ж падла!
Первый, вызвавший о водке, взалкал мести и попер на Каймана. Сталкер миролюбиво попятился.
— Ничего личного, мужик, — сообщил он. — С Валетом мы в расчете, а к тебе я без претензий.
— Зато я в претензиях! Ты Валета уронил, крутой, да? А н-ну!..
Кайман ослабил. Мышка моргнула. Ей на мгновение показалось, что она видит ухмыляющегося аллигатора, и совсем не из мультика.
— Да пожалуйста, — скучно сказал Кайман. — Любой каприз, как говорится, за ваш счет.
Громила хекнул, и его правый кулак стремительно врезался сталкеру в челюсть. То есть это ему казалось, что стремительно и врезался. Кайман поднырнул под его руку, подставил плечо... и Мышка снова не поняла, как это получилось, но приятель Валета тоже пролетел метра три, затормозил об кадку с фикусом и остался лежать среди поверженной им растительности.
— День летающих кабанов, — прокомментировал Кайман. — Эй, хозяйка! Сколько я должен за мебель и беспокойство?
Выйдя из кабачка, они с Мышкой молча прошагали несколько кварталов. Сталкер видел, что девчонка порывается заговорить и не решается.
— Ну, чего ты опять хочешь спросить? Спрашивай! — щедро разрешил Кайман.
Он был доволен собой. Адреналин смыл остатки похмелья, и жизнь заиграла красками.
— Ты только меня не бей, ладно? — прищурилась Мышка. — А чем вообще отличается кайман от крокодила? Я и не знала, что есть разница.
Тьфу ты! Вот зараза белобрысая, нашла что спросить. Но у Каймана был заготовлен хороший ответ на этот вопрос.
— Костным панцирем, который защищает брюхо, — раздельно сказал он. — У каймана нет уязвимых мест. Поняла?
Мышка сосредоточенно кивнула. Остаток дороги до дома они молчали.

Глава вторая. Рекогносцировка

6. Мышка, Подлесье

Не то чтобы Мышка ждала, что они обвешаются оружием и будут прорываться через Периметр с боем. Но как-то уж слишком буднично все происходило.
Они проснулись по будильнику в семь утра. Позавтракали яичницей с бутербродами. Кайман положил наладонник на стол рядом с тарелкой и периодически на него поглядывал, но Мышку не торопил. Допил чай, сказал:
— Пора.

Мышка забросила на плечо рюкзак. Вчера Кайман придирчиво проверил его содержимое, не иначе искал туфли на шпильках, кружевное белье и пять сортов помады. При виде гигиенических прокладок скривился, как от больного зуба, но смолчал. Заставил выложить только паспорт. Прокладки Мышка по размышлении сама не стала брать. Если что, она как-нибудь и ватой обойдется. «Если что» вообще-то предполагалось нескоро, но — во-первых, неизвестно как женский организм отреагирует на Зону, а во-вторых, непонятно, сколько времени займут поиски Матвея, возможно, не один месяц. Лифчики Мышка принципиально не носила — дорастет когда-нибудь до второго размера, тогда и озаботится этим вопросом, а пока незачем. Так что содержимое рюкзака имело вполне гендерно-нейтральный вид.

Сама Мышка, как ни прискорбно, тоже.

Сталкер бросил на нее оценивающий взгляд, остался доволен, подхватил с пола свой собственный рюкзак.

— Пошли.

Хорошо, что больших зеркал в холостяцкой берлоге Каймана не водилось, только мутное стеклышко размером с блюдце — видать, для бритья. Мышка ничуть не желала знать, как она нынче выглядит.

Накануне Кайман выдал ей машинку для стрижки волос, хмуро спросил:

— Разберешься? Включи в сеть, вот тут придерживай... ну и все. Работай.

— Что, налысо? — мрачно пошутила Мышка.

— Нет, зачем? — не понял шутки Кайман. — Сделай нормальный такой ежик. Ну, как у меня.

— Ага.

Обстриженную под мальчика Мышку сталкер несколько раз щелкнул на фотик, куда-то ушел, отсутствовал долго и ничего не объяснил. Надо полагать, организовывал Мышке какой-то документ с фотографией, хотя она не взяла в толк, зачем. Но спрашивать не захотела — дойдет до дела, станет ясно.

Кайман закрыл дверь на два замка и молча затопал вниз по лестнице. Выйдя из подъезда, бросил Мышке через плечо:

— Не отставай.

Собственно, она и не собиралась. Кайман что, серьезно думает, что она неспособна выдержать взятый им прогулочный темп? Без груза и по асфальту! Ха-ха три раза!

— Между прочим, я четыре года биатлоном занималась, — самолюбиво вздернула голову Мышка.

— Это хорошо, — Кайман даже не повернул головы. — Значит, не придется тебя по Зоне за шкурку таскать. И стрелять умеешь?

Мышка презрительно фыркнула. Умеет ли она стрелять! Это она-то!

— Дай винтовку — увидишь, — процедила девушка. — Кстати, мы что, совсем безоружными пойдем?

— Хорошо, — спокойно сказал сталкер. — Умение стрелять в Зоне очень даже кстати.

Вопрос об оружии он оставил без ответа.

За четверть часа они прошли весь поселок насквозь и оказались на противоположной окраине. Мышка увидела стандартную будочку остановки, а возле нее — старенький ПАЗик, такой же, какие ездят по Киеву в качестве маршруток, и не удержалась от возгласа:

— Здесь что, автобусы в Зону ходят?

Кайман недовольно обернулся.

— В Зону — не ходят, — раздельно сказал он. — А рядом с Зоной — отчего нет? Здесь люди живут, как ты могла заметить. Обыкновенные. Людям свойственно есть, пить, мусорить, ходить в магазины, ездить на автобусах и так далее. А теперь замолчи, пожалуйста. Откроешь рот, только когда разрешу. Ясно?

Мышка молча кивнула.

Пассажиров набился полный ПАЗик. Хорошо, что они с Кайманом успели занять сидячие места. Стекла запотели, Мышке приходилось поминутно протирать себе рукавом

куртки смотровое окошко. Смотреть, впрочем, было не на что. Местность за окном была унылой и безликой, как любой плоский пейзаж. Пасмурное небо усугубляло тоску. Тянулись бесконечные равнины, местами заболоченные, местами зарастающие кустарником — возможно, бывшие поля. Мелькали редкие островки рощиц. Октябрь выдался теплым, и деревья еще стояли зелеными. Встречались опоры ЛЭП — новые, с натянутыми проводами и черными матовыми тарелками изоляторов, и старые, изломанные и покореженные. Автобус трясся по выбоинам, лишь иногда попадались приличные участки дороги.

По каким признакам водитель решал, где остановиться, Мышка не уловила. Несколько бетонных будочек на обочине он миновал без задержки, а потом вдруг сделал остановку просто на обочине, и человек пять вышло. Других он высаживал по одному, по двое в таких же неочевидных местах. Еще десяток человек покинуло автобус «на развилке», как объявил водитель простуженным голосом. Никакой развилки Мышка не увидела, но от обочины в луга в этом месте уходила вытоптанная пешеходная тропа.

После развилки в ПАЗике осталось всего шесть пассажиров — Кайман с Мышкой, трое мужчин и дряхлая бабка с огромными матерчатыми авоськами. Автобус остановился перед шлагбаумом и открыл переднюю дверь. Мышка встрепенулась было, но Кайман молча положил ей руку на колено: «Сиди».

Снаружи слышались голоса — кто-то разговаривал с водителем со стороны кабины. В автобус бодро запрыгнул здоровенный детина в форме с большим количеством карманов, незнакомыми нашивками и флагом США на правом нагрудном кармане, на рукаве и на берете. Мышка захлопала глазами — детина оказался негром.

— Документс? — спросил негр.

Пассажиры полезли по карманам. Кайман не торопясь вытащил две потертые, обмахрившиеся по краям бумажки с отпечатанным на машинке текстом и с фотографиями. На одной из них Мышка с удивлением узнала себя. Парнишка из нее получился неплохой, только очень уж перепуганный и тонкошей.

Негр что-то сказал Кайману.

— Ай донт андерстенд ваш американский, — пожал плечами сталкер.

Американец растянул лягушачьи губы в дежурной улыбке, вернул Кайману бумажки и так же быстро просмотрел документы у остальных. Заминка вышла только с бабкой, которая долго копалась в авоське, пока не добыла с самого дна сложенную вчетверо справку. Негр терпеливо ждал. За его плечом маячили еще двое в такой же форме. Наконец бабка тоже была сверена с фотографией, негр молодцевато выпрыгнул из ПАЗика и автобус двинулся дальше.

Через каких-нибудь пару сотен метров дорога закончилась тупиком.

Автобус въехал на площадку, окруженную по периметру какими-то прилавками и облезлыми будками. Над одним из прилавков была развешена сушеная рыба, по соседству громоздились какие-то кастрюли, и Мышка с изумлением понял, что это местный рынок.

— Приехали.

Кайман подхватил рюкзак и выбрался из автобуса. Мышка поспешила за ним, пока бабка не заблокировала авоськами проход.

— Куда мы приехали? — не выдержала она, оказавшись снаружи. — И что за документы ты ему показал?

Сталкер ухмыльнулся. Похоже, после пересечения шлагбаума у него сильно поднялось настроение.

— Справки о том, что мы местные жители, — охотно пояснил он. — Поэтому нам разрешается въезд в поселок Подлесье.

— И что, справки на английском? — не поняла Мышка.

— Нет! — развеселился Кайман. — Справки, представь себе, на двух языках. На украинском и на белорусском. В чем же и вся прелесть!

— Ничего не понимаю, — помотала головой Мышка.

— Сейчас, — невнимательно сказал Кайман. — Сейчас мы зайдем в одно место, мне тут кое-что надо прикупить, а потом я тебе все объясню.

Мышка пообещала себе ничему больше не удивляться. И все равно удивилась, когда «одно место» оказалось сельским магазинчиком, а купил там Кайман ни много ни мало полтора килограмма разных карамелек.

— Клоун любит белорусские, — пояснил ей Кайман, чем только запутал девушку еще больше.

От магазина они по узенькой улочке за пять минут вышли из поселка. За последними огороженными участками и впрямь сразу, без предупреждения начинался лес. Тропинка нырнула в густые кусты и пропала, однако Кайман уверенно двигался вперед. Продравшись сквозь полосу кустов, Мышка и сталкер оказались в сумрачном старом лесу. Идти стало легче — подлеска здесь почти не было.

— Так вот, — непринужденно сказал Кайман, — Подлесье — это тоже своего рода аномалия. Только бюрократическая.

Когда в далеком тысяча девятьсот девяносто первом году бывшие республики Советского Союза превратились в суверенные государства, крошечный поселок Подлесье оказался наполовину украинским, наполовину белорусским. Собственно, он всегда находился на границе, но до девяносто первого года это никого не волновало. Да и потом не особенно тревожило, оставаясь в большей мере формальностью. Ситуация обрела новый смысл в две тысячи шестом году, после второй Чернобыльской катастрофы. Дело в том, что разные государства по-разному прочертили контуры аномальной зоны на своей территории. Украинская часть поселка попала в Зону, а белорусская — нет.

Официально украинский поселок Подлесье закрыли и жителей отселили. На практике же почти никто не уехал. Кто-то поменял документы на дома, с тем чтобы числиться на белорусской территории. Кое-кто даже гражданство сменил, причем одни поменяли с украинского на белорусское, другие — с белорусского на украинское, кому как показалось полезнее. Но в основном люди просто продолжали жить как жили.

— А все-таки здесь Зона или не Зона?

Лес Мышке не нравился. Какой-то он был настороженный и неудобный.

— Сама подумай, — хмыкнул Кайман. — Ты же местная, должна понимать. Реальные границы Зоны колеблются, как полоса прибоя у моря. Бывают приливы и отливы. А официальная граница — это всего лишь линия на карте. И Периметр — это линия, только уже на местности.

— Хорошо, — Мышке надоели словесные выкрутасы сталкера, — тогда скажи, где Периметр? Позади нас или впереди?

— Внешний позади, внутренний впереди, — пояснил Кайман. — Украинский блокпост — впереди.

— А белорусский?

— А белорусского блокпоста не существует, — снова развеселился сталкер. — Въезд иностранных граждан на граничащие с аномальной зоной территории Белоруссии, по соглашению двенадцатого года, контролируют войска ООН. Они-то нас и пропустили.

— Не понимаю, — рассердилась Мышка.

— Никто не понимает! — хохотнул Кайман. — А пока никто не понимает, в поселок Подлесье можно приехать на рейсовом автобусе, сунуть американцам справку на непонятной им кириллице и топать дальше пешочком.

— И зачем такие сложности, если впереди все равно блокпост?

— Сложности? — изумился сталкер. — Вот форсировать защитную линию Периметра около Чернобыля-4 — это сложности! Резать спираль Бруно, пробираться среди минных полей — это да, удовольствие выше среднего. И все равно иногда приходится лезть на рожон. Особенно когда возвращаешься из Зоны. Там, бывает, не выбираешь, куда идти. Идешь, куда можешь.

— Но блокпост! — упрямо повторила Мышка.

Кайман неожиданно остановился, развернул ее к себе лицом, жестко взял за плечи.

— Слушай, малая, ты вроде не дура, а? Государственные законы — это не законы природы. Гравитацию, к примеру, не обойдешь, а какую-нибудь декларацию, хоть бы и

международную, — запросто. Ну что блокпост? Есть посредники, есть определенная такса за проход, договариваешься со старшим смены — и топай себе через Периметр. И заметь, парни даже не будут виноваты, потому что с точки зрения Украины это внутренняя линия, а через внешний кордон нас уже пропустили. Негр в беретике пропустил. И доброго дня нам культурно пожелал.

— Ты же не знаешь английский! — возмутилась Мышка.

— Кто тебе сказал? — хищно ухмыльнулся Кайман.

— Так ты же сам!.. — девушка запнулась.

— А ты, значит, веришь всему, что вслух говорится, да? — прищурился сталкер.

— А... ну, если так...

Мышка переварила информацию.

— Значит, мы идем на блокпост, даем взятку и проходим в Зону? — сердито уточнила она.

— Нет.

Сталкер полез во внутренний карман брезентовой куртки, достал ПДА и удовлетворенно кивнул.

— Сегодня нам блокпост ни к чему. Мы не идем в Зону, потому что Зона сама идет к нам.

Мышке на мгновение стало жутко. Ей показалось, что Кайман сошел с ума. Что значит: «Зона идет к нам»? Запутал он ее вконец своими рассуждениями. Девушка вдруг почувствовала себя уязвимой. Очень неприятное ощущение! Одна, безоружная, в незнакомом лесу, с психом...

— Страшно, да? — усмехнулся сталкер. — Это дыхание Зоны, детка. Зона дышит жутью, так воспринимают ее люди. В первый раз особенно скверно. Сейчас станет еще хуже, а потом должно пройти. Помнишь, я сказал — приливы и отливы? Их нельзя предсказать научно, но есть люди, которые чувствуют их приближение заранее и составляют сводки. Я специально подгадал такой момент, чтобы оказаться здесь. Сейчас к нам движется прилив.

Мышка и сама уже ощущала что-то необычное. Зачесались кончики пальцев, холодок пробежался по хребту, встали дыбом волоски на руках. словно чья-то ледяная рука потрогала ее незащитно оголенный, свежестриженный загривок. Лес угрожающе зашумел под налетевшим ветром. Внезапно низовой порыв ветра донес тухлую вонь болота, и Мышка от неожиданности закашлялась. Кайман снова жестко взял ее за плечо.

— Стой на месте, — предупредил он.

Надвигалось. Мышка почувствовала, как внутри нее стремительно вспухает ком бессмысленного ужаса. Бежать! Бежать отсюда куда глаза глядят!

Вспышка молнии полоснула по глазам. Мышка ойкнула. Почему-то грома все не было и не было, и через несколько секунд до нее дошло, что его и не будет. То, что ее сознание восприняло как вспышку, имело другую природу. А еще ее вдруг отпустило, липкий ком ужаса постепенно таял, и Кайман снял руку с плеча.

— Вот мы и в Зоне, — сказал он, не двигаясь с места.

Зона? Вокруг них Зона? Перелилась через периметр, захлестнула аномальным прибоем неприветливый осенний лес... Девушка поймала себя на том, что невольно задерживает дыхание, пытаясь не вдохнуть воздух Зоны. Смешно! Ей предстоит здесь дышать, есть и пить не один день. Как говорят сталкеры, Зоны бояться — за хабаром не ходить. Мышка сделала над собой усилие и задышала нормально.

А запах в лесу изменился. Откуда-то потянуло дымом. И еще чем-то неуловимым, незнакомым, кисловато-железным.

— Чего ждем? — хрипло спросила девушка, и собственный голос показался ей чужим.

— Не чего, а кого, — насмешливо поправил сталкер. — Проводника.

За ближайшим кустом раздалось покашливание. Девушка подпрыгнула. Нервы ее были напряжены до предела, все чувства обострены. Она могла поклясться, что в кустах только что никого не было.

— Здравствуй, дядя Миша.

Кайман первым шагнул навстречу.

Человек, названный им дядей Мишей, больше всего напоминал старенького бомжа. Заросший седой щетиной мужичок, одетый не по погоде в засаленный до блеска ватник. Маленькие глазки остановились на Мышке, и дядя Миша неожиданно лукаво ей подмигнул.

— Здравствуй, торопыга, — дядя Миша обратил взор на Каймана. — Мы тебя давеча с той стороны ждали, а ты уже обратно с этой. Да еще с барышней! И зачем ты ее так обстриг?

— Так получилось, — уклончиво ответил Кайман на все сразу. — Ну, води нас, дядя Миша. Сначала девушку, будь ласка.

— Дык само собой.

Дядя Миша чинно оттопырил локоть, предлагая Мышке взять его под руку.

Ей вдруг стало смешно. Подрагивающим от сдерживаемого смеха голосом она спросила:

— А как вы догадались, что я девушка?

Дядя Миша предупредительно прижал локтем ее руку к грязному ватнику.

— Поживи с мое, деточка, — прищурился он, — тоже научишься внутреннее от внешнего отличать.

Без всякой связи со словами он вдруг резко крутнулся на месте, разворачивая за собой Мышку, как партнершу в танце.

Мир мигнул.

Ошалелыми глазами Мышка смотрела вокруг — на развалины одного дома, на крепкий, недавно подновленный другой дом, на сарай с провалившейся крышей и огород с ровными рядками капусты. И ни следа леса вокруг.

— Где это мы? — ахнула девушка. — Как сюда попали?

— У меня на хуторе, — сказал над ухом дядя Миша. — Сейчас дружка твоего доставлю, пусть он тебе объясняет.

Мышка обернулась, но проводника рядом уже не было. Исчез. Вот так просто взял и исчез на ровном месте.

От сарая к ней кто-то торопливо ковылял, подволакивая левую ногу. На нем была двучетная куртка, левая половина защитного цвета, правая — синего, а на голове красовалась странная штуковина. Мышка с трудом рассмотрела, что это самодельный колпак, увенчанный маленьким уродливым черепом — кошачьим, что ли?

— Конфеты есть? — издалека крикнул незнакомец.

7. Сталкер Кайман, хуторок в Зоне

Кайман открыл сундук и перебирал оружие, краем уха прислушиваясь к звукам, доносящимся от костра. Настырная Мышка пыталась выпросить у дяди Миши, как именно ему удастся исчезать в одном месте Зоны и появляться в другом. Проводник отделялся шуточками-прибаутками:

— Как исчезаю? Да обыкновенно, милая. За угол заворачиваю, и все тут. За какой угол? А за пятый, само собой. И выхожу из-за него же. Да чего там сложного? Любой так может. Одна нога здесь — другая там. Только чувствовать надо, где в природе пятый угол располагается...

Клоун громко чавкал карамельками, давился слюной, хихикал и что-то неразборчиво бормотал на разные голоса, как поломанный приемник. Кайман сокрушенно покачал головой. В прошлый раз безумец вел себя спокойнее. На Мышку отреагировал, что ли?

Мышка, надо отдать ей должное, от Клоуна не шарахалась, хотя выглядел он как зомби многолетней выдержки, а то и хуже. Левая, парализованная часть его лица смотрела за горизонт пустым глазом, из уголка рта тянулась ниточка слюны. Правая, живая половина, наоборот, непрестанно подергивалась, произвольно меняла мимику. Точно так же по-разному вели себя левая и правая половины его несимметричного тела. Правая рука жонглировала камушками, жестикулировала, крутила дули, тыкала всюду указующим перстом и цинично демонстрировала средний палец. Левая — свисала как опухший муляж.

Глядя на урода, трудно было поверить, что он пришел в Зону красивым парнем, смельчаком и умницей. Но Кайман еще помнил его таким — потому что они начинали вместе, оба были отмычками у Тетери и оба успешно пережили этап ученичества. А потом однажды парню не повезло — он вляпался в «электру». Или повезло? Потому что он выжил, а такое редко случается. Или все-таки не повезло? Кайман, например, предпочел бы смерть такой жизни, какую уже три года вел Клоун. Или повезло? Потому что искалеченный Зоной сталкер сделался в ней своим, и, судя по всему, был вполне счастлив... по-своему, конечно. Но что мы понимаем в чужом счастье?

В помешательстве Клоуна были логика и артистизм. Он сам умудрялся шить себе одежду из двух разных половин и украшать крысиными черепами и косточками. Полное имя, которое он себе выбрал, звучало так — Добрый Злобный Клоун Жизни и Смерти.

Кайман считал себя лишенным сантиментов. Но от Клоуна его так пробирало до печенок. Потому Кайман и таскал безумцу карамельки с той стороны Периметра, откупался от собственных призраков и лишних мыслей. И все равно иногда, как вот сейчас, не мог отделаться от ощущения, что смотрит на Клоуна как в зеркало. В слишком правдивое зеркало, которое с непривычки кажется кривым.

— Все мы тут порченые да меченые, — проворчал Кайман себе под нос, разворачивая промасленные тряпки и извлекая из сундука очередной ствол. — Тела в шрамах, души в ссадинах. Каждого Зона под себя приспособила, так или эдак. На каждом клеймо поставила.

— Верно говоришь, да не совсем.

Сталкер вздрогнул. Дядя Миша вывернулся у него из-за плеча, по-свойски дохнул сивушными маслами.

— Я вот думаю, все наоборот. Кому в Зону не надо, тот сюда и не полезет. А ведь лезут, понимаешь? Как одержимые лезут! Почему? Кто-то на нас, таких, манок здесь поставил...

— Кто?! — оторопел Кайман.

— Пришельцы, конечно, кто же еще?

Дядя Миша пригорюнился, махнул рукой.

— А мы радуемся, глупые. Летим, как светляки на лампочку. Н-да... Я чего хотел сказать? Пойдем-ка, Гена, выпьем водки. Пока тот, кто все это затеял, дихлофосом на нас не брызнул.

Кайман все понял. У дяди Миши в гостях побывал очередной проповедник.

Разной эзотерически двинутой публики вокруг Зоны копошилось немерено. Пророки, антипророки, лжепророки, защитники и противники Зоны, адепты всевозможных учений. Большинство из них, впрочем, держалось подальше от реальной Зоны и витийствовало в сети. Но кое-кто настырно лез за Периметр, а некоторые даже пролезали.

Иногда дядя Миша для развлечения приводил к себе на хуторок кого-нибудь из этой братии. Немного кормил, щедро поил и упоенно слушал, а потом выставлял прочь из Зоны. Первые дни после визита оракула дядя Миша честно придерживался новых убеждений, но они быстро приходили в негодность и уступали место его обычному пофигизму.

Сталкер поморщился. Он не любил проповедников, и ему сильно не нравилось, что дядя Миша водит посторонних туда, где Кайман держит свое добро, — пусть даже найти хуторок без помощи дяди Миши было невозможно. Но Кайман и сам был здесь гостем, хоть и желанным — но не хозяином, так что порядки диктовать не мог.

— Водки? Выпьем, а как же, — рассеянно сказал сталкер, доставая из сундука коробки с патронами. — Но потом. Я вот думаю, достаточно наша барышня по консервным банкам настрелялась. Пора ей местное зверье показать. Говоришь, кабаны нынче расплодились сверх меры? Сейчас будет им мера. Высшая. Выведи-ка нас, пожалуйста, к четырем холмам, где дубнячок.

— Это можно... — дядя Миша поскреб седую щетину на подбородке. — На который из холмов-то? Небось, на северный, что без леса?

— На северный, — кивнул Кайман. — Засядем на верхушке. Пока кабаны из леса выбегут, пока на наш холм взберутся, как раз их перестреляем.

Смешанный лесок, в котором преобладали молодые дубы, был излюбленным местом кабанов. Вообще-то кабаны в Зоне были те еще твари — хищники и каннибалы. Глянешь такому в морду — не рыло, а коллекция клыков, изогнутых на любой вкус, как японский набор ножичков для харакири. Но, верные генетической памяти, кабаны-мутанты обожали желуди. И грибы они жрали за милую душу, хотя грибы в Зоне — это отдельная песня, сталкерская народная под аккомпанемент счетчика Гейгера. Никакие другие растения не тянут радиацию из почвы так, как грибы.

На первый взгляд времена года в Зоне выглядят одинаково. Хмурое небо, жухлая листва — пойди разбери, что это: слишком холодное лето, ненормально теплая зима или медленное переползание от одного к другому. Но если потрудиться бросить второй взгляд, становилось понятно, что годовой цикл растений никуда не делся. И, стало быть, осенью с дубов падают желуди. А где желуди — там и кабаны.

Дядя Миша доставил Каймана на место и отправился за Мышкой. За те несколько минут, что сталкер оставался один, он успел прикинуть обстановку.

Северный холм был высоким, с лысой плоской верхушкой. Когда-то здесь гнездилась большая температурная аномалия — «жарка», и, как видно, прожгла почву на большую глубину. Во всяком случае, хотя «жарка» давно исчезла, растительность здесь так и не появилась. Для стрельбы по кабанам — отличная позиция. Были бы кабаны!

А стадо диких свиней как раз паслось на соседнем, поросшем лесом холме. Ветерок доносил звуки — довольное хрюканье, урчание и возню. Временами хищные хрюшки совсем не по-свински взрыкивали. Если верить звукам, в их мутантную ДНК затесались собачьи гены.

За деревьями мелькали бурые бока. Кабанов там было не меньше дюжины. Если оказаться в самой гуще стада, для новичка с пистолетом — это верная смерть, для опытного сталкера с нормальным стволом — даже не развлечение.

А для Мышки будет хорошая проверка.

На хуторе сталкер велел ей тренироваться в стрельбе по мишеням и убедился наглядно, что девчонка умеет обращаться с оружием и глаз у нее меткий. Стало быть, не врала про биатлон. Уже легче. Если Кайман что-то и ценил больше хабара, так это свою собственную жизнь. А жизнь в Зоне слишком сильно зависит от того, с кем ты идешь. Понятное дело, Кайман не намерен был полагаться на Мышку как на напарника — но хотел как минимум знать, можно ли ей вообще доверить ствол. А то ведь бывают настолько альтернативно одаренные личности, что лучше им оружия не давать — целее будут.

По консервным банкам девчонка лупила бойко и свое право на оружие в глазах Каймана заслужила. И все равно, стрелять по живому существу — совсем отдельный навык. Бывает, и здоровенные мужики не могут себя пересилить. Так что пусть Мышка себя покажет в охоте на кабанов, а Кайман поглядит.

Себе сталкер взял АК-74 с «оптикой» — на кабанов хватит, и мало им не покажется. В заветном сундучке, а точнее — в нескольких сундучках, спрятанных и закопанных на хуторке дяди Миши, Кайман с Везунчиком хранили оружие на все случаи жизни. Для девчонки сталкер выбрал ВСС — «Винторез», и сделал это с умыслом. Дело в том, что у них с напарником существовала специализация: Кайман больше по ближнему бою, Везунчик при необходимости работал снайпером. Если Мышка и по кабанам будет стрелять не хуже, чем по мишеням, быть ей снайпером.

Хотя, конечно, лучше бы им пройти по Зоне без единого выстрела. Но такого не бывает.

Проводник с белобрысой вынырнули из-за невидимого угла в двух шагах от Каймана. Сталкер приподнял бровь, увидев у дяди Миши в руке тот же сакраментальный «калаш». Проводник решил принять участие в охоте? Да пожалуйста.

— Держи, — Кайман вручил Мышке винтовку. — Бей в голову. Ну, еще можно в сердце. Но в голову всегда вернее. Это не только кабанов касается.

Девчонка бросила на сталкера странный взгляд, который он не стал расшифровывать. Зыркай, не зыркай — дело покажет, что к чему.

Мышка расставила пошире ноги, сняла оружие с предохранителя, вскинула к плечу, прицелилась. Кайман ревниво следил, как она обращается с винтовкой. «Винторез» принадлежал Везунчику, и, когда напарник вернется, он захочет увидеть свое оружие в целости и сохранности. Кайман не сомневался, что Везунчик вернется, что бы он там ни говорил. Побудет на гражданке, потусуется с родней — и притянет его обратно как миленького. Зона своих не отпускает.

Мышка со стволом обращалась правильно. Кайман одобрительно кивнул ей.

— Видишь кабанов? Наша задача — их перебить. Всех. Задача ясна? Начинай.

Девчонка, против его ожидания, не замешкалась. В ту же секунду оружие в ее руках дернулось, выплевывая пули. Бурая туша кабана вывалилась из кустов — первый готов. Завизжал и рухнул второй, за ним третий. Мышка была без промаха, как настоящий снайпер.

— Отлично, малая! — сказал Кайман, прицеливаясь. — Сейчас они ломанутся к нам. Твои — те, что дальше.

Пока сталкер договаривал, десяток кабанов уже вырвались из лесочка и перли вниз по склону со скоростью электрички. Вообще-то нормальные звери ломанули бы в противоположную сторону, прочь от охотников. Но эти нормальными не были и со всей дури рвались к людям. Известный парадокс Зоны — у местного зверья желание убить человека превосходит инстинкт самосохранения.

Короткой очередью Кайман снял переднего, молодого кабанчика. За ним голова в голову шел матерый зверь, крупнее обычного — видимо, вожак. Сталкер поливал его свинцовым дождем, но кабан продолжал мчаться вниз, и лишь у подножия холма ткнулся мордой в землю, перекувырнулся через голову и остался лежать. Прочее стадо преодолело ровный участок и, не снижая темпа, поперло вверх по склону холма, на верху которого засели охотники.

Двоих кабанов положила Мышка. Остальные, злобно храпя и взрыкивая, неслись на людей. Кайман на мгновение отвлекся и бросил взгляд на дядю Мишу — зачем проводник брал ствол, если не стреляет?

И в эту секунду по ним ударили из автоматов. Огонь велся с поросшей лесом верхушки холма, отстоящего к западу от лысого северного, выбранного Кайманом. Нападавшие были лишь самую малость ниже по высоте. Ах ты ж ёшкин кот! Может, кто-то тоже решил поохотиться на кабанов, а может, просто оказался поблизости. И эти неизвестные решили, что люди — более ценная добыча. У бандитов и мародеров простая логика: с трупа кабана можно разве что клыки поиметь, а труп сталкера — это ствол, патроны, прочее снаряжение, а зачастую и артефакты.

Вот только Кайман пока не собирался в трупы.

Мысленно сталкер сказал себе спасибо хоть за то, что надел бронежилет и Мышку в такой же упаковал.

— Бей по стрелкам! — крикнул он девчонке.

Оглушительно заработал АК дяди Миши. Тем временем кабаны добрались до охотников. Замелькали вблизи страшные клыкастые морды и бурые бока. Кайман то поливал очередями зверюг с расстояния в пару шагов, то переключался на оптику, выцеливал противника на дальнем холме и выпускал очередь по нему. Краем глаза сталкер видел, как дергается от выстрелов «винторез» в руках девчонки.

Потом как-то вдруг все закончилось. Грохот пальбы все еще стоял в ушах, сизый дым плавал в воздухе. Вокруг беспорядочно валялись огромные бурые туши, заляпанные кровью. Никто больше не стрелял с северного холма.

— Не ранены? — Кайман обернулся к своим.

Мышка медленно покачала головой. Дядя Миша разглядывал рукав ватника, из которого пулей вырвало клочок, и сокрушенно качал головой.

Да уж... Сталкер перевел дух. Неслабое получилось у Мышки боевое крещение. Кайман критически оглядел девчонку. Бледная, но держится. Хорошо держится, надо признать. А стреляла так и вообще отлично. Надо бы ее похвалить.

— Молодец, — буркнул Кайман. — Э-э-э... Ну, ты молодец, в общем. Идти можешь?

— Могу, — Мышка глянула на него исподлобья. — А куда?
— Пойдем проверим, кто там в нас пулял, — решил сталкер. — Дядя Миша?
— Кто, кто, — проворчал проводник. — Известно, кто. Сволочи! Ватник мне ценный попортили... Ладно, давай поглядим на ихние рожи. Только прыгать я туда не буду, передохнуть мне надо сперва. Пройдемся пешочком, тут недалеко.

Нападавших тоже было трое. Лица их оказались Кайману совершенно не знакомы. Бандиты и бандиты. Ну и пес с ними, пусть остаются лежать как лежат — падальщикам на радость. Сталкер на скорую руку обшарил трупы, забрал две «гадюки», три ПМ, «бульдог» и патроны — малый джентльменский набор лохов, мнящих себя крутыми. Мышка кривилась, но смотрела, глаз не отводила.

Одного бандита, похоже, прикончил Кайман. Двое были убиты из «винтореза».

Только когда они оказались на хуторке, когда Клоун радостно захромал им навстречу, когда потянуло дымом от костерка и отпустило напряжение боя, Мышка все-таки разревелась. И хорошо, а то Кайман стал уже беспокоиться, что она как примороженная.

Сталкер бросил на землю трофейные стволы, сгреб девчонку в охапку, прижал к бронежилету.

— Не реви, малая, все хорошо. Ты для первого раза молоток! И не жалеи их, дядя Миша прав — сволочи были, а не люди.

Мышка подняла к нему злое, зареванное лицо:

— Да я бандитов и не жалею! С чего ты взял? Так им и надо! Мне кабанчиков жалко. Они-то нас не трогали... А мы их постреля-аааали!

Кайман крикнул и не нашелся что сказать. Так и стоял дурак дураком, прижимая к себе плачущую девушку. Вот ёшкин кот, да разве их поймешь, этих женщин? Пока сталкер безуспешно подбирал слова, к ним с Мышкой доковылял Клоун. Он протянул к девушке руку. На открытой ладони лежала грязная, замусоленная карамелька.

И Мышка улыбнулась ему сквозь слезы.

8. Мышка, хуторок в Зоне

За неделю на хуторе девушка научилась чистить оружие чаще, чем зубы, считывать информацию с ПДА в мгновение ока, замирать по команде «Стой!» и падать по команде «Ложись!». Кайман устраивал ей тренировку за тренировкой, и Мышка была близка к тому, чтобы возненавидеть его, как новобранец — сержанта в учебке. Но однажды она услышала, как сталкер жалуется дяде Мише: «Вот потому я и отмычек не беру! Хуже нет, как дрессировать новичка!», и вся ее злость куда-то пропала.

Кайман подрядился не только провести Мышку по Зоне, но и вывести обратно. Она впервые поняла, что это будет не так-то легко. Сталкер честно отрабатывал обещанную плату, и для начала учил девушку, как выжить в Зоне. Мышка даже ощутила что-то вроде угрызений совести за то, что обманывает Каймана. Использует его, как... как отмычку?

Нет, только не это. Он взрослый человек, он сталкер, он сам решил с ней пойти. Она использует его, но вовсе не подставляет. Люди всегда используют друг друга, это правило жизни — хоть в Зоне, хоть за ее пределами. Кайман ей нужен, чтобы найти Матвейку, в одиночку она не справится, а значит — прочь угрызения! Пошла вон, сука совесть! Главное — найти брата, а там Мышка придумает, как отблагодарить сталкера.

Всю свою сознательную жизнь девушка готовилась к походу в Зону. Кайману она, разумеется, об этом не сказала — и хорошо. Потому что здесь, на месте, вдруг оказалось, что вся ее подготовка мало чего стоит. Умение стрелять, которым она так гордилась, сталкер принял как должное. Навыки ориентирования на местности, умение развести костер, сделать шалаш, заночевать на голой земле — все это удостоилось лишь скупого кивка. Можно подумать, злилась Мышка, сам Кайман прибыл в Зону готовым сталкером! Все знал и все умел, да? Черта с два! Но высказываться на этот счет она не стала. Незачем лишний раз дразнить... крокодилов.

Хуторок дяди Миши являл собой идеальное убежище. Попасть туда извне без помощи хозяина было невозможно — участок метров семисот в поперечнике был окружен непроходимым кольцом аномалий. Примерно посередине пятачка стоял крепкий бревенчатый дом, чуть поодаль — пара сараюшек. В первый же здешний вечер Мышка осторожно поинтересовалась, пойдет ли проводник с ними дальше. Кайман сразу просек, куда она клонит. «Вот было бы замечательно, — ехидно прищурился сталкер, — проскакать по Зоне верхом на дяде Мише! Да, детка? Раз — и в дамки! А не выйдет». Радиус действия артефакта под названием «прыгунок», который обеспечивал проводнику способность к мгновенному перемещению по Зоне, был невелик. Дядя Миша мог перепрыгнуть в точку, отстоящую от хуторка не более чем на пять километров, дальше его «прыгунок» не действовал. А уверенно перемещался проводник в пределах лишь пары километров.

Из разговоров Каймана и дяди Миши девушка наконец поняла, почему сталкер не держал оружия в своей квартире. Разгадка оказалась банально простой — если в Зоне царил неписанный волчий закон «на войне как на войне», то на территории ПГТ Чернобыль-4 действовал уголовный кодекс Украины, предусматривающий разнообразные неприятности за хранение и ношение незаконного оружия. Кайман был осторожен и попусту не рисковал — ни в Зоне, ни за ее пределами. Только за деньги, желательно — за большие. Поэтому свой арсенал сталкер хранил на хуторке. Точнее, свой и напарника.

Мышке повезло дважды. Во-первых, Тим по кличке Везунчик очень вовремя для нее смотался из Зоны, оставив своему напарнику Кайману все барахлишко. Во-вторых, Везунчик явно был невелик ростом. Его одежду и снаряжение пришлось подгонять на Мышку минимально. Нашлись даже его старые ботинки, всего на два размера больше, чем ей надо. Туристическую обувь по размеру, которую девушка притащила из Киева, сталкер забраковал. Ничего, разница в два размера — это не так уж страшно, Мышка была готова и к худшему.

Кайман долго мялся, прежде чем дать девушке наладонник Везунчика. В конце концов он что-то там заблокировал и запаролит, и все же вручил Мышке ПДА.

— Зачем такие сложности? — фыркнула Мышка. — Проще было купить новый, нет? Он что, так дорого стоит?

Тут она, правда, прикусила язык, потому что у нее денег все равно не было. Финансировал экспедицию Кайман, и... и вот. Девушке в очередной раз стало стыдно, и она в очередной раз пообещала себе, что найдет способ расплатиться со сталкером.

— Не в том дело, — недовольно буркнул Кайман. — Когда наладонник выдает в сеть сигнал, происходит распознавание по номеру устройства. Если ты пойдешь с ПДА Везунчика, будет казаться, что я вышел вдвоем с напарником. Типа все штатно. А по новому девайсу всем сразу видно будет, что ты новичок. Мало ли что... Пусть лучше думают, что со мной Везунчик. А блокировал я те функции, которые тебе нафиг не нужны. Подключение к камере, например. У Тима девайс не простой, навороченный...

— погоди, — озадаченно перебила Мышка. — Что значит «пусть думают»? Разве другие сталкеры не знают, что твой напарник уехал?

— Кто-то знает, кто-то не знает, — пробурчал Кайман. — Темные, я думаю, не знают. Да и не одни только вольные сталкеры по Зоне шарятся...

И, прекращая разговор, погнал Мышку в очередной раз на стрельбище, а потом заставил опять чистить «винторез».

Вечером, у традиционного костерка, сталкер буднично сказал дяде Мише:

— Мы завтра утром уходим.

— Ага, — поскущел дядя Миша. — Ну, на дорогу я вас выведу, само собой, а дальше вы уж сами, м-да...

Застеснявшись лишних слов, проводник хлопнул стопку водки, занюхал рукавом ватника, поднялся с места и исчез — активировал «прыгунок» и переместился. Небось двинул в погреб за добавкой.

Мышка устала в костер, стараясь скрыть волнение. Значит, завтра. Наконец-то! У нее запыхали щеки. Наблюдавший за девушкой Кайман хмыкнул:

— Что, рвешься в путь? Надоело бездельничать тут, на курорте?

Ничего себе «бездельничать»! Да и насчет курорта Мышка тоже могла поспорить. Вместо этого она кротко спросила:

— По какому варианту пойдём?

— По какому? Хороший вопрос... — пробормотал Кайман.

У него вдруг сделался отсутствующий вид. Затем веки опустились на глаза, голова склонилась на грудь. Было похоже, что сталкер заснул, но Мышка уже знала, что Кайман так думает.

Основных вариантов было два.

Первый — отправиться на Янтарное озеро, к ученым. Там уже много лет база, где ведутся записи. Если какие-то сведения о Мышкином брате попали к ученым, можно рассчитывать, что они были зафиксированы. Правда, с пустыми руками на Яantarь соваться не стоило, праздных разговоров там не вели. Можно было принести ученым артефакты для опытов, а тогда уж и записями поинтересоваться. Так что путь к ученым лежал через аномалии.

Второй — добраться до Болотного Доктора. Доктор — старожил в Зоне, и, в отличие от всех остальных людей, ходит по ней довольно свободно. Говорят, какие-то у него особенные отношения с местными тварями, вроде бы они его не трогают, а он их чуть ли не лечит. Кайман лично Болотного Доктора не знал, но заочно недолюбливал. К тому же на Болота так просто не пройдёшь, места там гиблые, страшненькие. Надо искать проводника. Либо такого же владельца «прыгунка», как дядя Миша, только в районе Болота, либо просто человека, который знает тамошние тропы. Но «прыгунки» — артефакт редкий, Кайман не знал других проводников с «прыгунками», кроме дяди Миши, и сам артефакт не видел никогда. Ходили слухи, что есть и другие... но слухи — это всего лишь слухи.

Сам дядя Миша, кстати, высказался в пользу варианта Болотного Доктора, но помочь тут ничем не мог. Он был привязан к своему хутору, как пес на поводке.

Насчет проводника имело смысл поспрашивать в барах Зоны — «Сто рентген», «Сталкер», «Опасная зона», но Кайман очень не хотел соваться вместе с Мышкой в подобные места. Можно было еще попытаться узнать о проводнике на базе сталкеров на «Скадовске» — место не такое скандальное, как, скажем, «Сто рентген», но добираться туда мучительно. А в целом второй вариант выглядел перспективнее первого, но и опаснее. Все «за» и «против» каждый вечер обсуждались у костра, но окончательного решения сталкер пока не высказал. А теперь Мышка видела, что он и для себя еще окончательно не решил.

У девушки были дополнительные соображения, которыми она не хотела пока делиться с Кайманом. Все равно эти соображения никак не зависели от того, какой из двух вариантов выбрать. И не влияли на выбор.

— Может, монетку бросим? — не утерпела девушка. — Орел — пойдём на Болота, решка — на Яantarь...

Кайман приоткрыл один глаз, скользнул по ней холодным взглядом и снова погрузился в раздумья. Рептилия чертова! Как же с ним все-таки трудно, с этим крокодилищем... И почему идти на уступки и подстраиваться всякий раз должна она, а не он?

— Я пошла спать! — решительно заявила Мышка.

Сталкер не шелохнулся.

Мышка долго ворочалась под сиротским тоненьким одеялом, а сон не шел. Когда же она наконец заснула, ей приснились мама, папа, Матвейка и она сама, маленькая. Картинка была статичная и плоская, будто она смотрела на фотографию. Мышка проснулась от того, что подушка под ее щекой промокла от слез. Она перевернула подушку, послушала, как надрывно и жутко стонет в ночи кто-то хриплоголосый, сосчитала до тысячи и заснула снова. Больше ей в эту ночь ничего не снилось. А может, снилось, но она не запомнила.

В шесть утра ее растолкал Кайман.

— Решка, — буркнул он.

9. Сталкер Кайман, Желтая дорога

— Ну, это... того... я вас жду, в общем.

Дядя Миша пихнул Каймана в плечо кулаком и неловко чмокнул Мышку в скулу, обдав родным перегаром. Через секунду его уже не было рядом с ними.

— Пошли.

Кайман подтянул лямки рюкзака и зашагал на восток. Метров через сто, проломившись через кусты, они вышли на дорогу.

Мышка истерически хихикнула.

— Дорога, вымощенная желтым кирпичом, — пробормотала она.

— Почему кирпичом? — не понял Кайман. — Это бетонка, только потрескалась. Ну, желтая, ну и что? В Зоне и не такое бывает.

— Да это из древнего мультика! — объяснила Мышка. — Там девочка оказалась в волшебной стране и вместе с друзьями шла по дороге, вымощенной желтым кирпичом.

Сталкер взялся за голову. В волшебной стране? Мультик? Снова сказочка, плешь ее побери?! Надо полагать, он временно свихнулся, если позволил девчонке себя уболтать. Заморочила она ему голову, задурила... Но стоило пройти пару шагов по Зоне, и все стало на свои места. У девчонки в голове опилки, да-да-да! Он и сам хорош, притащил рехнутую соплячку в Зону... Все, хватит! Прогулялись, и будет. Путешествие окончено.

— Поворачивай.

— Что-о?!

Кайман посмотрел на Мышку как на вещь.

— Ты — психопатка, — сообщил он. — Я не хожу по Зоне с психами, ни за какие деньги. Мне жизнь еще не надоела. Поворачивай, мы возвращаемся к дяде Мише.

— Послушай... — Мышка облизала губы. — Ты не можешь так просто...

Кайман оскалится. В одно движение в его руке появился пистолет, и сталкер без колебаний направил ствол на белобрысую дуру. Хотя коротко стриженная, одетая в камуфлю Мышка и на девчонку-то не походила, а дура — она и есть дура.

— Я могу все, — сказал он, постаравшись, чтобы голос звучал буднично и равнодушно. — Я могу прямо сейчас тебя пристрелить. Не надо видеть во мне добренького дядю. Добренького и глупенького.

— Я знаю, — Мышка прищурилась. — Ты злой и умный кроко... рептилия, в общем. И почему-то очень не любишь сказки. Извини. Я больше не буду их вспоминать. Но у меня есть информация, которая тебе нужна.

— В топку, — процедил Кайман. — В реактор. Мне ничего от тебя не нужно. Ты собралась гулять по Зоне, как по волшебной стране, — а это верный путь в покойники. И тебе, и мне заодно. Труп не пригодится тайник Бюрерши.

— Информация не про тайник, — быстро сказала Мышка. — Это... а, ч-черт! Обернись! Сзади зомби!

«Дешевый прием» — хотел сказать сталкер. — «Из третьесортного боевика. В жизни такие штучки...»

Тут его схватили за шиворот.

Вернее, попытались схватить.

Кайман зарычал и крутнулся, в последний миг уходя от захвата. Сжавшись в пружину, он бросил свое тело в сторону дороги и еще в прыжке начал стрелять. Зомби задергался под пулями, как тряпичная кукла, его отшвырнуло в кусты.

— Справа! — крикнула Мышка.

Сталкер развернулся вправо. На него из кустов по ту сторону бетонки летел снарок, растопырив страшные лапы. Кайман выстрелил, и еще, и еще, пистолетные пули входили в снарка, а он не прекращал движения, секунды растягивались, события спрессовались, и наконец выстрел из «винтореза» прошил левую глазницу твари, и снарок кучей дергающегося мяса упал на бетон. Кайман сунул в карман ПМ, выхватил автомат, крикнул напарнице:

— Он не один!

В следующий миг на дорогу выпрыгнули еще двое, но этих сталкер уже встретил очередями. Мышка экономно и точно била по тварям из винтовки. Через минуту схватка была окончена. Три снарка лежали в неестественных для человеческих трупов, но привычных для себя позах — уткнувшись в бетон головами в противогазах и выставив словно напоказ оголенные позвоночники в кровавых развороченных спинах. У сталкера есть много способов умереть в Зоне. Стать снарком — один из самых отвратительных.

В кустах неуклюже ворочался зомби. Тоже бывший коллега, ёшкин кот.

Кайману вдруг стало тошно жить. Такое с ним бывало. Все вокруг показалось бессмысленным, и собственная жизнь предстала кучкой дерьма. Что он здесь делает? Зачем он здесь? Нет, хуже. Зачем он вообще? Кто он, что он? Сталкер, барыга и убийца, переходное звено от человека к зомби? Кайман застонал и прижал руки к вискам, его затрясло, мир полинял и вывернулся наизнанку. Когда через несколько долгих секунд сталкер пришел в себя, он был мокрый как мышь и кто-то настойчиво совал ему в руку флягу с водой. «Мокрый как мышь...» Мышка?

Кайман глотнул. А, плешь ее побери! Во фляге была не вода, а водка!

Он подавил кашель. В голове быстро светлело. По пищеводу разлилось обжигающее тепло. Девчонка молча приняла обратно флягу. Она вела себя правильно, это он облажался.

На кой черт он решил, что нужно возвращаться? Да, у Мышки навязчивая идея найти брата, который, скорее всего, давно погиб. Но у нее хотя бы есть идея! Есть смысл и цель. Да, она ненормальная. А кто здесь нормальный? Ты, что ли, крокодил недорезанный? Со своими дикими приступами в Зоне и отчетливым пониманием того, что без Зоны жить не сможешь? Вы оба одержимые Зоной, каждый по-своему, и не тебе судить девчонку. Обратного пути нет, в Зоне никогда нет обратного пути — хоть в прямом смысле, хоть в переносном. И не зря ты в разгар схватки подумал о Мышке как о напарнице, старый бродяга. Она годится в сталкеры. Зона ее позвала, и вот она здесь, а остальное — детали.

Значит, что? Значит, идем дальше. Только извинений пускай девчонка не ждет. Рептилии не извиняются.

— Так что за информация у тебя была? — буркнул Кайман.

— Ну как, — вздохнула Мышка. — Про зомби. Я его все время видела, пока ты мне нотацию читал. Думала, успею с тобой договориться. Он медленно шел. Но все-таки оказался рядом быстрее, чем я думала.

Сталкер покрутил головой. Вот это выдержка у малявки! Видела зомби, впервые в жизни, но молчала и гнула свою линию.

— Ладно, — сухо сказал он. — Пойдем. Но больше так не делай.

Он развернулся и зашагал по дороге.

— Ты тоже, — еле слышно пробормотала Мышка ему в спину.

Кайман остановился и подождал ее.

— Я тоже, — согласился он.

Сделал шаг влево и без особой надобности потратил еще три пули, чтобы вернуть в кусты зомби, который наконец выбрался на желтый трещиноватый бетон.

Следующие несколько часов Кайман и Мышка молча шагали по дороге. Один раз на них вылился короткий ливень. После этого тучи раздвинулись, между ними показался клочок голубого неба, стало теплее. Над бетонкой курился легкий парок. По дороге шагалось легко, даже слишком легко. Еще чуть-чуть, и можно было бы сунуть руки в карманы и насвистывать. Ни аномалий вокруг, ни тварей, ни людей. Зона пугнула Каймана и Мышку снарками — и затаилась.

Ну просто идиллия, ёшкин кот! Разве что в кустах не соловьи поют, а вороны каркают — но тоже птицы безвредные, на людей не бросаются. Во всяком случае, на живых и вооруженных.

Поэтому сталкер пристально посматривал вокруг, держал ствол наготове и становился все мрачнее. Слишком хорошо — это в Зоне к чему? Правильно, не к добру. Во-первых, потому, что в Зоне все не к добру. А во-вторых, чует сердце, Зона что-то задумала... паршивка! Любит она потешиться, поиграть с человеком, как кошка с мышонком.

— Эй, Мышонок! — окликнул девчонку Кайман. — Держи пистолет в руке и поглядывай на ПДА. Мы почти пришли.

Дорога окончилась внезапно. Ее словно срезали ножом. А если еще точнее, поперек дороги словно прошелся исполинский утюг, разглаживая все складки местности. Перпендикулярная бетонке неестественно ровная, гладкая и словно бы даже лакированная полоса имела метра четыре в ширину, а в длину уходила и влево, и вправо, сколько хватало глаз.

Мышка поежилась:

— Будто гигантский слизняк прополз.

— А это мысль, — хмыкнул Кайман. — Может, и слизняк. На самом деле никто не знает, что это было.

— Я туда не хочу, — Мышка дернула подбородком в сторону блестящего следа.

— Правильно не хочешь, — одобрил сталкер. — Прилипнешь так, что с ботинками придется распрощаться. А если замешкаешься — то и с ногами. Поэтому прямо мы не пойдем. А пойдем мы...

Он замолчал и мгновение колебался.

— По северному мосту пойдем, — решил сталкер и махнул левой рукой. — Давай, топай вдоль этой гадости, а я за тобой. Что бы ни случилось, на полосу — ни ногой.

— Еще бы! — фыркнула Мышка.

Девушка двинулась вперед, бросая брезгливые взгляды на гладкую полосу, покрытую прозрачной блестящей коркой. Корка действительно напоминала подсохшую слизь, которую оставляет за собой обыкновенный слизняк. Если присматриваться, можно было различить траву, кусты и даже небольшие деревца, расплюснутые как листочки в гербарии и заламинированные слизью. Через десяток метров им встретилось такое же расплюснутое и закатанное под пленку нечто, изначально бывшее живым. Судя по размерам кровавой кляксы, небольшое — собака, наверное. Кайман заметил, как Мышка дернулась, втянула голову в плечи, отвернулась от слюдяной полосы и больше туда не смотрела. А еще через полста метров они добрались до того, что сталкер называл мостом.

Полоса рассекла надвое небольшой сосновый лесок. По эту сторону, где находились Кайман и Мышка, оказалось меньше десятка деревьев. Два из них были сломаны внизу и рухнули поперек блестящей поверхности. Кроны их на той стороне уперлись во взгорок, и получилось так, что стволы повисли в полуметре над прозрачным клеем. Сосны лежали почти вплотную, параллельно друг другу, так что мост получился довольно удобным. За несколько лет, насколько Кайман мог судить, стволы ничуть не просели.

Что ж, это не самый плохой вариант перебраться через полосу слизи, гораздо приклеить к себе и растворить все что угодно, от стали до человека. Кайман буквально месяц назад видел здесь полутруп сталкера — надо полагать, из тех бедняг с выжженными мозгами, что до сих пор блуждают по Зоне, хотя Радара давно нет. Полутруп в том смысле, что нижнюю его часть слизь уже растворила, и на гладкой поверхности стояла верхняя половина мертвого сталкера в броне, с воздетой к небу винтовкой, — именно стояла, вертикально, как памятник.

Собственно, поэтому они и не пошли к южному мосту, хотя тот удобнее. Бюст неизвестного сталкера Кайман наблюдал на пути туда. А времени прошло не так уж много, и голова могла еще не раствориться. Зрелище должно быть не из приятных...

— Ты, главное, не думай, что там внизу, под стволами, — посоветовал сталкер. — Если закружится голова, падай на четвереньки, хватайся за ветки. А может, сразу на четвереньках пойдешь?

— Ага, щаз! — процедила Мышка.

Девчонка сунула ПМ в набедренный карман комбинезона, пару раз подпрыгнула на месте, проверяя баланс рюкзака, и ловко влезла на сосновый ствол. Она вытянула руки вперед и чуть в стороны и без задержки двинулась по мосту. Оказавшись на той стороне, Мышка спрыгнула на землю, повернулась и дерзко улыбнулась Кайману. Улыбка, правда, вышла кривоватая.

— Молодец, — честно сказал сталкер.

Сам он гулял по этому мостику столько раз, что мог бы, наверное, перейти его с завязанными глазами. Мог бы — но не хотел.

Кайман в два счета присоединился к Мышке и хлопнул ее по плечу.

— Мы почти у цели, Мышонок. Сейчас напрямик через этот лесок, и выйдем к нашей свалке. Идем. Теперь снова я впереди.

— Почему «к нашей»? — удивилась Мышка.

— Да просто потому, что мы туда идем, — усмехнулся сталкер. — В Зоне, можно сказать, все свалки — наши! То бишь ничьи. Кто хочет, тот и пасется. Самая известная — южная, ну это вообще проходной двор, там такое народное гуляние, как в выходной на Крещатике.

Кайман говорил все это на ходу, аккуратно выбирая дорогу между сосен. ПДА молчал, экран его был темен, свидетельствуя, что ни зверья, ни людей в сосняке нет. Зато здесь водились огромные, гадкого вида розовые пауки со скверной привычкой развешивать сети поперек дороги и бросаться всем скопом на того, кто их потревожит. Именно паутину сталкер высматривал, и петлял между деревьями, чтобы ее не задеть.

— А мы с тобой уже почти пришли на западную свалку, — продолжал он. — Здесь тоже изрядно народу шарится, но все ж чуток поменьше...

Звук выстрела впереди за лесом оборвал его слова.

— Вот это я накликал! — зло сплюнул сталкер. — Эх, ёшкин кот!

Загрохотали автоматные очереди. Где-то к северу от них шел бой — к счастью, достаточно далеко.

— Мы теперь назад? — спросила Мышка.

— Мы теперь по обстоятельствам, — буркнул Кайман. — Пока что вперед.

10. Мышка, Западная свалка

«Свалками» в Зоне называли кладбища техники, завезенной сюда в несколько приемов. Каждая из Чернобыльских катастроф влекла за собой попытки локализовать Зону, обеззаразить территорию, расчистить проходы — то, что на бюрократическом жаргоне туманно именовалось «ликвидацией последствий». Для этого люди тащили в Зону всевозможные машины. Как правило, здесь техника и оставалась уже навсегда.

Тут были пожарные машины, строительная техника, наземный и воздушный транспорт времен первой катастрофы — взрыва реактора на четвертом энергоблоке ЧАЭС. Эти реликты, как правило, фонили так, что от треска счетчика Гейгера уши закладывало. Если бы кому-то взбрело в голову посидеть в кабине такой машины, выбираться оттуда было бы уже необязательно. Безумца ждала быстрая, мучительная и некрасивая смерть от лучевой болезни. Поэтому подобной техникой интересовались лишь некоторые продвинутые зомби в своих попытках имитировать человеческую жизнь. Впрочем, большая часть машин той эпохи являла собой лишь голые, ободранные остовы.

Брошенная техника времен второй, аномальной катастрофы две тысячи шестого года выглядела разнообразнее. Среди этих машин встречались как ржавые развалины, так и новехонькие экземпляры, словно бы только с конвейера — к ним даже пыль не липла. Объединяло те и другие то, что они были неспособны двигаться. Потому что способная двигаться машина была в Зоне слишком большой ценностью, чтобы торчать на свалке.

Западная свалка, на краю которой залегли в кустах Кайман с Мышкой, когда-то давным-давно была ремонтной базой. Стрельба на севере прекратилась, но сталкер удвоил осторожность и подниматься в полный рост не спешил.

Прямо перед ними красовалась автомобильная «яма» с эстакадой. Из построек уцелели два хилых сарайчика и большой металлический ангар к северу от них, чуть на отшибе. На асфальтированной площадке размерами с небольшой стадион громоздилась техника, преимущественно строительная — несколько объединенных ржавчиной подвижных кранов, облезлые экскаваторы, перекошенные набок грузовики и вросшие в асфальт самосвалы.

Вызывающе ярким пятном выделялась красная легковушка незнакомой Мышке марки, новенькая и сверкающая. Целехонькие стекла были подняты, а в салоне ее что-то временами искрило, словно закоротило неисправные контакты.

Правее и дальше красной машины виднелся съезд в котлован.

— Там был могильник грязной техники после первой аварии, — сказал Кайман шепотом, увидев, куда смотрит Мышка. — Потом его зачем-то разрыли. Может, мародеры, не знаю. А все, что наверху, — это уже наш век.

Мышка вздрогнула. У этого места была своя, отдельная жуть. Аура запредельной безнадежности. Ад роботов. Инферно металлоконструкций. Но она не собиралась обсуждать свои ощущения с Кайманом. Сталкер здесь, судя по всему, чувствовал себя отлично. Лучше, чем дома.

— Но мы здесь не из-за техники, — продолжал Кайман. — Почему-то это место любят аномалии, а где аномалии — там артефакты. Смотри хорошенько. Я вот отсюда вижу шесть штук аномалий, и все разные. Прямо пособие для начинающего сталкера. Ну, что ты мне назовешь?

— Вижу в красной легковушке что-то, — неуверенно сказала Мышка. — Искрит... «Электра», да?

— Тш-ш... — недовольно поморщился сталкер. — Говори тише. Не угадала. Что там искрит в салоне красной «октавии», вообще никто не знает. Призрак и призрак. А «электра»... Вон, гляди, под ковшом экскаватора. Не туда смотришь! Видишь, желтый экскаватор ковш почти до земли свесил? А под ним...

— Вижу! — воскликнула Мышка и тотчас испуганно зажала себе рот рукой.

Она действительно увидела. Под уныло опущенным ржавым ковшом воздух казался более плотным, голубоватым, словно там залежался утренний туман. Мышка знала, что если недоглядеть и сунуться в «электру», аномалия взорвется молниями.

Стоило девушке разглядеть «электру», и как будто включилось другое зрение — все аномалии стали ей заметны. На дне ремонтной ямы тихо булькал химический «холодец», он же «газировка», бросая на эстакаду зеленый отблеск. Ядовитый парок курился над ямой и расплзался по окрестностям. На спуске в котлован темное пятно на асфальте указывало центр «трамплина». Над пятном характерно мерцал воздух и кружились не замеченные девушкой сразу листья и мелкий мусор. Еще правее, уже за границей асфальта, колыхание горячего воздуха изобличало «жарку». Мышка присмотрелась — точно, «жарка», позади нее обугленные кусты.

Она перевела взгляд налево. Несколько грузовиков выглядели особо покореженными, а один был и вовсе смят в лепешку. «Мясорубка»! Гравитационная аномалия, способная разорвать или расплющить что угодно. Итого — «электра», «холодец», «трамплин», «жарка», «мясорубка»... пять штук, а Кайман сказал — шесть. Где же шестая?

Мышка прикусила губу и принялась заново осматривать свалку. Наконец до нее дошло, что пыльная занавеска на окне сарайчика — это никакая не занавеска, а буйно разросшийся «жгучий пух».

— Ага! — шепотом воскликнула она.

Кайман поглядел на нее с усмешкой.

— Ну, что теперь будем делать, сталкер Мышонок? — осведомился он.

— Надо посмотреть по детектору, есть ли здесь артефакты, — предположила Мышка.

Она прикусила губу, чтобы не заулыбаться в ответ. Сталкер Мышонок? Это что-то новенькое. Кайман признал ее своей? Похоже, холонокровная рептилия в Зоне оттаяла. Вот только Мышка не могла понять, радуется ли это или, наоборот, огорчается. Впрочем, копаться в своих чувствах было категорически некогда.

— Верно.

Кайман вытащил свой «Велес». Мышка уже знала, как обращаться с детектором. Поскольку хуторок дяди Миши был окружен сплошным кольцом аномалий, там было где потренироваться. Проводник ласково называл скопление аномалий «садок вишнэвый коло хаты», на украинский лад. После каждого выброса дядя Миша пунктуально обходил по

кругу и внутреннюю часть кольца, и внешнюю, собирал урожай артефактов. Однако оставалась недостижимая внутренняя полоса, где артефакты накапливались. Кайману это очень не нравилось. «Полезет еще какой-нибудь дурак за эдаким богатством», — ворчал он, а дядя Миша резонно отвечал: «Ну, дыть, одним дураком в Зоне меньше станет».

Хорошо еще, что конфликт между полями соседствующих аномалий разного типа не позволял «вишневному садочку» дяди Миши приносить редкие и ценные плоды. Так, мелочевка — «медузы», «кристаллы», «линзы», «грави», «огненные шары», «капли», «брошки»... «Пересортица», — бурчал довольный урожаем проводник. Так что этой самой мелочевки да пересортицы Мышка навидалась вдосталь — и на экране детектора, и живьем.

Экран «Велеса» показывал только зеленые концентрические дуги разметки. Лишь в правом верхнем углу, на самом пределе дальности работы прибора светилась зеленая точка. Мышка прикинула направление на местности — получилось, что артефакт порожден либо «трамплином», либо «жаркой». Скорее «трамплином». Что же там лежит? Девушка азартно прикусила губу.

— Надеешься, там «ночная звезда»? — фыркнул Кайман. — Или «живой алмаз»?

Сталкер наблюдал за Мышкой и откровенно развлекался.

Мышка насупилась.

— А почему нет?

— Потому что, — вздохнул Кайман. — Ты ж видишь, свалка пустая совершенно. Ее до нас уже обобрали. Если что-то оставили валяться — значит, это ерунда какая-нибудь, «каменный цветок» или «медуза». Еще и лежит так, что стремно взять. Кому охота ради копеечного хабара одновременно «трамплин» активировать и в «жарку» вляпаться?

— Так что мы тут делаем вообще? — хмуро спросила Мышка. — Видами любимся?

— Когда был последний выброс? — ответил сталкер вопросом на вопрос. — Когда мы к дяде Мише в подвал лазили, водкой лечились и наутро бодунищем маялись?

— На следующий день, как мы пришли, — уверенно ответила Мышка и тотчас поправилась: — Ой, то есть нет. В самый первый день.

Кайман утвердительно кивнул.

— Неделью назад был выброс. Давненько. Значит, что? Значит, следующий должен быть вот-вот. Здесь мы его и дождемся. Будем на месте первыми. Возьмем весь хабар и двинем к научникам на Янтарь. Ну, что скажешь, Мышонок? Хороший план?

— Хороший, — буркнула Мышка и отвернулась.

Ей вдруг стало нестерпимо обидно. Ну почему сталкер сообщает ей обо всем в последнюю минуту? Ничего с ней не обсуждает, сам принимает решения, ставит ее перед фактом и еще смотрит эдак снисходительно? Нет уж, порядки надо менять! В конце концов, это она, а не он ищет брата! Это ее экспедиция в Зону! А Кайман — всего лишь наемный работник... «Которого ты собираешься кинуть», — услужливо подсказала совесть. А, ч-черт!

— С одним-единственным недостатком, — сказал за ее спиной Кайман. — Ни хрена из него не выйдет.

Голос сталкера резко изменился, он звучал сосредоточенно и зло. Мышка рывком обернулась. Кайман смотрел на ПДА. Группа серых точек, числом восемь штук, двигалась с севера в их сторону.

— Не мы одни такие умные, — процедил сквозь зубы Кайман.

— Опаньки! — тихонько присвистнула Мышка, глядя уже на свой ПДА.

С юга в зону действия наладонника вошла другая группа точек. Эти пылали на экране кроваво-красным. Враги?

Кайман скверно выругался.

— Надо валить, малая. Здесь сейчас будет слишком людно.

Быстрым движением он отключил наладонник в руке у Мышки, затем вырубил свой.

— Нас наверняка засекли, — пояснил он, — но авось они сцепятся, и будет не до нас. Ходу, малая, ходу!

Вдруг что-то обожгло Мышке правую щеку, и тотчас по всей правой половине лица разлилась жгучая боль.

— Ай! — вскрикнула девушка, инстинктивно хватаясь за место ожога.

— Что такое?

Кайман безжалостно отодрал ее руку от щеки. Если верить ощущениям, там стремительно вспухал огромный волдырь. Заныли зубы, зачесался правый глаз и даже ухо.

Сталкер выругался опять и полез за аптечкой.

— Тихо, — буркнул он, — ничего страшного. Это комар.

— Комар? Всего лишь комар?!

Мышка засмеялась истерическим шепотом. Правая половина лица ощущалась как один огромный ожог — словно она умылась крутым кипятком. Девушка даже не почувствовала, как Кайман сделал укол.

— Это местный комар, — хмуро сказал сталкер. — Исчадье Зоны. Морду тебе разнесет, конечно, но это не смертельно. Противоядие я вколол. Чесать только не вздумай! Не то останется лиловое пятно на всю щеку.

Мышка испуганно отдернула руку. Щека болеть не перестала, но сразу, как по команде, принялась жутко зудеть.

— Плохо то, что по мосту ты теперь не пройдешь, — Кайман мрачнел все сильнее. — А значит...

— Почему не пройду? — возмутилась Мышка, но тут у нее закружилась голова, да так сильно, что она вцепилась сталкеру в плечо.

— Вот поэтому, — буркнул Кайман. — Первый комар — он самый ядовитый, а антидот — та еще дрянь. М-да, не вовремя, плешь его побери! Ладно, малая. Ты только не блевани на меня, ага?

Мышка хотела ответить и не смогла. Она прикрыла глаза, чтобы уберечь их от неяркого дневного света, ставшего вдруг нестерпимо резким, и почувствовала, как сталкер взваливает ее на плечо и куда-то несет.

Нестерпимо болела и чесалась щека. Прыгал желудок. Кружилась голова. Все силы уходили на то, чтобы выполнить просьбу Каймана и не сплевать.

11. Сталкер Кайман, Западная свалка

Кайман сгрузил Мышку за порогом ангара и перевел дух. Видит Черный Сталкер, он не собирался носить девчонку на руках. Но, как говорится, человек предполагает, а Зона располагает. Хорошо еще, что весит пацанка немногим больше Кайманова рюкзака. А еще хорошо, что он сунул себе и ей в рюкзаки по «золотой рыбке», облегчающей вес. И то, что он выдал девчонке «портсигар» — это не бреник, конечно, но тоже от пуль защищает и при этом на плечи не давит, — а себе взял хитрую многоцелевую сборку из пяти артов, тоже хорошо.

Остальное было плохо.

Нельзя предусмотреть все на свете. Всегда есть риск. Кто не рискует, тот не сталкер. Кайман не рассчитывал ввязываться в драки и перестрелки, он рассчитывал пошариться по аномалиям. Поэтому на них с Мышкой были стандартные комбинезоны «Сева», отличная защита от аномальных воздействий, но совершенно никакая — от огнестрельного оружия. Плохо, очень плохо в сложившейся ситуации, но пока не смертельно.

Гораздо хуже было то, что в ушах сталкера на пределе слышимости звучал голос, торопливо бормочущий слова на несуществующем языке, а сердце время от времени пропускало удар. Это означало, что близится выброс. Кайман никому не говорил, что в последние полгода стал чувствовать приближение выброса. Он все еще надеялся, что это пройдет.

От того момента, как он начинал слышать нечеловеческий шепот, до того, как голос перерастал в нестерпимый крик, а затем выброс раскалывал небо и выворачивал вселенную наизнанку, мог пройти час, максимум полтора. В сталкерскую сеть оповещение о выбросе падало минут за тридцать-сорок. За полчаса, и уж тем более за час опытный сталкер

наверняка доберется до укрытия. А на западной свалке укрытие и искать-то не надо было — Кайман отлично знал, что в металлическом ангаре есть ход в подвал.

Проблема была в том, что это знали все.

Знали бандиты, опознанные ПДА и заклеенные на экране красным. Судя по всему, это были люди Коли Кровососа, который пытался подобрать под себя кусок территории к юго-западу от Лиманска. Наверняка знали неизвестные сталкеры, уверенно идущие на свалку в преддверии выброса.

Кайман примерно представлял, что происходит. Сталкеры собрались сделать то же, что и он, — переждать выброс на месте и собрать арты, которые полезут как грибы после дождя. Группа двигалась с севера — надо полагать, это их выстрелы Кайман с Мышкой слышали еще из леса. Может быть, с Колиными бандюками они и сцепились, и те вызвали к свалке подмогу. А может, зарвавшийся Кровосос от большого ума решил патрулировать свалку и облагать сталкеров данью. Во всяком случае, месяца два назад именно это бандиты пытались проделать с Кайманом и Везунчиком — собственно, после того случая они и стали врагами. Вообще-то Кайман надеялся, что с тех пор кто-нибудь успел добавить Кровососу недостающего свинца в организм. Увы, увы.

Итак, с юга идут враги — что вовсе не значит, что с севера движутся друзья. А через считанные минуты обе группы окажутся здесь.

Силы их примерно равны. Насколько Кайман успел заметить, кровососовцев было девять, сталкеров — восемь человек. Вряд ли при таком раскладе они немедленно рванутся мочить друг друга. Будет вялая позиционная перестрелка. Но вскоре по сети пройдет оповещение о выбросе, и вот тогда ставки взлетят до небес.

Подвал как убежище понадобится всем.

Со сталкерами Кайман надеялся договориться. С бандитами Кровососа — исключено.

Думай, крокодил, думай. Как уберечь свою чешуйчатую шкуру? Ну, и нежную Мышкину шкурку заодно.

Сталкер поймал себя на том, что нервно поглаживает пластик автомата. Усмехнулся — все правильно, оружие в руках помогает мыслить хладнокровно. Особенно если это старый добрый «эф-эн две тысячи», лучший из автоматов, придуманных нашей цивилизацией. Во всяком случае, Кайман считал именно так, и готов был доказывать свою правоту. Можно доказывать длинными очередями, можно короткими.

Девчонка завожилась на полу, пытаясь встать. Ёшкин кот! Помощи от нее сейчас никакой, а датчики ПДА реагируют на движение. Сталкер решился.

— Извини, малая, — буркнул он. — Тебе пока лучше полежать.

Он не глядя выковырнул из аптечки плоский шприц с успокоительным. Тело Мышки обмякло. Кайман подтащил ее к спуску в подвал, снова взял девушку на руки, сошел вниз по короткой лесенке, прислонил Мышку спиной к бетонной стенке и подпер с двух сторон рюкзаками. Вернулся на свой наблюдательный пост у входа.

Кровососовцы — враги, это безусловный факт. Драться в одиночку против девяти? Бессмысленная затея. Значит, что? Значит, надо, чтобы сталкеры непременно сцепились с бандитами. И тогда, по принципу «враг моего врага — мой друг», Кайман окажется на их стороне.

Сталкер глубоко вдохнул, выдохнул, расслабился, замер. Сделался неподвижен, как рептилия в ряске.

Мгновением позже время раздумий кончилось. Пришло время действий.

На опушке леса, метрах в пятидесяти от того места, откуда недавно разглядывали свалку Кайман с Мышкой, появились две камуфлированных фигуры. Они вполне гармонично сливались с пейзажем, Кайман и заметил-то их, потому что усиленно пялился именно туда. У одного из сталкеров голова была повязана черной банданой. Ну-ка...

Кайман очень медленно поднес к глазам бинокль, всмотрелся в лицо. Точно! Этого перца он знал. Нормальный мужик — конечно, если считать нормальным человека, который торчит в Зоне безвылазно. Впрочем, их там таких полсотни в Лиманске, если не больше. Как бишь, его прозвище? Пират? А, не, Корсар. Точно, Корсар. Знакомы они едва-едва, бухали

как-то за одним столом в «Ста рентгенах», но лучше такое знакомство, чем никакого. Наверное, остальные в группе тоже лиманские — это хорошо, им Коля Кровосос давно должен был встать поперек печени.

Корсар поднял правую руку, подавая своим сигнал. На сей раз Кайман не уловил движения в лесу. Тихо идут мужики. Осторожничают, и правильно. Тише пернешь — позже сдохнешь, как говорил покойный Тетеря, пусть ему хорошо ложится.

На противоположном конце свалки среди ржавой техники блеснул новенький, чистый металл. Чье-то оружие поймало и отразило солнечный луч. А вот это кстати! Извини, Корсар, хватит вам осторожничать. Пора драться.

Кайман поднял автомат, отследил металлический блик оптикой и с чистой совестью выпустил очередь.

Бандиты ответили беспорядочным огнем. И кто-то из засевших в лесу лиманских не выдержал, дал очередь по бандитам. Один за другим в перестрелку включались все новые стволы.

Кайман упал на пол, откатился под стенку. Алюминиевые сэндвичи ангара — не броня, но маячить в дверном проеме и вовсе глупо. Лежа на боку, он перезарядил «эф-эн».

Грохотали автоматы. Оглушительно бухал чей-то «отбойник». Гремел под выстрелами, дребезжал от рикошетов металлолом на свалке. Одиночная пуля пробила стенку рядом с Кайманом и выбила бетонные осколки из пола. Сталкер инстинктивно дернулся.

Сердце сбойнуло, потеряло ритм. Бормотание в голове, от которого Кайман было отвлекся, рывком сделалось громче. Сколько осталось до выброса, полчаса? Пора.

Сталкер выхватил ПДА, торопливо набрал: «Кайман — Корсару. Скоро выброс. Давайте в ангар. Я прикрываю».

Только бы у Корсара был включен наладонник. Только бы он прочел мессагу. И только бы лиманские не решили, что проще шарахнуть в ангар гранатой.

ПДА мигнул пиктограммой. Ответ?

Сообщение. «Всем в укрытие! Выброс через тридцать минут».

Вот сейчас сюда ломанутся все. Давай, шевелись, крокодил.

Кайман вскочил, высунулся из двери и щедро расстрелял обойму в направлении бандитов. Краем глаза он заметил, как со стороны леса к ангару бегут трое.

Перезаряжаясь, он коротко взмолился: «Пронеси, Зона!».

Знал, что будет потом над собой издеваться. Но шепнул даже вслух: «Помоги!».

Кайман снова выдвинулся в проем, увидел между ЗИЛом и экскаватором бандита, выпустил очередь в голову. Тело рухнуло на асфальт.

Трое сталкеров ворвались в ангар. Двое, оттолкнув Каймана, принялись лупить из стволов по бандитам. Третий ухватил Каймана за грудки, всмотрелся в лицо, отпустил.

— Знаю тебя, — проворчал Корсар. — Ладно, бродяга. Сколько вас тут?

— Двое. Напарник в подвале, — Кайман мотнул подбородком. — Без сознания.

— Ладно, бродяга, — повторил Корсар и потерял к Кайману интерес.

Лиманские по одному, по двое перебирались в ангар. Их оказалось семеро. Один сильно хромал, у другого повисла плетью левая рука. Корсар раздавал сталкерам короткие указания. Да он тут за старшего! Это, пожалуй, к лучшему. Как минимум, до сих пор Кайман жив, а это уже кое-что.

Вздрыгнул в кармане ПДА, приняв сообщение. «Всем в укрытие! Выброс через пятнадцать минут».

Голос в мозгах Каймана стал громким, как будто навязчивый собеседник бубнил ему прямо в ухо. Голос Зоны.

Ёшкин кот, а ведь это прямая дорожка в психи! Сперва слушать Зону, потом разговаривать с ней, а потом...

Кайман зло мотнул головой. Не дождетесь!

Кто-то дергал его за рукав. Незнакомый сталкер с глазами навывкате и выступающим кадыком.

— Отходим к подвалу! — прокричал он в лицо Кайману, брызгая слюной. — Слышишь, мужик?

Кайман отстранил его.

— Понял.

Пустой ангар усиливал звуки, и выстрелы грохотали немилосердно. Судя по всему, до бандитов окончательно дошло, что снаружи их ждет смерть. Они навалились на сталкеров с отчаянием приговоренных.

«Всем в укрытие! Выброс через пять минут».

— Быстро, мужики, быстро!

Кайман замешкался у спуска в подвал. Под черепом у него завывала сирена, глуша внешние звуки. Двое лиманских бежали от входа. Еще двое, последние, прикрывали отход. Кайман поискал взглядом черную бандану. Так и есть, Корсар остался держать оборону. Сквозь дыры, зияющие в своде ангара, было видно, как наливается смертоносным пурпуром небо, как бешеным малышом закручивается пространство и искажается мир. Кайман не слышал ничего, кроме вопля сошедшей с ума Зоны. И почти ничего не понимал.

Он увидел, как медленно движутся к нему две человеческих фигурки. Как еще несколько других фигурок появляются в проеме входа. Одна из бегущих фигурок упала на полдороге. Вторая — еще через пять шагов.

Черная бандана... Это что-то значило. Для него... и еще для кого-то.

Кайман все забыл.

Фигурки у входа сыпались на пол, как пластмассовые солдатики.

Кайман сделал несколько шагов. Бетон под ногами был скользким, как лед под пленкой воды.

Человек в черной бандане оказался тяжелым.

Кайман уронил его вниз по ступенькам в подвал и сам упал сверху.

Мир стал фиолетовым. Мир стал малиновым. Расколотое небо рухнуло сталкеру на макушку.

Это было больно.

Глава третья. Разведка боем

12. Сталкер Мышонок, Западная свалка

Мышка очнулась в темноте. Неподалеку горел фонарь, освещая незнакомые, бандитского вида хари. Наверное, она издала звук, потому что несколько небритых рож повернулось к ней.

— О, Везунчик очухался, — сказал какой-то тип с синячищем на половину морды и с черной банданой на голове.

Ага, Везунчика знают — значит, свои. Во всяком случае, знакомые. А где Кайман?

Мышка поморщилась. Почему-то она не помнила, как очутилась в этом темном помещении. Ужасно хотелось пить. Чесалась и слегка побаливала щека. Девушка машинально поднесла к ней руку и тотчас отдернула. Ах да, комар! С-сука. Кстати о синячищах, она небось выглядит не лучше этого, в бандане. На себя не похожа, это уж точно. Попытаться сойти за Везунчика?

— Пить! — попросила она.

Губы распухли и не слушались. Получилось что-то странное, вроде «фифь», но ее поняли. Бандана протянул ей флягу, всмотрелся.

— Э, да ты не Везунчик! Ты кто такой, пацан?

Мышка выхлебала полфляги воды — не могла оторваться. Ее замутило. Да где же Кайман, черт его побери? Что она должна отвечать незнакомцу?

— Брат, — сказала она первое, что пришло в голову.

Слова по-прежнему выговаривались кое-как, но Бандана оказался понятливым.

— Ты брат Везунчика? — уточнил он.
Мышка кивнула.
— Младший.
Кто-то за спиной Банданы неожиданно заржал:
— Младший! Во дает пацан! Ну не старший же!
Бандана тоже скривился в ухмылке, смеяться ему явно было больно:
— Тебе сколько лет, младший? Пятнадцать? Гля, мужики, скоро к нам в Зону из детского сада будут бегать!
— Фем... Шем...
Трудное слово «семнадцать» не выговаривалось. Мышка бросила попытки и наконец спросила важное:
— Кайман... где?
Бандана разом помрачнел. Он запустил костистую пятерню под свою бандану и яростно поскреб там, пытаясь найти ответ.
— Такое дело, пацан... Он, ну... Выброс, в общем... Да тихо ты, не дергайся! Живой он.
— Пока что живой, — уточнил кто-то негромко, но внятно.
Сталкеры посторонились, пропуская Мышку к Кайману. Кайман лежал на спине совершенно неподвижно. Кожа лица обтянула надбровья и скулы, рот запал — получилась жуткая маска. От мертвого черепа ее отличал лишь обострившийся нос.
Качнулся фонарь в чьих-то руках, по безжизненному лицу побежали тени.
Присмотревшись, Мышка поняла свою ошибку. Лицо было живым. Под закрытыми веками сталкера быстро-быстро дергались глазные яблоки — как бывает у спящего человека, только еще быстрее. Кайману что-то мерещилось, мозг его лихорадочно работал, и почему-то это напугало Мышку даже больше, чем неподвижность его тела.
— Он... что?
— Попал под выброс.
Бандана смотрел в сторону и говорил угрюмо, с непонятной злостью.
— Он меня спас. Столкнул в подвал, когда уже выброс начался. В итоге я-то в порядке, только морда разбита... — он бережно пощупал синяк, скривился, — а напарник твой, сам видишь...
Подвал? Выброс? Последнее, что помнила Мышка, это как Кайман тащит ее на плече. Вниз головой.
— Не люблю должником быть, — цедил по словечку Бандана. — Все знают, Корсар долги отдает. Ему тоже отдам. Выброс кончится, на базу рванем, к доктору. Только...
— Может не дожить, — произнес тот же голос, который назвал Каймана «пока что» живым.
Бандана, то есть Корсар, резко обернулся.
— А ты не каркай, Шаман! Достал уже.
Мышка вытянула шею, чтобы рассмотреть неприятного Шамана. Тот оказался высоким, тощим, сутулым типом. Он что-то вертел в пальцах — как видно, принадлежал к тем беспокойным людям, которые не терпят, если руки пустые.
— Мне бы «ледяную сосульку», — Шаман пустил мимо ушей резкий тон Корсара и говорил как бы сам с собой. — А лучше плазменную. Я бы ему поставил блокаду. А потом «душу», или «светляка», или хоть «гантель». Тогда можно откатить назад. А доктор ему все равно не поможет...
Мышка сперва и не поняла даже, что Шаман перечисляет артефакты — тем более что названий большинства она прежде не слышала. А сталкер продолжал:
— Совсем бы хорошо, если б «елочка» была, или тем более «хрустальный вензель», да где их возьмешь так сразу? А тут чем быстрее, тем больше шансов.
Он вдруг сделал порхающее движение кистями рук, словно шулер, тасующий карточную колоду, и протянул к Мышке раскрытую ладонь.

— Возьми, пацан, положи ему на переносицу. «Монпансье» — это, конечно, мелочь. Но польза будет.

Мышка недоверчиво приняла из рук Шамана странную конструкцию из проволочек, в которой поблескивали не то бусины, не то кусочки оплавленного шлака. По ее ладоням разлилась мелкая, едва уловимая вибрация.

— Не бойся, — сказал Корсар. — Шаман потому и Шаман, что с артами шаманит. Если сказал, что от сборки польза — значит, польза.

Девушку убедили не столько его слова, сколько вид. Корсару явно полегчало на душе. Чуть помедлив, она опустила перепутанную проволочку Кайману на переносицу. Бусины, коснувшиеся кожи, тотчас прилипли. Больше с виду ничего не изменилось.

— Теперь что? — выговорила она.

— Ждем, когда выброс закончится, — Корсар обвел взглядом сталкеров. — Кстати! Федор, а ну пойди глянь. Может, уже закончился?

Кто-то с дальнего края, неразличимый в потемках, встал с места и пошел прочь, подсвечивая себе фонариком. Через пару минут он крикнул издали, и голос его донесся неразборчиво, отраженный углами и стенками:

— Щас уже вот-вот стихнет. Можно выходить.

— Ага. — Корсар стал деловито сосредоточен. — Значит, Шаман со мной. Корень, проверишь могильник с юга. Федор с тобой пойдет. Сухарь, а ты глянь восточный край, только сам не лезь, понял? Будка, сиди пока тут со своей ногой. Ну, пошли.

— Эй, вы чего? — не поняла Мышка. — Каймана же надо к врачу быстрее!

Сталкеры двинулись в ту сторону, куда раньше ушел Федор. Никто Мышке не ответил. Грузный немолодой Будка заворочался у стены. Кряхтя, он пристроил поудобнее больную ногу с обмотанным тряпкой коленом.

— Ты, пацан, как там тебя... — сипло сказал он.

— Мышонок, — сердито назвалась Мышка.

Будка ухмыльнулся.

— Да уж, точно тебя прозвали. Слушай, Мышонок, на старшего нашего не насакивай — не по чину. Тем более видишь, он злой. Удава и Пулю мы потеряли. Если б не твой напарник, больше бы наших легло, да и сам Корсар того...

Сталкер со значением замолчал.

— Так что? — возмутилась Мышка. — Он же обещал Каймана к врачу, сразу!

— Ну да, — кивнул Будка. — Сразу и двинем. Как только наши хабар возьмут.

— Хабар!

Мышка отвернулась к стене. Ее душили слезы. Дебил этот, Будка, даже не понимал, судя по всему, о чем она говорит! Он просто представить себе не мог, что ради жизни Каймана они могли бы отказаться от хабара. Уроды! Барыги поганые! А она сидит тут и ничегошеньки сделать не может. Черт подери... Мышка попыталась взять себя в руки. Нельзя реветь, а то в ней заподозрят девчонку. И... и что тогда? Озвереют, станут насиловать по очереди, сделают секс-рабыней и будут держать на цепи где-нибудь в таком же подвале? Бред какой, нормальные мужики...

Вот только хабар для них превыше всего.

— Ты это... — подал голос Будка. — Ты на доктора не особо надейся. Кайман твой, как видно, правильный был мужик, спасибо ему. Но чудес не бывает. Зоне все равно, по понятиям ты живешь или беспредельщик. Сожрет, только косточки выплюнет.

— Чего-о?!

Мышка вскочила, нависла над сталкером.

— Почему «был»? Ты его зачем хоронишь?

— Сядь, малец, — вздохнул Будка. — Ты еще жизни не нюхал. И как тебя брат в Зону отпустил? Я думал, он умней. Ладно, ваши дела. Так вот, я тут уже восемь лет, понял? Видел всякое. Сталкеров, выживших после выброса, тоже видел. Выживает тело, но человека в нем нет. В самом лучшем случае, если только краешком самым задело, можно потерей памяти

отделаться. Но Каймана по полной программе припечатало. Он, скорее всего, уже овощ. Понял?

— Я сейчас тебе как дам пинка по коленке! — звенящим от злости голосом выкрикнула Мышка. — Сам ты овощ! Причем от рождения!

Будка даже не разозлился, только головой покачал.

— Что с тобой говорить, — уронил он и замолчал, поглаживая ногу.

Мышка села на место. Посмотрела на Каймана. Сталкер лежал покойник покойником. Проволочная загогулина Шамана мешала рассмотреть, движутся ли глазные яблоки под закрытыми веками.

А если правда? Если помощь опоздает? А если ему уже не помочь?

Что же... Она пошла в Зону за братом, а не за Кайманом. За настоящим своим младшим братом Матвейкой, а не придуманным для отмазки. И если Кайман погибнет, если его не спасут, она не прекратит поисков. Придумает, как найти помощь. Не остановится, пока не найдет брата.

Вот только Каймана все равно жалко.

Он не такой скаредный и черствый, каким показался ей поначалу. Совсем не такой. Он притащил ее сюда, в безопасный подвал. Он спас Корсара. Значит, для Каймана их жизни оказались дороже хабара, верно?

А, ч-черт!

Мышка вскочила. Надо что-то делать! Не может она сидеть просто так и ждать непонятно чего. Она сейчас пойдет и хотя бы скажет им... скажет что? Пообещать и Корсару клад Бюрерши, что ли? Как говорила бабуля, семь бед — один ответ...

Загрохотали ботинки. Подвал заполнили возбужденные голоса.

— Не, ну надо же! Надо же! — повторял кто-то как заведенный. — Вот это свезло!

— Эй, Сухарь, Корень, тащите его сюда! — заорал кто-то от входа. — Старший велел наверх вынести доходягу!

Мужики оттеснили Мышку, сноровисто подхватили Каймана — один за плечи, другой под колени. Девушка, растерявшаяся от шума, побежала за ними следом, натываясь в полумраке на выступы и углы. Когда она выбралась наружу, размазывая по лицу слезы от яркого с непривычки света, Каймана уже уложили прямо на бетонный пол. Шаман возвышался над ним торжественный, как поп на пасхальной церемонии. В руках у него было нечто, принятое Мышкой сперва за кусок льда. В следующий момент она рассмотрела, что голубовато-прозрачный предмет имеет сложную форму.

Артефакт был по-настоящему красив. Он мог сойти за творение мастера-ювелира, за произведение искусства. Только неоткуда было взяться на свалке посреди Зоны точену мастером из хрусталя топологическому чуду, замысловатому переплетению веточек из натающего льда. Сравнить его можно было с морозными узорами на стекле, если бы вдруг из плоскости стекла те продолжились в третье, пространственное измерение. В глубине хрусталя изредка вспыхивали и гасли искры холодного света.

— «Хрустальный вензель», — сдавленно прошипел кто-то над головой у Мышки. — Никогда не видел такую диковину. Даже не думал, что сподоблюсь увидеть.

— Начинай, Шаман, — приказал хмурый донельзя Корсар. Мышка заметила его только сейчас. Как и все остальные, она затаила дыхание и смотрела лишь на артефакт. Не надо было и объяснять, что это величайшая редкость. От «хрустального вензеля» исходило какое-то воздействие, вряд ли поддающееся описанию словами. В общем, становилось понятно, что главный здесь — он, а не люди. Что, может быть, вся Зона возникла ради того, чтобы создать этот артефакт. Что нет ничего в мире ценнее этой штуковины.

Так, наверное, в древности возникали религии...

Мышка встряхнулась в попытке избавиться от наваждения.

— Давай, Шаман, — повторил мрачный Корсар. — А то больно уж чертова хрень на мозги давит.

Шаману, похоже, гипнотическое излучение вензеля было пофиг. Ему и Корсар был, как обычно, пофиг.

— Даю, — сварливо сказал он. — Только пусть кто-нибудь обертку от «монпансье» у него с головы снимет.

Мышка потянулась за спутанной проволокой и с неприятным изумлением выяснила, что блестящие камешки, или что это было такое, исчезли. Похоже, впитались в кожу сталкера, оставив лишь радужные разводы, вроде нефтяной пленки.

— Ну, чего копаешься? — буркнул Шаман.

Девушка схватила проволоку и отпрянула.

Шаман медленно наклонился над неподвижным сталкером и возложил — иначе и не скажешь — артефакт ему на лоб.

Мгновение ничего не происходило. Затем Мышка чуть не вскрикнула. «Хрустальный вензель» начал таять.

Артефакт таял очень быстро, как лед на сковородке. От него пошел парок. Вот только капли не выступили и ручейки не потекли.

Стеклянистое вещество арта не было льдом и не превращалось в воду, а исчезало бесследно.

— Эх, сколько бабла потеряли, — глухо вздохнул позади всех Будка.

— Корсар всегда платит долги.

Старший обвел своих людей суровым взглядом.

— Да я разве что, — пробурчал Будка. — Я ж ничего... Денег только жалко, а так ничего.

Последний кусочек хрусталя на лбу Каймана дотаял и обратился в дымок.

Кайман шевельнулся. Сел. Открыл глаза. Хотел что-то сказать и закашлялся.

Корсар сунул ему флягу с водой.

Шаман встретился взглядом с Мышкой.

— Хорошая штука вензель, но одноразовая, — сообщил он как ни в чем не бывало. — Ну что, душа вернулась в тело, теперь можно и к доктору. Пусть зафиксирует, что пациент здоров.

— Ёшкин кот! — с чувством сказала Мышка. Подумала и добавила пару словечек покрепче.

13. Сталкер Кайман, база сталкеров в Лиманске

— И что ты им про себя сказала?

Это было чуть ли не первое, о чем спросил Кайман Мышку, как только выдался случай перемолвиться наедине.

Случай им такой выпал далеко не сразу. Сначала вместе с лиманскими сталкерами они покинули западную свалку. Кайман был очень слаб, передвигаться мог только с чьей-то помощью. Впрочем, далеко идти не пришлось — за негустым лесочком у лиманских оказались спрятаны целых две машины: кустарного вида «багги» и облезлый древний УАЗик. Каймана с Мышкой определили во вторую машину. До Лиманска добрались без помех. Трясло, правда, в УАЗике немилосердно, но на «багги» было бы еще хуже.

По-любому приятнее было ехать, чем топтать на своих двоих, особенно в том состоянии, к котором пребывал Кайман. Он даже по сторонам тогда не смотрел. Хотя, по уму, следовало глянуть, каким путем лиманские к себе на машинах добираются. Пешие-то подходы к городу Кайман знал. Но в тот момент он был поглощен одним-единственным занятием — ощущал себя живым. К чуду привыкаешь не сразу.

На базе Корсар сдал воскрешенного в цепкие лапы местного доктора. Доктор мучил Каймана анализами, пока не обнаружил, что тот, во-первых, совершенно здоров, во-вторых, слаб поистине как новорожденный, а в-третьих, давно спит. Изгнанный из госпиталя Кайман, не просыпаясь, пожрал в столовке и продолжил спать уже на койке в казарме, куда их с Мышкой временно определили на постой.

С тех пор прошло три дня. Кайман честно восстанавливал ресурсы организма — попеременно ел и спал. Ну, и еще валялся. Сегодня с утра казарма опустела: Корсар куда-то

повел большой отряд — то ли на очередную вылазку из города, то ли на какие-то местные разборки. Мышка с Кайманом остались в помещении одни.

— Так что ты им сказала? — невнятно переспросил сталкер. Невнятность объяснялась тем, что рот у него был набит едой.

— Сказала, что я брат Везунчика, — невозмутимо ответила Мышка. — Младший.

Кайман чуть не подавился котлетой. Отдышался, запил сладким холодным чаем из эмалированной кружки.

— И что, они тебе поверили?

— Ну, им вообще-то было пофиг. Никто на меня не смотрел. Ты очень удачно отвлек внимание на себя, — любезно объяснила Мышка. — Когда лежал весь из себя герой и практически покойник.

Что-то изменилось в их отношениях после того, что случилось на свалке. Кайман пока не понимал, что именно и в какую сторону. Но это неудивительно — он самого себя еще толком не осознал заново, что уж говорить об отношениях со внешним миром.

— Слушай, а чего я вообще должна мальчишкой прикидываться? — Мышка рассеянно почесывала опухшую щеку. — Нормальные люди вокруг. Матерятся только много. Я вроде не неженка, но чтоб в разговоре из обычных слов были только предлоги — это уже перебор! Что ли в мужской компании по-другому нельзя?

Не отвечая, Кайман отвел ее руку от щеки. Девушка спохватилась, помрачнела.

— Сильно чешется? — участливо спросил сталкер.

— Уже нет, — буркнула Мышка. — Послушай, а ты тогда правду сказал? Что эта блямба фиолетовая останется навсегда, если буду чесать?

— Нет, — признался Кайман. — Неправду. Хотел напугать тебя посильнее, чтоб не расчесывала и заразу не занесла. Не переживай, сойдет блямба. И опухоль спадет. Еще дня три-четыре-пять пострадаешь, и все.

— Ты меня и напугал, — серьезно сказала Мышка. — Но потом напугал еще больше. Так что мне уже стало почти все равно, что там у меня на морде. Спасибо, крокодилище... Ой, извини, Кайман. Это я от смущения оговорила.

Девушка и впрямь залилась неподдельным румянцем.

— Спасибо, что ты меня спас, — выговорила она, пряча глаза.

Потом подняла глаза и уже совершенно без стеснения горячо поцеловала Каймана в губы.

Первые несколько секунд Кайман с удовольствием отвечал на поцелуй, после чего с сожалением отстранил Мышку.

— Хватит, хватит, — сказал он ворчливо. — Если кто увидит хоть краем глаза... Мало нам не покажется! С такой репутацией придется валить отсюда со скоростью пули из «гаусса». И наниматься в войска ООН, у них там в уставе три четверти пунктов про толерантность ко всяким... альтернативным.

Девушка прыснула, но тотчас посерьезнела.

— А почему? — вернулась она к прежней теме. — Почему я не могу быть, ну, скажем, твоей подружкой? Или даже напарницей?

Кайман дожевывал последний кусок хлеба, допил чай, с надеждой посмотрел на дверь, но никто не вошел. Вот ёшкин кот! Придется ставить девчонке мозги на место. А чего он хотел? Чтобы семнадцатилетняя соплячка все понимала, как понимает он сам? Но Мышка сама виновата. Ей неоднократно случалось вести себя так толково, что Кайман забывал про ее возраст и пол.

— Нормальные, говоришь, мужики? — протянул он. — Согласен. У Корсара отребья нет. А ты знаешь, сколько в Зоне бандюков? Сюда такие бегут, кому большие сроки заключения светят, вплоть до пожизненного. От зоны в Зону прячутся, за радиацию и аномалии. Откуда, по-твоему, мародеры берутся? Есть целые группировки, есть и звери-одиночки, которые даже с другими такими же ужиться не могут. Хуже мутантов, плешь их поberi! Если пойдет слухок про сталкера с молодой девчонкой, которые идут вдвоем, не в отряде, мы превратимся в желанную добычу. Хочешь побыть в роли хабара, Мышонок?

Девушка молча помотала головой. С каждым словом Каймана она все мрачнела, и похоже было, что смысл его прочувствованной тирады до нее дошел. Вот и хорошо. Авось продержится некоторое время в той дырявой мусорной корзине, которая заменяет девицам голову.

— Вот и хорошо, — произнес Кайман вслух. — Вопрос закрыт.

Он поскреб отросшую на подбородке щетину, скривился. Надо бы привести себя в порядок перед дорогой. Или плюнуть да отпустить бороду? Нет, лучше побриться. Никогда он не любил шерсть на лице, хотя бритье в походных условиях — та еще радость. Иногда Кайман даже завидовал сталкерам, у которых от аномальных полей прекращали расти волосы вообще. Да, надо привести себя в порядок. И пора уходить отсюда.

— Слушай, а ты здесь бывал раньше?

Мышка не собиралась сворачивать разговор.

— Смотри где «здесь», — хмыкнул сталкер. — В Лиманске как таковом бывал, а здесь, на базе, — не доводилось. База — это тебе не бар, тут чужаков не привечают. Я даже не знал, что Корсар у них нынче за старшего... И не узнал бы, если б не нынешний расклад. А вот Везунчик, между прочим, полгода с местными тусовался. Давно, еще до того, как мы с ним скорешились...

Дверь распахнулась.

В казарму ввалилось полтора десятка человек. Сразу стало очень шумно.

Кайман отвернулся к окну и задумался о своем. Кто-то потряс его за плечо:

— Эй, не слышишь, что ли? Корсаков тебя к себе требует.

Кайман не стал мешкать.

В штабе у Корсара тоже было людно, а еще — адски накурено. В сизом дыму едва угадывались очертания фигур и предметов. Кто-то незнакомый Кайману отловил его на входе и отбуксировал к Корсару. Старший над лиманскими сталкерами сидел за конторским столом. На столешнице располагались ровным счетом два предмета — кружка с крепким дымящимся чаем и разобранный пистолет.

Судя по заведенным им на базе порядкам, прежде чем попасть в Зону, Корсар был военным. Почему он в таком случае оказался не среди военсталкеров, а среди лиманских? Хотя в Зоне таких вопросов не задают.

Кайман поздоровался.

— Здравствуй, бродяга, — дружелюбно сказал Корсар. — Вижу, ты оклемался, верно? Есть к тебе дело.

В общем-то так Кайман и предполагал. Вряд ли занятой человек Корсаков позвал его, чтобы рассказать анекдот про сталкера и лягушку.

— Мышонок твой сказал, вы на Янтарь собирались? Мне нужно тамошним ученым одну штуковину доставить. По-тихому, без толпы.

— Артефакт? — поинтересовался Кайман.

Корсар потер лоб ладонью.

— Да как тебе сказать... Пожалуй, да, артефакт. Только он немного живой.

Кайман слегка охренел.

— В общем, никто в точности не знает, что это такое, — продолжал Корсар. — Я вот его пообещал ученым, а тут оказалось, что в контейнер его фиг затолкаешь. Сваливает, скотина! Зато к человеку на руки идет...

Кайман охренел окончательно.

— Так, может, это животное? — предположил он. — Мало ли мутантов.

— Да какая хрен разница, — раздраженно сказал Корсар, — артефакт или мутант! То есть это ученым есть разница, вот они пусть и разбираются с этой штуковиной. Как по мне, главное, что она безобидная. То есть до той поры безобидная, пока ее в руки не возьмешь. А если взять, то человека глючить начинает, типа как от выброса.

— И ты хочешь, чтоб я ее на себе на Янтарь тащил? — удивился Кайман.

— Шаман сказал, у тебя сейчас иммунитет, — объяснил Корсар. — После «вензеля». Еще где-то неделю продержится. Ну, а я вам патронов дам, сколько надо. Пайками

затаритесь... Чего еще? Оружие могу предложить... не гаусс, сам понимаешь, но есть неплохие стволы, можешь выбрать.

— Меня мой «эф-эн» вполне устраивает, — пожал плечами Кайман. — Патроны — это да, это спасибо. Жратва, сигареты нормальные, если есть. А еще мне нужна информация по одному человеку. Пробьешь по своим каналам?

— То есть ты в принципе согласен? — уточнил Корсар.

— Да.

— И что за человек?

— Пономаренко Матвей Сергеевич, — отдельно сказал Кайман. — Десятого года рождения. Есть предположение, что он в двенадцатом году попал в Зону и до сих пор здесь. Мог, конечно, и умереть. Меня интересуют любые сведения о нем, прошлые и настоящие, достоверные и слухи. Да, вот еще. Возможно, он не знает своего имени.

Корсар даже бровью не шевельнул, только переспросил:

— Десятого года? Значит, ему сейчас четырнадцать? А в Зоне он оказался в двухлетнем возрасте?

— Именно, — сказал Кайман, стараясь выглядеть таким же невозмутимым, как собеседник.

— Хорошо, — припечатал Корсар. — Поиск я запущу. Если будут хоть какие-то результаты, отправлю тебе на ПДА. А еще... Скажи Шаману, чтобы отвел тебя к Пауку-Отшельнику. Скажи, я велел. Знаешь, кто такой Паук?

— Собиратель историй? — припомнил Кайман. — Что-то такое я про него слышал. Так он здесь, в Лиманске?

— Угу. Ну, остальное тебе Шаман расскажет. Бывай, бродяга. И постарайся доставить шуршавчика на Янтарь поскорее.

— Шуршавчика?!

Впервые Кайман увидел Корсара смущенным. Ну, или близко к тому.

— Да это его ребята так прозвали, — буркнул Корсар. — Этот... мутантный артефакт.

— Шуршавчика, — с удовольствием повторил Кайман. — Я понял. Доставлю.

14. Сталкер Мышонок, НИИ «Радиоволна»

Мышка шурилась от яркого солнца. За десять дней в Зоне она уже успела привыкнуть к тому, что здешнее небо постоянно хмурится. Чистое небо над Лиманском казалось чем-то неправильным.

Но это вообще был неправильный город. В эпоху Советского Союза его не было на карте страны. После Чернобыльских катастроф не оказалось на карте Зоны.

Закрытый город советских времен жил одним-единственным предприятием — НИИ «Радиоволна», в котором работало большинство местных. Огромные антенны засекреченной установки воздействовали на психику людей, и Лиманск существовал в своей, особенной, искаженной реальности, где пятидесятые годы двадцатого века длились нескончаемо — словно в старинном киноаппарате заело кадры старинной же кинохроники.

Аномальная катастрофа две тысячи шестого года нарушила в Зоне физическую структуру пространства. Появились замкнутые локальные области, пространственные карманы или пузыри, внутри которых физические законы действовали иначе. Человек, попавший в такой пузырь, мог долго блуждать внутри него и найти выход лишь случайно — или, как правило, не найти вовсе. Существовали артефакты, способные помочь в такой ситуации, однако они встречались редко. Город Лиманск ухнул в пространственную аномалию весь, целиком, — исчез, как и не бывало его...

...И появился снова лишь через несколько лет.

Теперь его даже отметили на картах, да вот какая странность: на разных картах он получил разные географические координаты.

Зона живет. Зона дышит. Возникают новые пузыри, а существовавшие прежде пропадают или меняют местоположение. Город-призрак Лиманск не вернулся в большой

мир, но перестал быть абсолютно изолированным объектом. В окружающем его пузыре появились отверстия, дыры, лазейки — входы внутрь и выходы наружу. Некоторое время за право контролировать пустой город ожесточенно дрались разные группировки сталкеров и бандитов. Аномальный пространственный коридор в Лиманске стал бутылочным горлышком, ведущим к ЧАЭС. Но пузырь продолжал трещать по швам, дыры расползались, в город стало возможным попасть многими путями — узкое место стало широким, и контроль над Лиманском утратил особый смысл. Город перестал быть горячей точкой. В нем больше не вели стрельбу с утра до вечера и с вечера до утра. Так, постреливали время от времени.

Как везде в Зоне.

Шаман даже оружия с собой не взял. Но он вообще, похоже, на артефакты полагался больше, чем на предметы, произведенные человеком. Арты при нем как раз были. И Кайману с Мышкой он тоже сунул по «кристаллу», Кайману достался зеленый, Мышке — фиолетовый. «Кристаллы» образовывались в «жарках» и имели разные свойства, о которых иногда можно было догадаться по внешнему виду. Мышка подумала, что лиманский спец по артам решил защитить их от температурного удара — и не угадала.

— Это от радиации, — пояснил Шаман. — Общий фон тут небольшой, но полно мелких пятен. В любой момент можно вляпаться.

Кайман молча упрятал «кристалл» в набедренный карман комбинезона. Мышка последовала его примеру. Сталкер вооружился любимым «эф-эн две тысячи», но отрицательно покачал головой, когда Мышка хотела взять с собой винтовку. Так что теперь она шагала налегке, с одним только пистолетом и без груза.

Вместо рюкзака ей давила на плечи необъяснимая жуть.

Призрачный город Лиманск одновременно пугал и завораживал. Возможно, здешние многочисленные искажения пространства действовали на какие-то рецепторы, о которых человек обычно не задумывается. За каждым углом Мышке мерещилось чье-то присутствие, из пустых оконных проемов за ней словно следили невидимые глаза, а голую шею щекотал вкрадчивый ветерок — притом что листва на деревьях не шевелилась. Но залечь в кустах и отстреливаться от этого всего не хотелось, а наоборот, хотелось присесть на древнюю садовую скамейку, закрыть глаза, вслушаться в молчание города, попытаться понять...

— Мышонок, не отставай! — сердито прикрикнул Кайман.

Девушка стряхнула наваждение. Черт-те что, а не город! Лучше бы сталкер позволил ей взять «винторез», спокойнее было бы.

Ходьбы оказалось всего-то минут пятнадцать. Они остановились перед трехэтажным зданием института. С точки зрения Мышки, советская постройка из стекла и бетона имела безнадежно унылый вид. Бетонные выступы слегка разнообразили фасад. Но странно было думать, что кому-то когда-то представлялись уместными в качестве украшения вертикальные ряды стеклоблоков по обе стороны от крыльца. Из букв «НИИ „Радиоволна“» над входом уцелела лишь половина, отчего название выглядело как недоразгаданный кроссворд. Впрочем, удивительно было, что хоть что-то уцелело, если учесть, сколько лет институт простоял заброшенным и сколько здесь велось перестрелок.

Шаман поднялся по ступенькам, с усилием потянул на себя створку двери. Мышка сперва удивилась, а затем вспомнила, что в те времена, когда строилось это здание, двери не раздвигались сами перед посетителем — даже такие большие стеклянные. Вслед за лиманским сталкером Кайман и Мышка миновали поломанный турникет и оказались в вестибюле бывшего секретного института.

Во всю стену перед ними красовалось мозаичное панно. Ученый в белом лабораторном халате что-то вдохновенно вещал группе юношей и девушек. Вокруг витали мирные атомы с наглядно прорисованными орбитами электронов, похожие на дурацкие ромашки. За спиной ученого виднелись стилизованные очертания установки, которая на картине была ему по плечу, а в реальности возвышалась над институтом и над всем городом. Да уж, работавшие над мозаикой художники вряд ли могли себе представить нынешний пейзаж Зоны, а если и могли, то советская изобразительная манера для него не подошла бы. Мышка мысленно

пририсовала в углу панно мозаичного кровососа и фыркнула. По гулкому вестибюлю раскатилось звучное эхо.

— Смешно? — поднял бровь Шаман.

— Кровососа там среди слушателей не хватает. — Мышка ткнула пальцем. — Или псевдогиганта какого-нибудь.

— Смешно, — признал Шаман, но даже краешком губ не улыбнулся. — Нам направо.

И влево и вправо из вестибюля уходили длинные пустые коридоры. Через десяток шагов по левую руку обнаружилась открытая дверь, а за ней — лестница. Лиманский сталкер молча повел их вниз. Два коротких пролета, обитая ржавым железом дверь. В цокольном этаже НИИ «Радиоволна» было совершенно темно, и Шаман включил фонарик. Затхлый воздух сильно вонял плесенью. Где-то неподалеку по одной капле раздражающе капала вода.

— Ствол отдай, — Шаман протянул руку. — Сработают рефлексы, начнешь палить, шуршавчик сбежит и затаится, потом долго выманивать будем.

— Не отдам, — буркнул Кайман. — Стрелять не стану. Человек — хозяин своим рефлексам.

— Ага, — согласился Шаман. — Особенно безусловным, типа коленного. Ладно, как хочешь. Главное, когда услышите звук — не дергайтесь, это шуршавчик и есть.

Он повернул направо. Фонарики сталкеров выхватывали из темноты бетонные стены в ржавых пятнах, пучки кабелей и трубы. Вскоре Мышке стало слышаться негромкое похрустывание и шорох, как будто кто-то мял в руках плотную бумагу. Звук вроде бы доносился сзади, но точно она определить не могла.

— Это он? — шепотом спросила Мышка.

— Да, — Шаман не остановился. — Пойдемте, он нас найдет. Он любопытный. А если перестанем двигаться, потеряет интерес.

Они прошли уже достаточно далеко, когда звук изменился. В него вплелся тихий размеренный стрекот, который напомнил Мышке бабулину швейную машинку.

— А вот и он, — довольно сказал Шаман. — Стойте.

— Где?

Мышка безуспешно осматривалась по сторонам.

— Только не шарахайся, пацан, — предупредил сталкер. — Посмотри вверх.

Девушка подняла голову.

Прямо над ними к низкому потолку прилепилось нечто непонятное. Больше всего шуршавчик походил на кучку водорослей, выброшенных на берег моря. Клубок бурозеленых ленточек непрестанно шевелился, при этом потрескивание и шорох доносились будто бы со стороны.

— И только-то? — разочарованно протянула Мышка.

— А ты дотронься до него, — предложил Шаман.

Вообще-то Мышка не собиралась этого делать. Но любопытством здесь отличался не только шуршавчик. Девушка вытянула руку вверх и почти коснулась клубка водорослей. Пальцы ее неожиданно ощутили тепло и вибрацию. Прежде чем она успела отдернуть руку, шуршавчик отлип от потолка и упал ей на ладонь.

— Ой!

Ленточки оказались шелковистыми и мягкими, приятными на ощупь. Шуршавчик мгновенно пробрался в рукав комбинезона, растекся от пальцев до локтя, одел ее руку словно перчаткой. Мышка недоверчиво вытянула руку перед собой, пошевелила пальцами. Теперь похрустывание, стрекот, треск слышались сильнее. В глазах замелькали цветные искорки. А затем Мышку словно ударили по голове гитарой — в черепе отдался эхом струнный аккорд, все перед глазами поплыло и раздвоилось. Она пошатнулась, но Кайман крепко ухватил ее за шиворот.

— Забирай у пацана шуршавчика, — словно издалека услышала она тягучий, неестественно низкий голос Шамана. — А то он сейчас вырубится.

Когда у девушки прояснилось в голове, она обнаружила, что стоит, привалившись плечом к сырой стенке. Кайман держал шуршавчика в сложенной ковшиком ладони и

скептически рассматривал. Артефакт или мутант, предмет или существо — в общем, кем бы или чем бы ни был шуршавчик, в руке у сталкера ему явно нравилось. Он собрался в плотный шар и выпустил лишь один отросток, которым цепко обхватил запястье Каймана. В следующий миг он растекся перчаткой, так же как по руке Мышки. Еще мгновение спустя он полностью исчез под комбинезоном, выбрался через горловину и свесился на грудь сталкеру как галстук.

— Ну и ну! — удивленно сказал Кайман. — Так он все-таки живой?

Шаман усмехнулся.

— Жизнь — понятие относительное. Я тебе не могу ответить. Спросишь ученых на Янтаре. Голова не кружится? Точно? Тогда пошли.

Они зашагали в обратную сторону, к выходу. Шуршавчик ничуть не беспокоился тем, что они покидают подвал. Он только плотнее обмотал шею Каймана, как мохеровый шарф. Мышка вдруг поняла, что больше не слышит похрустывания и треска.

— Он теперь что, тебе одному шуршит? — спросила она Каймана.

— Шуршит? — рассеянно удивился сталкер. — Нет. Пожалуй, он мне не шуршит.

Шаман заинтересовался:

— А что тогда?

Они вышли из вестибюля НИИ «Радиоволна» и прошли полсотни метров по улице, и только тогда Кайман наконец ответил.

— Он мне мурлычет, — нехотя признался сталкер.

15. Сталкер Кайман, Лиманск

Они вернулись на базу как раз к обеду. В столовке Кайман то и дело ловил на себе любопытные взгляды. Уснувший было шуршавчик проснулся, попытался влезть сталкеру на макушку, был изгнан и вернулся на шею, где изобразил что-то вроде матросского воротника и успокоился.

Обед состоял из супа, гречневой каши с тушенкой, стопарика водки и компота из сухофруктов. Кайман с разгона хлопнул водки, а теперь наворачивал суп и думал, как хорошо и спокойно здесь, на базе. Потому что порядок, потому что толковый командир и нормальные мужики в отряде. И как легко обмануться, повестись на это спокойствие, сказать: «Мужики, я с вами. Возьмете?». И Корсар возьмет, наверное. Даст постоянное место в казарме и долю в хабаре. Не надо будет шариться по Зоне в одиночку, лезть в аномалии без подстраховки, уходить от бандитов, просачиваться через Периметр, самому сбывать добычу... Рядом окажутся надежные люди — предупредят, помогут, прикроют. И не сразу поймешь, что выполняешь теперь чужие команды, что идешь куда велют и делаешь что приказано.

Что обменял свою вольную волю... нет, не на тушенку с компотом, это уж совсем перебор, но на товарищей по группе, на уверенность и защищенный тыл.

А черта с два!

Кайман ценил свободу выше спокойствия.

Сталкер поймал Мышкин взгляд и пододвинул ей свой компот, к которому не притронулся.

— Пей.

Но до чего все-таки люди любят приручать друг друга! Подманить, пригреть — и заставить делать то, что нужно им, а не тебе. Та же Мышка... Нет, стоп. У них с девчонкой деловой уговор. Ничего личного, нормальная сделка. Кстати, надо бы прощупать — может, она согласится ему намекнуть, где тайник? Хотя бы приблизительно. Теперь, когда они уже в Зоне...

Мышка почему-то не взялась за стакан, а продолжала смотреть на Каймана, и смотреть как-то странно. Сталкер нахмурился.

— Что такое?

— Ты зачем его гладишь? — поинтересовалась Мышка.

— А? Кого?

Вынырнув из размышлений, Кайман обнаружил, что и впрямь машинально поглаживает шуршавчика левой рукой. Комок буро-зеленых ленточек перебрался к нему на правое плечо и разлегся там в виде гигантской эполеты. Гладить его было удобно и приятно.

— Потому что приятно, — буркнул Кайман. — А что такое?

— Кому приятно? — прищурилась девушка. — Тебе или ему?

— Мне, конечно! — возмутился сталкер. — Дурацкий вопрос.

— А-а... — протянула Мышка.

Кайман хотел было спросить, что она имеет в виду, но внезапно рассердился. Вот-вот! Именно так люди манипулируют друг другом. Женщины — в особенности! Она же хочет, чтобы он переспросил. Ну так почему не сказать прямо?

— Не хочешь компот? Так я сам выпью.

Мышка пожала плечами.

К их столику подошел Шаман с двумя увесистыми брезентовыми мешками.

— Поели? Берите оружие, снаряжайтесь и можем выдвигаться.

— А это что? — Кайман кивнул на мешки.

— Пауку провизию забросим. Он там сидит как Соловей Разбойник у себя в пентхаузе, — непонятно сказал Шаман. — Ну, жду вас на выходе через десять минут.

После обеда небо затянуло, пошел мелкий дождичек. Шуршавчик убрался к Кайману под комбинезон и где-то устроился так, что сталкер его совсем не чувствовал и через некоторое время о нем забыл.

На этот раз их путь лежал на противоположный конец города, в его юго-восточную часть. До моста через канал добрались гуляючи, эта территория охранялась и патрулировалась. При входе на мост была оборудована пулеметная точка, у которой маялись четверо сталкеров. Шаман обменялся с ними парой фраз, и под их внимательными взглядами троица перешла на ту сторону. Вместо воды в канале была черная густая жижа, радиоактивная и такая ядрено вонючая, что Мышка зашлась кашлем, а потом долго терла глаза.

Кайман подобрался. По эту сторону моста все было неуловимо иначе. Здесь пахло опасностью. Сталкер потянулся за оружием.

— Рыжий лес рядом, — пояснил Шаман. — И проходы оттуда сюда ведут. Всякая дрянь из них лезет. Недавно новый открылся, из него такое поперло! Теперь на мосту сторожевой пост держим круглосуточно.

Кайман скривился. Рыжий лес он считал одним из самых паскудных местечек Зоны и старался там не бывать. Снорки, контролеры со свитой, призрачные псы... Он молча снял автомат с предохранителя.

Шаман вытащил «беретту». Мышка поудобнее перехватила «винторез».

Дома в Лиманске были в основном двух-, трехэтажные, с толстыми стенами и портиками над крыльцом. По эту сторону моста они больше пострадали от времени и перестрелок — там обвалился балкон, здесь обрушилась часть стены, так что стали видны древние обои в цветочек и щеголеватая клетчатая плитка пола. Что-то шевельнулось в проеме, и Кайман пальнул туда, не выясняя, что именно шевелится.

В маленьком сквере обнаружился уютный трехъярусный фонтанчик — почти нетронутый, только верхняя бетонная чаша была надколота. От фонтана Шаман свернул влево.

Сквозной проход в первом этаже дома вел во внутренний дворик. Арка была перегорожена решеткой, а решетка заперта, но часть железных прутьев давно выломали. С каждым шагом Кайману все больше и больше не нравились здешние места.

— А чего он сидит тут на отшибе, ваш Паук? — недовольно спросил он. — Почему не на базе?

— Ну, во-первых, он не наш, мы с ним только сотрудничаем. Меняем, понимаешь ли, провизию на информацию. — Шаман на ходу вытащил ПДА, поглядел на экран и досадливо хмыкнул. — Во-вторых, сам увидишь, паучьи богатства перетащить нереально. Но главное, с

Пауком договориться — это отдельный геморрой. Я вон ему с утра мессаги шлю, а он не отвечает!

— Так, может, случилось что? — обернулся Кайман.

— Да нет, — лиманский сталкер махнул рукой, — ничего там не...

С отвратительным писком им под ноги бросилось несколько костяных крыс. Кайман скверно выругался, открывая огонь из автомата. Они очень неудачно замешкались в проходе. Через доли секунды все пространство под аркой наводнили отвратительные твари размером втрое больше обычной крысы. Поток грызунов-мутантов извергался из подвального окна.

— Назад! — крикнул спутникам Кайман, а сам рванулся вперед.

Костяные крысы были абсолютно бесстрашными и оттого опасными. Не обращая внимания на пули, они бросались на людей и могли прокусить комбинезон. А здесь их было слишком много.

Проскочив во внутренний дворик, Кайман развернулся в сторону арки, выхватил гранату, размахнулся и зажал уши ладонями.

Граната оглушительно разорвалась под сводами арки. Сталкер бросил еще две, и подворотню заволокло едким сизым дымом. Когда дым развеялся, стало видно, что от крысиной стаи осталась куча окровавленных ошметков. Вот пакость-то! В куче что-то еще слабо копошилось, и Кайман с двух шагов выпустил по ней пару очередей.

— Чисто! — крикнул сталкер. — Давайте сюда!

— Это хорошо, что чисто... — Шаман брезгливо ступал по коврику из крысиных трупов. — ...Только грязно очень. Тьфу, зараза! До чего не люблю их, сил нет.

— Я тоже, — буркнул Кайман и поковырял в ухе. От взрывов в замкнутом пространстве двора у него гудело в голове. — Мышонок, ты как?

— В порядке.

Мышка старательно не смотрела под ноги.

Двор был проходным. Такая же точно арка в доме напротив вела на улицу. Кайман первым ступил в проход, держа автомат наготове, но здесь из подвального окна на них никто не бросился. И на том спасибо, как говорится. Сталкер высунулся из арки на улицу и восхищенно ахнул:

— Ёшкин кот! Вот это да-а!

В этой части города Кайман прежде не был, и понятия не имел, что здесь можно увидеть такое.

Асфальт посередине улицы был разворочен. Огромная яма до краев наполнилась мерзкой зеленоватой жижей. Счетчик Гейгера радостным треском не замедлил уточнить, что жижа еще и радиоактивна. А из середины ямы росло дерево.

Дерево было чудовищным. От природы это, похоже, предполагалась сосна. Но об этом можно было судить только по тому, что на концах ветвей кое-где топорщились зеленые метелочки иголок. Аномальные вихри Зоны сотворили из сосны нечто невообразимое. Ее ствол и ветви больше напоминали гибкие виноградные плети, искривленные во всех мыслимых направлениях. Вот только толщиной эти плети были с человеческую ногу, и покрывала их толстая и корявая, изборожденная морщинами кора.

Ползучая сосна перегораживала всю улицу. Она цеплялась побегами за стены дома, из арки которого вынырнули сталкеры, и оплетала ветвями балкон третьего этажа в доме напротив. Над ядовитой ямой нехорошо подрагивал воздух, и ствол дерева временами заволакивала призрачная дымка. Ботанический монстр явно приютил на себе аномалию, вот только какую?

— Там чудеса, там леший бродит, русалка на ветвях сидит... — пробормотал сквозь зубы Кайман.

Мышка вдруг сильно вцепилась ему в локоть.

— Я такое дерево видела во сне! — брякнула она. — Только там был дом высотный. И по веткам такой зеленый огонь разгуливал...

Кайман рефлекторно зажал ей рот рукой. У девушки сделались безумные глаза — до нее дошло, что она сказала. Сталкер оглянулся на Шамана, не заметил ли тот Мышкиной оговорки.

Но Шаман был очень занят. Держа что-то в руке, он обходил дерево по часовой стрелке.

— Идет направо — песнь заводит, — облегченно выдохнул Кайман. — Налево — сказку говорит... Растудить твою! Мышь белая! Ты головой думаешь вообще?!

— Уже думаю, — сокрушенно сказала Мышка. — Уже молчу.

— Вот и молчи!

Глядя на ее убитый вид, Кайман сжалился.

— Я тоже его видел, — сказал он. — Ну, то дерево с зеленым огнем. Это в Мертвом городе, в Припяти то есть. Мы с Везунчиком по нему лазили. Ничего, удобно даже по веткам ходить...

— Вот и тут придется ползти, — Шаман подошел к ним, пряча в карман артефакт, блеснувший красным. — Это единственный путь в квартиру Паука-Отшельника. Он в том доме занимает весь третий этаж.

Сталкер для наглядности ткнул пальцем в трехэтажный дом через дорогу.

— А пешочком по лестнице никак нельзя? Хозяин на нас обидится за невежливость? — поинтересовался Кайман.

Шаман поманил их за собой в обход дерева, которое загоразживало вид.

— Смотрите сами, — сказал он вместо объяснений.

Второго этажа у дома не было.

Пространство между первым и третьим этажом выглядело как густой полупрозрачный кисель, в котором как в кривых зеркалах проступали искаженные очертания окон и прочих деталей фасада. Стоило чуть сдвинуться, сменить угол зрения, и мутный калейдоскоп перемешивался. Хотелось потрясти головой, чтобы убрать с глаз пелену — но зрение тут было ни при чем.

Кайман не единожды видел подобные вещи — но никогда в таком количестве. Это были аномалии пространственного переброса, в просторечии телепорты. Под открытым небом они выглядели как мутноватые шары уплотненного воздуха. Если попасть в такой шар, он выбросит тебя где-нибудь в другом месте — через десяток метров или на другом конце Зоны. Одна из немногих сравнительно безвредных аномалий. Вот только непонятно, почему они набились внутрь обыкновенной трехэтажки, превратив дом в какой-то безумный сэндвич. Ну... а что в Зоне понятного, как сказал кровосос псевдоплоти за завтраком, только она уже не слышала.

А еще при всей безвредности телепортов Кайман не мог себе представить, чтобы ему захотелось жить над таким аномальным полем.

— Большой оригинал этот ваш Паук-Отшельник! — не удержался он. — Ладно, я помню, не ваш он.

— Все мы тут оригиналы, — покосился на него Шаман. — Ну, полезли, что ли?

— погоди! — Кайман придержал его за рукав комбинезона. — А что там за аномалия на ветвях сидит? Ну, или бродит по ним, не знаю.

— Ох ты, черт, — смутился лиманский сталкер. — Извините, мужики. Забыл сказать. Да ерундовая штука, легкий пси-морок наводит. Мы к ней привыкли, не замечаем. Главное, если поведет, вниз не свалиться.

— Ага.

Кайман оценивающе посмотрел на Мышку.

— Винтовку за спину, — распорядился он. — Пойдешь вторым. Я замыкающим. У меня, вроде бы, от пси-воздействия пока что иммунитет.

Шаман спрятал «беретту» и ловко полез на сосну. Кайман осуждающе покачал головой. Лиманский спец по артефактам ему нравился. Но за сегодня Шаман допустил уже несколько небрежностей. Обычно Зона такого не прощает. Жалко будет, если мужик гробанется. Но что Кайман может сделать? Разве что не гробануться вместе с ним.

Сталкер проверил патроны в «эф-эне», снял автомат с предохранителя.
— Вперед, — кивнул он Мышке на дерево.

16. Сталкер Мышонок, логово Паука-Отшельника

Карабкаться вверх по сосне оказалось не самым простым делом. Скользили по коре великоватые ботинки, «винторез», наоборот, норовил зацепиться за ветки, а еще слегка кружилась голова и противно звенело в ушах. Наверное, действовала пси-аномалия. Пришлось сосредоточиться и думать над каждым шагом. Поэтому по сторонам и вниз Мышка не смотрела.

Добравшись вслед за Шаманом до балкона, она с отвращением обнаружила, что ноги от напряжения дрожат. Кайман спрыгнул на бетонный пол, бросил на девушку придирчивый взгляд.

— В порядке, Мышонок?

— В порядке.

Балконная дверь, ведущая в комнаты, была открыта. Лиманский сталкер уже исчез внутри. Кайман сбросил с плеч тяжелый мешок и последовал за ним. Мышка скользнула в дверь последней.

Перегородки между комнатами и квартирами большей частью были выломаны, так что в середине образовалось единое пространство. Логово Паука совершенно не походило на жилое помещение. Здесь были собраны десятки самых разных столов — письменных, обеденных, кухонных тумбочек, хлипких столиков из кафе. Мышка с изумлением увидела, что все горизонтальные поверхности заняты ящичками, набитыми резаной бумагой. По периметру, вдоль стен располагались книжные шкафы и самодельные стеллажи из досок, точно так же загроможденные коробками с бумагой.

— Это что? — удивилась она вслух.

Девушке никто не ответил.

Кайман, держа оружие наготове, возник откуда-то слева и сказал невпопад:

— На кухне его тоже нет. А где тут сортир?

Как оказалось, разговаривал он с Шаманом, которого Мышка не заметила. Лиманский сталкер что-то рассматривал на полу между столами, присев на корточки. Он выпрямился в полный рост и махнул «береттой» в сторону, противоположную той, откуда они пришли.

— Там, во дворе. Причем именно что сортир. В телепорт, видишь ли, как-то стремно срать. Вылетит — не поймаешь.

— Да ладно, — хмыкнул Кайман, длинной тенью перетекая между столов к противоположной стене. — Главное, самому под телепортом не стоять. Чтобы из него на тебя не вылетело.

Он приоткрыл дверь на балкон, выходящий во двор, и просочился на ту сторону.

Мышка без лишнего слова достала винтовку и двинулась за Кайманом. Когда она шагнула в проем балконной двери, словно лопнула какая-то пленка. По ушам внезапно ударили выстрелы, громкий лай и визг.

Дворик был небольшим, огороженным со всех сторон глухим забором, стенками гаражей и домов. В дальнем его конце сиротливо торчала сколоченная из чего попало будочка категории «сортир дощатый». На ее верху с несчастным видом сидел, поджав ноги, тощий нескладный человек. Вокруг будки бесновались собаки-мутанты. Сгоряча Мышке показалось, что их там десятка три.

Кайман экономно и точно палил из «эф-эна» короткими очередями по три патрона. Вот одна собака предсмертно проскулила и рухнула на землю. Вот завалилась на бок вторая. Мышка подняла «винторез», прицелилась, нажала на спуск.

В следующий миг собака возникла вдруг на балконе, в метре от Мышки. Откуда?! Тварь разинула страшную, окровавленную пасть, полную здоровенных клыков. Желтые глазки пылали безумной злобой. Псина бросилась на нее.

Девушка рефлекторно выпалила в жуткую собачью морду, и тварь исчезла. Раздался хлопок, в воздухе осталось постепенно таять радужное пятно, как разводы на бензине.

— Тихо, меня подстрелишь! — сердито крикнул Кайман с другого конца балкона. — Это пси-собаки. Стреляй по оригиналам!

Пси-собаки? Ах да, теперь она поняла. Эти твари во всем похожи на псевдопсов, а вдобавок способны проецировать копии себя на расстояние. Фантомы опасны, и пули их не берут — но они исчезают, если убить настоящую тварь.

Зубастый фантом снова возник рядом с Мышкой и попытался вцепиться ей в ногу. Одна пуля — и клон исчез. Не теряя ни секунды, девушка выцелила оригинал. Вон та зверюга со свалывшейся белой шерстью — верно? Мышка влепила ей пулю между глаз. Псина упала.

Есть! Одна тварь издохла, еще четыре копии исчезли. Собак во дворе стало существенно меньше.

Очередной выстрел Мышка истратила понапрасну. Фантом исчез и тотчас возник в другом месте. Спасибо хоть не на балконе! Девушка присмотрелась и ударила по хрому псу, который держался поодаль, у забора. Мутант свалился, пропали и пара его фантомов.

В несколько выстрелов Кайман и Мышка закончили бойню. Когда исчезли все копии, во дворе осталось лежать всего шесть собачьих трупов.

Тощий человек на крыше сортира принялся молча спускаться. Судя по неуклюжести движений, ноги он отсидел не на шутку.

Отстрел собак, как теперь только поняла Мышка, занял считанные минуты. Шаман только-только успел выбраться на балкон. Глядя, как ковыляет спасенный страдалец, Шаман охнул и метнулся к краю балкона. Тощий как раз подошел под балкон, сделал еще шаг — и нечто невидимое вознесло его на уровень третьего этажа. Шаман вовремя подал ему руку и помог перебраться через перила.

— «Лифт», — вполголоса прокомментировал Кайман для Мышки. — Полезная аномалия.

Вблизи стало ясно, что Паук-Отшельник не просто высокий и тощий. Просто высоким и тощим был Шаман. Паук же походил на его карикатуру — метр девяносто ростом, но хлипкий как прут, нескладный и сутулый. Трудно было определить его возраст — явно за тридцать, но сколько именно? Во всяком случае, Паук выглядел старше и Каймана, и лиманского сталкера.

— Благодарю, — сказал он очень нормальным, спокойным тоном, который совершенно не вязался с ситуацией. — Вы меня спасли. Сейчас, дайте десять минут, приведу себя в норму и вернусь.

Паук скрылся внутри, трое гостей остались на балконе. Шаман выглядел здорово сбитым с толку.

— Ну вот, а ты говорил, ничего не может случиться, — укоризненно обратился к нему Кайман.

— М-да, история... — Шаман почесал макушку, повторяя любимый жест Корсара. — Наверное, открылся проход из Рыжего леса прямо сюда, во двор. Другого объяснения я не вижу. Надо Корсакову сообщить.

Лиманский сталкер вытащил наладонник и принялся быстро набирать послание.

Через некоторое время Паук выглянул из комнаты, умытый и переодевшийся. Он протянул гостям руку для рукопожатия:

— Григорий. Можно Геша.

— Кайман, — невозмутимо представился Кайман. — А это Мышонок.

— Еще раз благодарю вас, — сказал Паук. — Проходите. Располагайтесь. Можно вот здесь, на диване. Вы ведь ко мне за информацией? За какой?

Пока Кайман объяснял, что их интересуют любые упоминания о детях в Зоне, но особенно — о мальчике, который попал сюда двухлетним, а сейчас ему должно быть четырнадцать, Мышка украдкой рассматривала Паука. Но у того был до обидного

обыкновенный вид. Совершенно непонятно, чего Кайман так воодушевился тогда на базе и сказал, что им повезло встретиться с одной из легендарных фигур Зоны.

Люди не могут не рассказывать байки. Там, где собрались у костерка или в баре праздные сталкеры, неизбежно рождается фольклор. Вечный сталкер Семяцкий. Черный Сталкер Шухов по кличке Рэд. Картограф. Болотный Доктор. Реальные личности, окутанные дымкой вымысла, стали героями легенд. И в такую же легенду превратился тот, кто собирал истории о них — и вообще обо всем, что случалось в Зоне. Слухи, вымыслы, байки, сплетни... Паук-Отшельник, как жадный коллекционер, не брезговал ничем.

— Ребенок? Воспитанный в Зоне? Я понял. Так-так, сейчас посмотрим!

Мышка даже вздрогнула. В мгновение ока Паук переменялся. Только что он был обычнейшим из людей, внимательно слушал, вел вежливую беседу. Но вот была поставлена задача, и...

Паук вскочил. Распрямились, как пружины, длинные ноги. Одним прыжком он оказался у ближайшего стола. Взметнулся ворох желтоватых бумажных карточек. Они раскладывались и складывались как веер в его руках, и непостижимым образом все оказались на месте, в ящичках — все, кроме одной. Паук засунул ее в нагрудный карман своей куртки и метнулся к другому столу. Снова замелькали карточки. Он походил на безумца, на маньяка — бросался то в один конец комнаты, то в другой и рылся, рылся в своих коробках. Мышка таращилась на Паука во все глаза. Он больше не казался ей обыкновенным.

— Это знаете, что за карточки? — сказал над ухом Шаман. — Это перфокарты от старинных компьютеров. В середине прошлого века, когда вычислительные машины только появились, данные для них кодировали на таких вот бумажных прямоугольниках. Паук здесь в Лиманске, в том институте, где мы сегодня с утра были, архив вычислительного центра распотрошил. А может, и не только здесь, уж больно их у него много.

— А что он с ними делает? — шепотом спросила Мышка.

Шаман уставился на нее свысока.

— Как — что? Информацию на них записывает! Вручную.

— Зачем? — Мышка ничего не понимала. — У него что, нормального компьютера нет?

Шаман смущенно хмыкнул.

— Вообще-то я сам не знаю, — признался он. — Просто привык, что так обстоят дела. У Паука собственные мозги вместо компьютера, и мозги гениальные. А как со своими мозгами обращаться, это ему видней.

Мышка пожала плечами. Шаман ее не убедил. Но, в конце концов, ей нет разницы, как Паук хранит информацию, пусть хоть наскальные рисунки на стенах высекает. Лишь бы он что-то сказал про Матвейку.

Паук продолжал свой самозабвенный танец вокруг столов. Прошло, наверное, около часа. Наконец Паук направился к ним усталой походкой. Карманы его куртки распухли от карточек.

— Я готов с вами говорить, — довольно сообщил он.

Дети в Зоне оказались благодатной темой. Открывали ее истории про детей-«маугли», воспитанных тварями Зоны. Среди тварей первенство здесь держали черныбыльские псевдособаки — видимо, как ближайшие родственники волков из исходной истории про Маугли. В картотеке Паука имелось целых три карточки с версиями легенды, где фигурировали псевдопсы, и по одной — с аналогичными историями про стаю слепых собак, семью контролеров, прайд кровососов и клан бюреров. Ребенок, в разных вариантах, был выкраден псевдособакой из кровати, отнят кровососом у кормящей матери, забыт людьми в покинутой деревне перед выбросом и спасен оттуда псевдособаками же. Дальше шесть версий сходились на том, что мальчик вырос смышленным, научился разговаривать с мутантами и отдавать им мысленные приказы. Седьмая версия рассказывала все то же самое — но про близнецов, мальчика и девочку.

Мышка, отвесив челюсть, замороженно выслушала, как сложилась дальнейшая судьба «маугли». Мальчик вырос, встретился с людьми и должен был выбирать между

человеческим племенем и тварями Зоны. В трех вариантах, включая близнецов — девочка в этой истории погибла, — он натерпелся от людей неприятностей, выбрал Зону, стал ее Хозяином, удалился вглубь непроходимых территорий и оттуда злобно шлет на сталкеров всяческие напасти. Еще два варианта повествовали о трагической любви между воспитанником мутантов и приезжей девушкой, в одной истории ему удалось выжить, в другой — не удалось. Особняком стоял душераздирающий рассказ об охоте, которую устроили на «маугли» военные с вертолетов. Его в конце концов убили, отрезали голову, набили из него чучело и выставили для обозрения в музее города Вашингтона, США. И только в одной версии бывший «маугли» становился обыкновенным сталкером. Эту историю полагалось заканчивать вопросом: «Кто знает, а может, он сейчас здесь, среди нас?».

Паук сделал драматическую паузу. Мышка не выдержала:

— А на самом деле что с ним было?

Кайман сердито толкнул ее локтем в бок, но опоздал.

Собиратель легенд скривился.

— На самом деле, — сказал он кисло, — воспитанный животными человек вырастает неполноценным. Человек должен расти среди людей и учить язык. Иначе говоря, на самом деле с ним ничего не было, потому что на самом деле не было такого ребенка. Я ясно выражаюсь?

— Ага, — пристыженно пискнула Мышка.

— Тогда я продолжу, с вашего позволения, — сказал Паук, возвращаясь к прежнему тону.

Следующим сюжетом, который буйным цветом цвел в разных вариациях, была история про неизвестного ребенка, встречавшегося сталкерам в самых неподходящих местах Зоны. Этот ребенок, в отличие от «маугли», чаще оказывался девочкой.

Маленькая девочка окликала сталкеров с опушки Рыжего леса, заманивала на болота, разгуливала по аномалиям с корзинкой, полной грибов и артефактов, собирала цветы на радиоактивных лужайках и приветливо махала рукой с крыши Саркофага. Разумеется, мчаться спасать ее оттуда не стоило — девочка все равно исчезала, а спасатель потом долго выкарабкивался из задницы. В общем, маленькая девочка из сталкерских баек была коварнее любого мутанта. Отменной сволочью был также маленький мальчик, который просил: «Дядя, дай пострелять», а потом исчезал вместе со стволом, и сталкер в ответственный момент оставался без оружия.

Единственный логичный вывод ко всем этим историям напрашивался такой: увидел в Зоне ребенка — сматывайся немедленно!

Мышка бросила косой взгляд на Каймана. Сталкер сидел с ошарашенным видом — наверное, тоже не догадывался, какую лавину фольклора они потревожат. Обидно, что во всех этих рассказах пока не мелькнуло ничего похожего на историю Матвейки.

У Шамана пискнул ПДА, и лиманский сталкер торопливо ушел на балкон — как показалось Мышке, с облегчением.

К счастью, Паук покончил с навороченными легендами и перешел к частным случаям. Правда, здесь шла речь о детях постарше — зато, похоже, упоминались реальные события.

Пятеро подростков забрались в Зону, в компании верховодил сын украинского политика, военные провели спасательную операцию, но двое подростков погибли. Толком никто из сталкеров ничего не узнал, слухи были скупы и уклончивы. У Болотного Доктора одно время жил пацан лет двенадцати, его видели несколько человек...

— А! — вырвалось у Мышки.

— Когда это было? — спросил Кайман у Паука. — В каком году?

Паук заглянул на обратную сторону карточки.

— Записано пять лет назад. Источник утверждал, что было это за год или больше до нашего разговора. Значит, прошло не меньше шести лет. Быть может, семь.

— Семь лет назад? Ого...

Мышка понурилась. В те времена Матвейке было лет семь или восемь. Вряд ли его могли спутать с двенадцатилетним. И все-таки, все-таки это была зацепка.

— А другие дети у Болотного Доктора не появлялись? — с надеждой спросила она. — Помладше?

— Есть один случай, — кивнул Паук. — Родители приносили к нему малыша, который попал в «студень» и остался цел. Но это совсем, можно сказать, древняя история.

— А я ее знаю, — неожиданно сказал Кайман. — Это с напарником моим в детстве приключилось. Его с того самого случая Везунчиком и прозвали.

— Погоди, — не поняла Мышка. — Он что, тоже ребенком в Зону попал? Как Матвейка? Ты мне не рассказывал!

— Да нечего тут рассказывать, — пожал плечами Кайман. — Везунчик родом из затерянной деревни. Жил там с родителями до шестнадцати лет. Потом с ними беда вышла, химера их задрала, ну он и подался к сталкерам.

— Да, кстати! — оживился Паук. — Насчет заброшенных деревень. Он из которой? Я давно пытаюсь выяснить, сколько их на карте Зоны. Собачья — раз, в Темной долине — два, в районе армейских складов — три...

— По-моему, Собачья деревня как раз под боком у вояк и находится, — перебил его Кайман. — А всего их штук пять, не меньше. Только какие-то к месту привязаны, а какие-то плавают в пузырях, как Лиманск. Везунчик — из той, куда вход хитрый, через «карусель», слышал про такую?

— Слышал. — Паук сделал пометку на карточке. — А кто, простите, сказал, что Лиманск плавает? Пространственный пузырь — это никоим образом не воздушный шар.

Мышка тихонько вздохнула. У нее появилось предчувствие, что из вороха данных, которые вывалил на них Паук-Отшельник, никакой пользы они не извлекут. Даже если и было там что-то ценное, они упустили его в потоке избыточной информации. Это все равно что задать в сетевом поисковике запрос из одного слова «сталкер».

Глава четвертая. Фланговый маневр

17. Сталкер Кайман, дорога на Янтарь

С базы вышли утром, сразу после завтрака. Кайман выбрался бы и раньше, но грешно было упустить халявную кашу с тушенкой и горячий чай. Походная жизнь быстро приучает ценить такие вещи. Кто знает, когда доведется в следующий раз выпить правильного чайку? Может быть, уже сегодня вечером они будут чаевничать на Янтаре у ученых или запивать кипятком с листьями водку у сталкерского костра. А может, Зона уведет их кривыми тропами от цели, и добираться на Янтарь они будут еще долго.

Прямых путей в Зоне нет. Хотя короткие дороги случаются.

Корсаков на прощание обменялся с Кайманом крепким рукопожатием. Со значением постучал пальцем по своему наладоннику — держи связь, мол. Сообщи, когда доберешься. Кайман так же молча кивнул. Зачем лишние слова? Я спас тебя, ты спас меня. В расчете, мужик. Другими не стали — но и врагами, можно надеяться, никогда не будем.

Счастливо, сталкер!

Бывай, бродяга.

Шуршавчик обвился вокруг шеи Каймана как шелковый шарф.

Хмурая ночная смена патрульных на мосту через канал проводила Каймана и Мышку равнодушными взглядами. Невысокий плечистый сталкер с «отбойником» выплюнул окурочек и что-то негромко сказал в коммуникатор — вероятно, предупредил о них следующий пост.

Сегодня обстановка за мостом была поспокойнее вчерашней. Не настолько было по психике соседство Рыжего леса. Как видно, вчера в лесу наблюдался прилив аномальной активности, а сегодня лес притих.

Лиманск проводил гостей молча. Никто не бросился им под ноги из подворотни, никакая тварь не попыталась отнять у них жизнь — или хотя бы поцарапать. Двух- и трехэтажные дома с выбитыми окнами казались чуть скособоченными, как уставшие

часовые, которые знают, что смены не будет. У приметного фонтанчика Кайман согласно инструкции свернул направо.

Ход наружу из Лиманска вел через подвал дома. Четыре ступеньки вниз, запах сырости и затхлости.

— Пригнись, — велел Кайман.

Пространственный лаз был таким узким, что даже девчонка не могла пройти по нему, выпрямившись в рост. Самому же сталкеру пришлось снять рюкзак и нести его перед собой. Хорошо хоть тесная кишка прохода оказалась короткой.

На выходе их ждала неожиданность — лаз вывел их в земляную яму с отвесными стенками метра два высотой.

— С базы? — крикнули сверху и, не дожидаясь подтверждения, заворочали лестницей. — Осторожно там! Влево прими!

С края ямы на головы им посыпалась земля.

— А-а, плешь, — проворчал Кайман.

Он выбрался первым и с половины лестницы сердито выдернул Мышку за шкуру.

— Ну, извини, земляк, — жизнерадостно сказал молодой парень с рыжими вихрами и шустро втащил лестницу наверх. — Предосторожности, понимаешь. Не только отсюда туда негуманоиды лезут. С той стороны тоже бывает.

— Сам ты негуманоид, — буркнул Кайман, отряхиваясь.

Рыжий сталкер неожиданно заулыбался во весь рот.

— Ага! — согласился он. — У меня и кликуха такая — Инопланетянин.

Мышка засмеялась:

— Ну вот, а говорят — нет в Зоне инопланетян. Получается, есть!

— Ладно, Инопланетянин, — вздохнул Кайман. — Веди нас.

— А вот туточки, все близко. — Рыжий взмахнул рукой. — Это наш пост оборудован, дежурим мы здесь. А вот и мост, видите?

Глубоко внизу, в обрывистых берегах текла речка. Вода ее была почти черной и маслянистой на вид. От этой жидкости хотелось держаться подальше. Мост через реку представлял собой узкую решетчатую конструкцию с перилами и опорными дугами сверху. Сейчас он был опущен, но при необходимости его можно было поднять.

Когда-то давно, пять лет назад, когда Кайман только-только перешел из отмычек в сталкеры, ему довелось принять участие в стычке с бандитами около этого моста. Воспоминания были яркими. Сталкер прищурился — ага, точно, вон возле той будочки на противоположном берегу он лежал носом в глину и шевельнуться не смел. Пули сыпались градом. А потом Паха Попугайчик изловчился и бросил гранату, а Стиляга завалил бандитского снайпера, а Стас подогнал пулемет, и...

Эх, ёшкин кот! Стиляга нынче сделался безумным Клоуном, и сталкер Кайман таскает ему из-за Периметра карамельки. А Пахи и Стаса давно уже нет в живых. Пусть парням хорошо ложится...

Типун тебе на язык, рептилия хренова! Кайман разозлился. Хуже нет приметы, как вспоминать мертвецов в Зоне под открытым небом. Добрался до бара — пожалуйста, пей за всех, кого помнишь. Но не в пути же! На всю Зону есть только один покойник, который приносит удачу. Кайман с надеждой глянул на ПДА, но сообщения о гибели сталкера Семенского на экране не обнаружилось.

Ну ладно. Как говорится, Зона сама решает, кого на «карусели» покатасть.

Подъемный мост остался позади. Забавный Инопланетянин помахал им с лиманского берега рукой. Позади него уходили в перспективу крыши домов старого города, а решетчатой антенны позади НИИ «Радиоволна» отсюда не было видно — далеко.

Кайман поправил рюкзак, с удовольствием ощутил тяжесть «эф-эна» в руке, покосился на Мышку — готова идти дальше? Тогда пошли.

От моста дорога уходила вправо. По левую руку, за несерьезным забором наподобие парковой ограды, потянулся Рыжий лес. Когда-то, еще до всех катастроф, это был природный заповедник — потому и ограда. Никто тогда не предполагал, что здесь будет

заповедник монстров, который недурно бы обнести колючей проволокой в три ряда... Впрочем, Зону как таковую обнесли охраняемым Периметром, ну и что? Это не монстры к нам лезут, это мы — к ним.

Привычно хмурилось небо. Рыжий лес заволокло туманом. Оттуда туман просачивался на дорогу, тянул к путникам молочно-сизые плети. Кайман смышкой поравнялись с пустой будкой бывшей автобусной остановки. Изъеденный временем и Зоной, почерневший бетонный остов выглядел так, словно вот-вот рухнет. И тут сзади послышалось рычание. Сталкер и девушка как раз успели обернуться, чтобы встретить пулями первого снарка. Второй бросился на них от указателя с надписями «Лиманск» и «Заповедник». Третий таился за углом остановки.

Схватка длилась лишь пару минут. Вскоре мутанты валялись на дороге в изломанных позах. По асфальту расплывалась кровь. Лишенные кожи позвоночники снарков в сплетениях мышц, как обычно, напомнили Кайману разделанную рыбу.

— Фу, гадость! —мышка передернула плечами. — Никогда я к ним не привыкну, наверное.

— Аналогично. — Кайман сплюнул. — Я из-за них, поганцев, леща и воблу есть перестал. А раньше, бывало, пиво под рыбку так славно шло!

мышка нервно хихикнула.

— Как-то мне не по себе, — призналась она. — Словно что-то такое сгущается. Напряжение в воздухе, как перед грозой.

— Нормально, — успокоил ее Кайман. — Это у тебя чувство Зоны прорезалось. Здесь всегда напряжение. А если все спокойно — вот тогда берегись, значит, впереди самая жопа. Водки глотнешь? Помогает от лишней чувствительности.

— Не хочу, — поморщиласьмышка. — Не люблю водку.

Откуда-то издалека, из-за Рыжего леса, донесся надрывный жуткий вой, тоскливый и угрожающий одновременно. Кайман отстегнул от пояса флягу, на ходу протянул ее девушке.

— Как говорилмышка Грек, да кто ж ее любит? Мы ее просто пьем.

— Да ладно, у меня своя есть, — проворчаламышка, но все-таки сделала глоток и только потом вернула флягу.

Погода постепенно портилась. Зарядил дождь, частые крупные капли ударялись об асфальт и разбрызгивались фонтанчиками. Под ногами захлюпали лужи. Кайман поймал себя на том, что уже не смотрит по сторонам, а разглядывает фонтанчики от капель и пузыри в лужах. Судя по пузырям, льющаяся на голову вода — это надолго.

— А давай переждем дождь? — неожиданно для себя предложил девушке Кайман. — Здесь к западу от дороги есть небольшой бункер, сталкерский схрон. Крюк невелик, время терпит.

— Давай. —мышка потерла переносицу. — Что-то я устала, если честно. Можно и отдохнуть.

Вход в бункер был замаскирован дерном, а поверх забросан ветками и прочим природным мусором. Вряд ли Кайман был единственным, кто знал об этой точке, — но похоже, что с его прошлого появления здесь ничего не изменилось. А был он здесь давненько. Помнится, они тогда с Везунчиком разделились, и Кайман ждал напарника в удобном месте.

— К-куда?! — прикрикнул сталкер намышку.

— В кустики, — растерялась девчонка. — А что?

— Дура. В бункере есть туалет. А в кустах тут радиация. Ну, полезай вниз.

Кайман включил фонарик. Луч осветил тамбур со столом, на котором стояла спиртовка, а рядом были сложены коробки с армейским пайком. Под столом притулилась канистра с водой. Нормальный схрон, в таком можно не один день отсиживаться.

Наверху тем временем стало темно, будто вечером, хотя время едва перевалило за полдень. Черные тучи сомкнулись как занавес. Дождь превратился в настоящий ливень. Поспешно задвигая люк, Кайман глянул в темное небо — что-то ему показалось подозрительным. Точно! Прямо над головой тучи ворочались лохматым сгустком, словно

накручивались на вбитый в зенит невидимый гвоздь. Пока что затронутый вращением участок был небольшим, но Кайман не усомнился, что видит признаки грядущего выброса. А что там у нас на ПДА?

Наладонник тенькнул в тот самый момент, когда сталкер доставал его из кармана. Все правильно. Сообщение: «Надвигается выброс, всем в укрытие».

Вовремя он решил спрятаться от дождя! Вот только странно, почему в мозгах не слышен шепот на незнакомом языке. Кайман уже привык узнавать о выбросе загодя по этому шепоту.

Что-то шелковистое скользнуло по его поднятой вверх левой руке, обмахнуло тыльную сторону кисти мягкой метелочкой. Сталкер вздрогнул от неожиданности, а в следующий миг сообразил, что это шуршавчик решил его покинуть. Ну ничего, из бункера он никуда не денется. Пусть погуляет.

Когда шуршавчик окончательно перебрался на потолок, в голове у Каймана словно включилось невидимое радио — забормотал голос Зоны. Та-ак. Значит, прежде его экранировал шуршавчик... А может, занимал волну, сам вещал на тех же пси-частотах — если у пси-волн вообще есть частоты, конечно. Ладно, пес с ним, пускай с такими вещами ученые разбираются.

— Мышонок! — окликнул девушку Кайман. — Там скоро выброс начнется. Придется нам здесь несколько часов провести.

— Знаю. Уже прочла сообщение.

Мышка вышла в тамбур. Девушка успела снять комбинезон и ботинки. В длинной футболке и носках у нее сделался удивительно домашний вид.

— Тут кофе есть? Или чай? — спросила она. — А как этой штукой пользоваться? Слушай, а я всегда думала, что в армейские пайки шоколадку положено класть...

Кайман решительно отстранил Мышку от спиртовки.

— Смотри. Кладешь таблетку, поджигаешь... Вот так. В ооновском сухпае есть шоколад, в нашем нет. Но если хочешь сладкого, так и скажи, нечего намеки разводить!

Девушка вздохнула.

— Хочу шоколадку. Или мороженое. Но мороженого у тебя точно нет.

— Мороженого нет.

Кайман снял с полки жестяную коробку, поставил перед Мышкой.

— Держи.

Вода успела закипеть, и Кайман залил растворимый кофе в кружках, а девушка все еще разбирала содержимое жестянки. Сталкер с усмешкой смотрел, как она раскладывает по сортам случайную подборку разнокалиберных сладостей — шоколадные конфеты налево, леденцы направо, орехи и сухофрукты по центру коробки. И ведь никогда ему не нравилось в женщинах это детское пристрастие к сладкому, а в Мышке оно почему-то не раздражает. Даже наоборот, вызывает снисходительную симпатию.

— А я в детстве шоколад не ел вообще, — вспомнил Кайман. — Выплевывал, представляешь? Взрослые смеялись.

— Кайман.

Мышка глянула на него серьезно, испытующе.

— Я ведь о тебе почти ничего не знаю. Ты кто? Где родился? Как в Зону попал?

Тьфу ты, ёшкин кот! Надо же было так подставиться. И кто его тянул за язык с этими воспоминаниями? Кайман сделал попытку свернуть разговор:

— Кофе пей. С конфетами, в самый раз.

— Не хочешь говорить — не надо, — хмыкнула девушка. — Спасибо за конфеты.

Она потрогала кружку — горячая. Ухватила ее через подол футболки, в другую руку взяла жестянку и ушла из тамбура-кухоньки в жилую половину бункера. Кайман слышал, как она возится там — наверное, расстилает себе спальник. Он выдвинул ящики стола, покопался, нашел пачку галет, бессмысленно переложил ее из левого ящика в правый.

Какого черта?

Сколько можно наращивать панцирь? Не подпускать к себе близко людей, как будто боишься... Чего? А ведь и впрямь боишься, крокодилище. Боишься, что они поймут — у тебя под чешуйчатой броней мягкое брюхо, как у всех. И тебе тоже можно сделать больно. Еще как.

Кайман шагнул через порожек. Мышка устроила лежбище прямо на полу — постелила несколько спальников, еще один свернула в изголовье вместо подушки. Сталкер присел на край разостланного спальника, хлебнул горячего кофе, отставил подальше кружку.

— Я очень обычный, — сказал он. — Рассказывать почти нечего. Родился я в Севастополе, отец — украинец, мама — русская. Когда учился в третьем классе, семья переехала в Питер, там мамыны родственники. Потом родители развелись, завели каждый по своей отдельной семье, меня только некуда было деть. Ну, я уже почти взрослый был. Закончил школу, отслужил в армии, устроился на работу. Экспедитор, это знаешь что? Сопровождение грузов. Командировки, разъезды, платили неплохо. Потом... потом влюбился, стали жить вместе. А потом как в анекдоте. Вернулся я из командировки, а у жены в постели любовник. Все очень обычно, Мышонок. И никакого смысла об этом рассказывать.

— Смысл есть, — качнула головой девушка. — Кайман?

— Что, малыш?

Кайман гладил ее стриженные светлые волосы, а она тянулась за ласкающей рукой, бодала его макушкой, как ничейный котенок — погладь меня, ну погладь, ну еще.

— Выключи фонарик, Кайман.

Наверху, за толстыми стенками бункера, лил дождь, бушевал выброс. А Мышка и Кайман любили друг друга, как в первый раз — словно те разы за Периметром были не в счет, словно настоящее начиналось только здесь, в Зоне.

Может, так оно и было.

18. Мышка, бункер по дороге на Янтарь

Она проснулась резко и подскочила, будто подброшенная. Колотилось сердце. Что-то было не так. А «не так» в Зоне запросто может значить смерть.

Кайман спал и негромко похрапывал. Во сне сталкер выглядел моложе — разгладилась ироническая складка у губ, разошлись морщины на лбу от постоянно нахмуренных бровей. Стоп! А почему она вообще видит его лицо? В бункере должно быть абсолютно темно, фонарик они потушили.

Из тамбура в жилую часть проникал неяркий свет. Кто-то негромко кашлянул за перегородкой. У Мышки бешено застучало сердце. Вот! От такого же точно кашля она и проснулась. Кто-то был там, где никого не могло быть. Кто-то находился в бункере вместе с ними. Кто же?

Одним движением она натянула футболку, другим — нашарила пистолет, сжала металлическую рукоять... и не взяла. По уму следовало разбудить Каймана. Но...

Человек сидел у стола, вполоборота к ней. Мышка узнала его скорее по описаниям, чем по собственным картинкам из памяти детства.

— Здравствуй, дядя Дима, — негромко сказала она.

Черный Сталкер Шухов по прозвищу Рэд смерил ее внимательным взглядом. Мышка невольно вздрогнула. Казалось, она видит обыкновенного живого человека — вот только темнота как-то особенно льнула к нему, так что начинало мерещиться, будто клочья тьмы садятся ему на плечи, как черные снежинки... Садятся и прилипают, и фигура сталкера начинает расплываться, и хочется сморгнуть иллюзию... Но моргать боязно, а вдруг окажется, что никакого Черного Сталкера здесь нет и не было вовсе? А он ей очень, очень нужен!

— Ну, здравствуй, Линочка, — отозвался Шухов ей в тон. — Вижу, выросла. Мама бы порадовалась.

Мышка прикусила губу. Давно, ох как давно ее никто не называл Линочкой. Бабуля звала ее Алей, и только так. Линочка — это домашнее имя тех времен, когда мама с папой... Ёшкин кот! Не хватало только разреветься.

Шухов грел руки над зажженной спиртовкой, растирал пальцы. От него ощутимо тянуло холодом, как из распаханной морозилки. Девушка переступила с ноги на ногу.

— Помоги мне, дядя Дима, — хрипло сказала она главное. — Помоги найти Матвейку. Я надеялась тебя встретить. Я...

Дыхание у нее перехватило — то ли от слез, непролитых усилием воли, то ли от неживого холода, то ли от безумно вспыхнувшей надежды. А может, от всего вместе. Но Черный Сталкер медленно покачал головой.

— Почему? — почти выкрикнула Мышка. — Ведь ты же знаешь! Ты можешь! Про тебя такое рассказывают... Ты знаешь все, что делается в Зоне, правда? Я верила, что ты найдешь меня и поможешь!

Черный Сталкер поморщился. Едва заметно — но эта легкая гримаса отрезвила девушку. Не надо обманывать себя. Нет больше добродушного дяди Димы, который заходил к родителям в гости и разговаривал иногда с малышкой Линочкой. Есть призрак Зоны, который уже много лет карает и милует, именем которого сталкеры клянутся или проклинают. И только Зона знает, почему он помогает одним и наказывает других.

— Ты очень сильно хотела, чтобы я пришел, — с непонятым усилием сказал Рэд Шухов. — Я пришел. Но я не могу тебе помочь найти брата. Не спрашивай, почему. Она так решила.

Она? Почему-то Мышка не усомнилась в том, что Черный Сталкер говорит о Зоне.

— Скажи хотя бы, он жив? — попросила девушка.

Шухов прислушался к чему-то внутри себя.

— Скажу, — кивнул он с задержкой. — Да. Жив.

Жив! Матвейка живой! Она была права, когда все остальные ошибались.

У Мышки подкосились ноги, и она изо всех сил вцепилась в стену.

— Спасибо, — прошептала она. — Это уже много.

Черный Сталкер с тревогой посмотрел на нее, и снова девушка увидела в нем живого человека.

— Линочка, тебе плохо? У тебя сердце здоровое? Рядом со мной опасно долго находиться. Я, наверное, пойду.

— Нет!

Мышка лихорадочно соображала. Черный Сталкер не может ей сказать, где Матвейка. Почему — непонятно, но, допустим, Зона ему не велит. Но может быть, он ей поможет в другом?

— Дядя Дима, не уходи еще пока, пожалуйста, — заторопилась Мышка. — С сердцем у меня все хорошо, это я просто обрадовалась так. Понимаешь, я наняла сталкера, чтобы Матвейку в Зоне отыскать, а расплатиться мне нечем. Я ему пообещала показать мамин тайник... только я соврала, дядя Дима. Если у мамы и был тайник, я не знаю, где он. Подскажи мне какой-нибудь клад, а? Ну хоть какой-нибудь. Я должна Кайману хабар.

Босые ступни ее онемели от холода, и ледяное бесчувствие поднималось все выше. Заледенели голые руки. Но Мышка боялась, что если она метнется за одеждой, Черный Сталкер исчезнет как призрак.

— Должна? — приподнял бровь Шухов. — Хабар? А я было решил, что у вас совсем другие отношения.

— Ну...

Мышка покраснела. Это что же, Шухов наблюдал их в постели? Хотя если он всеведущий призрак Зоны, ему и наблюдать не обязательно — так знает.

— Во всяком случае, тайник показать я ему обещала, — твердо сказала девушка. — И солгала. А он пошел со мной на поиски Матвейки, и до сих пор меня не подводил. Ну что, ты мне поможешь?

— Хорошо, — хмыкнул Черный Сталкер. — Я вижу, Линочка, ты повзрослела не только внешне и научилась заключать сделки. Так? Я тоже могу предложить тебе сделку. Согласна?

— Да.

Шухов нахмурился.

— Сначала надо узнать, какую, и только потом соглашаться, — раздосадованно сказал он. — Значит, есть в Зоне такое место, куда я не могу попасть. Это в высшей степени странно. Попробуй-ка ты туда зайти. Расскажешь мне, что там такое, — а я укажу тебе клад.

— Я уже согласилась, — тихо сказала Мышка. — Я все сделаю. Спасибо, дядя Дима.

Черный Сталкер встал. Темнота, казалось, уже наполовину съела его фигуру — или это Мышку начало подводить зрение. Все расплывалось. Шухов заглянул ей в лицо. Девушке показалось, что на нее глазами легендарного призрака Зоны смотрит вечная космическая пустота. А может, просто у него были сильно расширены зрачки, черное на черном и чернота вокруг...

Спиртовка погасла.

— Кайману своему скажи, чтобы шарфик не жалел, — донеслось до Мышки откуда-то издалека. — Не всякая обновка на пользу.

— А где... где то место, куда надо попасть? — немеющими губами пробормотала она.

За перегородкой тихо звякнул наладонник.

— Координаты у тебя. Увидимся.

Разбуженный сигналом, вскинулся Кайман:

— Что такое? Мышонок, ты где?

Странно, что его не разбудил весь предыдущий разговор, а тут один тихий звук — и сталкер проснулся. Или так и положено? Черный Сталкер является только тем, кому хочет. Мышка тупо пялилась в крошечную темноту, не в силах пошевелиться. Она почувствовала, как Кайман обнимает ее сзади, как разжимает ее пальцы и отцепляет от стенки. Загорелся фонарик, и Мышка зажмурилась.

— Да что с тобой, Мышонок? У тебя такой вид, будто ты призрак увидела. И замерзла вся!

Сталкер подхватил девушку на руки, отнес на спальники, лег рядом, прижал к себе, согревая. Сказать ему или не сказать? С одной стороны, Шухов велел передать ему непонятную фразу про шарфик. С другой — Черный Сталкер дал задание ей одной, и тайник с артефактами, который Мышка получит в награду, она намерена выдать Кайману за клад Бюерерши. Значит, надо молчать. Во всяком случае, пока.

— Кайман...

— Что, малыш?

Слова прозвучали как эхо. Они с Кайманом уже говорили их, совсем недавно. Мышка усмехнулась, тихонько попросила:

— Выключи фонарик, Кайман.

И на какое-то время слова опять стали не нужны.

А потом, когда они со вздохом расцепили объятия, и Кайман буднично сказал, что пора поторапливаться, и снова зажег свет, Мышка обнаружила шуршавчика.

Кучка ленточек, напоминающих зеленовато-бурые водоросли, приклеилась к потолку прямо над ними. Шуршавчик выглядел каким-то встопорщенным и был явно больше размером, чем прежде. Он громко затрещал и заскрипел, когда сталкер протянул к нему руку, и вдруг — разделился надвое. Две потрескивающих кучки водорослей разбежались по разным углам.

— Во дела-а, — только и сказал сталкер.

Когда Кайман с Мышкой выступили в путь, сталкер нес на себе двух шуршавчиков. Девушка спросила, отдаст ли он ученым обоих, но Кайман лишь пожал плечами. Она расшифровала его жест как «еще не решил».

19. Сталкер Кайман, база ученых на Янтаре

До Янтара добрались под вечер. На подходе к базе ученых их окликнули от костра незнакомые сталкеры, которые устроили привал в ложбине, рядом с обломками каких-то строительных конструкций.

В другой раз Кайман свернул бы к ним перемолвиться парой словечек, а заодно объяснить, что в Зоне лучше не становиться на отдых в низине — целее будешь. Но сейчас он лишь помахал рукой — привет, мол, и пока, нам не до вас.

Бетонная постройка, которая служила ученым для жилья и работы, представляла собой цельный модуль, явно предназначенный для переноски по воздуху. По бокам его были приделаны металлические пластины с выступающими огромными «ушками», за которые подхватывался модуль. Издалека, еще на спуске к озеру, можно было рассмотреть на плоской крыше базы разметку посадочной площадки для вертолета. Хотя как оказалась на своем нынешнем месте конкретно эта бетонная коробка, Кайман понятия не имел.

Постройку кольцом охватывало прочее хозяйство ученых — ангары, какие-то будочки. Территория базы, окруженная забором, была совершенно пуста и выглядела более заброшенной, чем нежилые кварталы Припяти или промзона Агропрома. Кайман поежился. Вот так когда-нибудь вымрут научники там у себя внутри, а снаружи и не заметишь.

Вблизи центральный модуль производил отталкивающее впечатление — сплошной бетон, серый, в грязных потеках. Вверху, под потолком, — прикрытые заслонками бойницы вместо окон. Внизу — единственная дверь, герметичная, ведущая в шлюз.

С гнусавым чмоканьем внешняя дверь закрылась, и только тогда открылась внутренняя, ведущая в помещения базы. Поворот направо, еще направо. Мышка с любопытством вертела головой по сторонам, но быстро приуныла, не высмотрев ничегошеньки интересного. Облезлые пустые стенки, на редкость скучное место.

— И они тут живут безвылазно? — удивилась девушка. — В этом сараище?

— Здесь у них типа предбанник для нас, нечистых, — объяснил Кайман. — Чтобы попасть внутрь, надо пройти дезинфекцию.

Сталкер и девушка оказались в комнате, разделенной надвое толстой стеной из прозрачного пластика. А может, из стекла, хотя очень вряд ли. По эту сторону перегородки были только унылые, голые бетонные стены. По ту — на оштукатуренных стенах висели календари и листы с графиками и таблицами, стояли шкафы и столы. Комната имела хоть и казенный, но мало-мальски обжитой вид.

— Эй, есть кто дома? — позвал Кайман.

В левой стене помещения, отделенного от них прозрачной преградой, открылась дверь. Человек в белом лабораторном халате подошел поближе, нагнулся к черной коробочке переговорного устройства:

— Да. Что вам есть необходимо?

У ученого была борода и очки, что вместе с белым халатом укладывалось в стереотипные представления об ученых. Остальные черты его внешности не просто не укладывались в шаблон, они в него вообще не лезли. Человек в халате имел двухметровый рост и бицепсы качка или атлета. У него была мощная челюсть и свернутый набок нос. Бритый череп блестел, как отполированный. В левой брови красовался пирсинг в виде трех серебряных шариков разного размера.

— А, Стив, это ты! Привет!

Кайман обернулся к Мышке.

— Стив — американец, нормальный мужик, мы с ним как-то квасили в «Штях»...

«Нормальный мужик» за перегородкой взревел как бизон, заглушая его слова:

— Ах, ты есть сукиный сын, сволоч, мазерфака! Ты сюда пришел говорить мне «привет»?! Я тебя быстро по стенкам расквашу!

Хлопнула внутренняя дверь за перегородкой.

— А ты уверен, что вы тогда мирно разошлись из «Штей»? — озадаченно спросила Мышка. — Что-то он тебя недолюбливает...

С лязгом и грохотом распахнулась герметичная дверь, ведущая на чистую половину. Наплевав на стерильность и правила, из нее вырвался бешеный Стив, как поезд из туннеля. С диким ревом на смешанном русско-английском жаргоне он ринулся на Каймана.

Сталкер сбросил рюкзак и завертелся по комнате, уворачиваясь от спятившего американца. Это было нелегко. Тогда, в «Штях», они нашли общий язык именно на том, что Стив тоже, как и Кайман, занимался боевыми искусствами. Ловкости ему было не занимать, а весил он как бы не вдвое больше, чем Кайман. Ёшкин кот! Что ж ему ударило в голову, и как теперь достучаться до его рассудка?

— Постой! погоди, давай поговорим! Да скажи ты, в чем дело, морда лысая!

Никакого эффекта. Кайман крутился, как оборотень, взывая к Стиву поочередно на русском и на английском. Но Стив не поддавался на обманные уловки, грамотно отвечал приемом на прием и пару раз чуть не уложил сталкера на пол.

— Я тебе устрою привет, сукиный сын, родной мама не узнает! — удовлетворенно пообещал он.

Кайман стал уставать. Ситуация ему совсем не нравилась.

Стив в очередной раз попытался провести захват, и пальцы его коснулись шелковистых ленточек, торчащих из-за ворота Кайманова комбинезона. Шуршавчик заинтересованно пощекотал пальцы американца и мгновенно перетек к нему, оплел кисть руки затейливой сеточкой.

— Ч-што такое?

Глаза Стива остекленели. Он разжал пальцы и некоторое время прислушивался, потом покачулся и рухнул к ногам Каймана, как поверженная секвойя.

Из чистой половины базы уже бежали люди. Сталкер расправил плечи, покрутил головой, поискал глазами Мышку. Ага, судя по всему, это именно она позвала на помощь. Сориентировалась, нырнула в открытую Стивом дверь, подняла тревогу. Молодец, напарница!

Немолодой ученый, на этот раз полностью попадающий в шаблон — халат, очки, борода, опрятная лысинка, субтильное сложение, — протянул Кайману руку.

— Семенов, Петр Сергеевич, старший смены. Что произошло?

Сталкер с сомнением пожал сухощавую ладонь.

— Кайман. Хм, послушайте, Петр Сергеевич, мы же снаружи, грязные...

Семенов раздосадованно махнул рукой.

— Да нам теперь полную дезинфекцию придется устраивать! Тут уж не до частностей. Такое чепе! Что случилось-то?

— Сам не пойму, — развел руками Кайман. — Мы вам вообще-то штукину одну от Корсакова из Лиманска доставили.

Он наклонился и слегка потерябил шуршавчика, устроившегося на груди Стива. Клубок ленточек размотался и охотно уцепился сталкеру за запястье.

— Но я с ним о деле даже заговорить не успел, — Кайман кивнул на американца, который заворочался и попытался сесть. — Он как попер на меня с матюками! Взбесился, чес-слово! А вроде нормальный мужик был...

— Стиви месяц назад без патронов на контролера напоролся, — вмешался невысокий типчик, который внимательно слушал весь разговор. — Контролера он врукопашную завалил, но крышей слегонца тронулся. Пару раз вот так на людей кидался. Мы его хотели вообще домой услать, подальше от Зоны, да оказии не было. А потом вроде прошло это у него. А тут, видишь, опять чего-то проглючило. Сейчас очухается, ничего помнить не будет.

— Ну, вы даете! — проворчал Кайман. — Лечить человека надо. Или, на крайняк, привязывать. Он меня чуть к Черному Сталкеру не отправил.

— Ладно, это все потом, потом! — перебил их Семенов. — Молодой человек, да вы присядьте, что ли. Посторонитесь все! Виталий, Эдриан, вынесите сюда спецконтейнер для феномена.

Шуршавчик лежал в горсти у Каймана совершенно спокойно. Сталкер вдруг испытал острое нежелание его отдавать. Ах ты ж, ёшкин кот! Он ведь успел привязаться к паршивцу.

И как же это получилось? Какая-то ерундовина, даже непонятно, животное или артефакт, проку в нем никакого... Шуршит разве что.

Ага, а еще он только что спас Каймана от обезумевшего Стива. Случайно или намеренно? Неизвестно.

И не отдать нельзя — обещал Корсару. И отдавать трудно. Хотя было бы намного труднее, если бы не второй шуршавчик, затаившийся в районе левой подмышки.

Кайман со вздохом перевернул ладонь. Шуршавчик немного повисел, прилепившись к ней вверх тормашками, а потом отцепился и упал в контейнер.

— Закрывайте, несите в лабораторию, — засуетился Петр Сергеевич. — Виталий! Несите же.

Он обернулся к Кайману:

— Благодарю, молодой человек. Э-э-э... мы вам что-нибудь должны за доставку этого замечательного экземпляра?

— Услуга за услугу. — Кайман видел, что ученому хочется немедленно оказаться в своей лаборатории, и говорил быстро: — Мы разыскиваем одного человека. Ребенка, если точнее. Разрешите воспользоваться вашей базой данных. Может быть, там найдутся сведения о нем.

— Разрешаю.

Петр Сергеевич поискал глазами, обнаружил того невысокого мужичка, который рассказал историю Стиви и контролера, обрадовался:

— Вот, Платон Никитич вам поможет, наш специалист по вычислительным потокам. Э-э-э... благодарю еще раз. Мне пора, да, пора.

И он исчез так стремительно, что Кайман больше ничего не успел сказать. Может, и к лучшему. Потому что у него на языке вертелся вопрос, что будут делать ученые с шуршавчиком. И просьба обойтись с ним поласковее...

Щупленький Платон, похоже, был не слишком обрадован поручением, но и противиться не стал. Он оглядел вверенных его попечительству гостей, вздохнул.

— Поисковый запрос к базе данных я вам составлю, не проблема. Но вот какое дело... У меня там сейчас идет обсчет видеоматериала, а это процесс небыстрый. Часа два еще будет считаться ближайший фрагмент, только потом можно вклинить в паузу. Как бы это вам популярно объяснить?

— Не надо нам ничего объяснять, — хмуро сказал Кайман.

Вот за что он не любил ученых, так это за дурацкую манеру подробно растолковывать и истолковывать вещи, которые тебя вовсе не интересуют. Главное сказано — придется подождать пару часов, а там настанет ночь. Ночью же без особой необходимости по Зоне лучше не разгуливать.

— Мыждемся, пока компьютер освободится. Только ночевать нам придется здесь, у вас.

— Ночуйте, пожалуйста, сколько угодно! — замахал руками Платон Никитич. — Сейчас снимете комбинезоны, оставите здесь в предбаннике, примете дезинфицирующий душ, обработаем вас по полной программе — и милости просим в наши, так сказать, хоромы.

Кайман подумал о втором шуршавчике, который остался с ним. Внимательно посмотрел на Мышку. Задумчиво проводил взглядом пошатывающегося Стива, которого осторожно уводили двое коллег. Кстати, не шуршавчики ли спровоцировали на приступ ушибленного контролером американца? Ох нет, ни к чему сталкеру с подругой соваться на чистую половину базы, где все, небось, наспиговано разными датчиками. И перспектива полной дезинфекции Каймана тоже не вдохновляла. Пес их знает, научников, что они под этим подразумевают. Еще кастрируют ненароком, а потом скажут, что так и было.

— Я у вас как-то кемарил вон там, — Кайман дернул подбородком влево. — Без всякой санобработки.

— А, ну да, — растерялся Платон, — у нас есть для пришлых сталкеров комната с парой коек. Там можно хоть в комбинезонах спать. Но разве вы не хотите искупаться,

отдохнуть по-человечески? Кино можно посмотреть, у нас по вечерам в рекреационной зале видеосеанс.

Кайман закатил глаза к потолку. Нет, этот малахольный точно из другой породы и живет в другом мире, хотя тоже вроде бы здесь, в Зоне, обретается.

— Отдыхать я по ту сторону Периметра буду, — проворчал Кайман. — А кино в Зоне каждый день смотрю такое, что кишки от восторга на селезенку наматываются. Боевик-психотриллер, плешь его побери! Не хочу я к вам в вошебойку лезть. Заночуем на грязной половине, правда, Мышонок?

— Ну, как хотите. — Платон, видимо, тоже пришел к выводу, что у сталкеров мозги работают иначе. — Располагайтесь тогда, а я к вам чуть позже зайду, составим запрос.

— Пожрать принеси, наука! — крикнул ему вдогонку Кайман.

Комнатка напоминала купе поезда — две койки, столик между ними, и больше ничего. Над столиком был приклеен плакат с надписью «Лиманск 1985 — посетите наш ...нечный город» и настенным календарем непонятно за какой год. Может, и впрямь за восемьдесят пятый прошлого века, Кайман не проверял. Хотя вряд ли, плакат был скорее похож на шутку, состряпанную местными учеными. Затертое «...нечный» вряд ли можно было разгадать иначе чем «солнечный», призыв «посетите» никак не вязался с секретным статусом Лиманска в те времена, и все в целом скорее напоминало рекламу города-курорта.

Впрочем, в Зоне попадались и более загадочные предметы. Однажды на стойке бара «Опасная зона» Кайман обнаружил подшивку журнала Ukrainian Wireless News за 1913 год. Он пролистал подшивку и попытался даже прочесть статью некоего Prof. Slussarenko, где шла речь о применении лазеров для отправки сигналов внутрь черной дыры при помощи азбуки Морзе. На середине статьи Кайману пришлось отлучиться в сортир, а когда он вернулся, никаких журналов на стойке не было, и бармен в ответ на расспросы только пучил глаза и выразительно щелкал себя по кадыку. Штука в том, что на тот момент Кайман был еще совершенно трезв, но вслед за тем, разумеется, напился — так что наутро он даже не мог вспомнить, на каком, собственно, языке была статья и вообще журналы. Единственное, что он помнил точно, — это непотребный год издания, да еще рекламу мобильного коммуникатора с названием iStalker.

Кстати о коммуникаторах...

Кайман вынул ПДА и отбил Корсару коротенькую мессагу о том, что шуршавчик доставлен ученым. Ответ пришел незамедлительно: «Спасибо. По Матвею Пономаренко пока данных нет».

Ну, нет так нет. Сталкер улегся на койку, вытянул ноги. Авось здешняя база данных выдаст какую-нибудь подсказку. Он зевнул.

— Кайман, а куда мы потом, отсюда? — тихо спросила Мышка.

— Как куда? В зависимости от того, что нам здесь сообщат.

— А ты как думаешь?

Сталкер промолчал. Ну что можно ответить на дурацкий вопрос? Что он думает! Ничего он не думает. Получат ответ на запрос — тогда будет над чем думать. Пока что не над чем. Все-таки женщины тоже живут в другом мире, даже не параллельном, как ученые, а вовсе перпендикулярном.

Кайман посмотрел на Мышку. У девчонки был взъерошенный и несчастный вид. Что-то она себе напридумывала уже, какие-то глупости... Погладить бы ее по белобрысой макушке, прижать к себе покрепче — да нельзя, ёшкин кот, легенда не позволяет. Сталкер вздохнул и сказал первое, что пришло на язык:

— Думаю, в Темную долину пойдем.

Конечно же, он не угадал.

20. Мышка, база сталкеров на «Скадовске»

Ржавая туша бывшего сухогруза выглядела совсем дряхлой. Палуба посредине провалилась, и хотя далеко разнесенные друг от друга корма и нос пока еще держались,

скоро они превратятся в отдельные, не связанные между собой куски. Так некогда развалились на части скелеты доисторических динозавров, и ученым пришлось угадывать, куда крепился тот или иной гребень. Трудно было себе представить, что эти колоссальные руины когда-то были цельным кораблем, держались на плаву и передвигались по воде. Сухогруз давно стал частью пейзажа, и недалек тот час, когда он растворится в нем окончательно. Мышка попыталась разглядеть надпись «Скадовск», но борта корабля покрывала сплошная короста ржавчины взамен облупившейся краски.

Кайман и Мышка осматривали местность с вершины холма. Когда-то эта возвышенность была берегом судоходной реки. Внизу у подножия холма ржавел на вечном приколе «Скадовск», реликт той далекой эпохи. Вокруг сухогруза неопрятными кляксами расплескались озера в оторочке камышей. Дальше во всех направлениях расстилась заболоченная низина. Если поглядеть влево, на фоне хмурого неба можно было различить силуэты покосившихся портовых кранов.

Начался дождь. Мышка надвинула капюшон до бровей, но косой ветер хлестал мокрыми каплями по лицу, и деться от него было некуда. Зачем они торчат здесь? Почему не спускаются? Видимость резко ухудшилась, но сталкер по-прежнему водил биноклем, вглядываясь во что-то, доступное ему одному. Мышка была готова подпрыгивать от нетерпения. Вот же, вот она, ее цель, рукой подать! Какого черта Кайман тормозит именно сейчас?

Правду сказать, когда компьютерщик базы ученых на Янтаре принес распечатку, где черным по белому значилось, что на базе «Скадовск» живет подросток лет четырнадцати-пятнадцати, Мышка даже не обрадовалась. Потому что не поверила. Очень уж просто все получилось — ввели данные, получили результат, это как домашнее задание из решебника списать. К тому же, как резонно заметил Кайман, кроме возраста ничего о мальчишке известно не было — а значит, радоваться пока рано, надо проверить. Но пока они добирались от Янтара до Затона, сомнения Мышки постепенно таяли, уступая место радостному предвкушению.

Все будет хорошо. Сказал же Черный Сталкер, что Матвейка жив! Мышка не может поделиться этим знанием с Кайманом, потому что решила не говорить ему о явлении Шухова, вот Кайман и сомневается по привычке. А раз Матвейка жив, значит, найдется! Очень может быть, что уже сегодня. Совсем скоро. Вот-вот!

Девушка была уверена, что они узнают друг друга с первого взгляда. Недаром же ей снились Матвейкины сны. Между ними существует связь — тоненькая, но очень прочная ниточка. А как же иначе? Они ведь единственная родня друг другу на всем этом свете. После смерти бабули никого, кроме брата, у Мышки нет.

Стоп, а Кайман?

Каких-то пару недель назад сталкер был ей совсем чужим. Ей было все равно, кого использовать, чтобы найти Матвейку, — Каймана или кого другого. Но с тех пор многое переменилось. Сталкер нес ее на руках, спасая от опасностей. И еще был тот бункер по дороге на Янтарь, где они занимались любовью. Именно творили любовь, а не просто перепихнулись по случаю. Девушка задумчиво глянула на Каймана. Надо будет как-нибудь на досуге разобраться в своих чувствах к нему. Потом. После встречи с Матвейкой.

Сталкер истолковал ее взгляд по-своему.

— Ладно, давай спускаться, — буркнул он. — Не нравится мне что-то, а что — не пойму. Но ничего подозрительного не вижу.

Склон был покрыт по-осеннему рыжей травой. Оказалось однако, что почва здесь глинистая, а трава коренится в ней неглубоко. Тяжелые сталкерские ботинки сдирали мокрую травяную шкуру, и проступала скользкая глина. Там и сям на склоне росли густые колючие кусты. Дождь лил не переставая. В результате всего этого спуск превратился в странный слалом. Мышка старательно ставила ноги и смотрела вниз, чтобы не поскользнуться, — и все равно поскользывалась, и тогда надо было ловить равновесие, чтобы не шлепнуться на задницу, а при этом уворачиваться от кустов. Судя по громким междометиям, спускавшийся первым Кайман занимался примерно тем же.

Очередной травяной участок под ногами, очередные колючие заросли впереди...

— Ах ты ж сука!

Автоматная очередь заглушила шум дождя. Сбрасывая с плеча «винторез», Мышка окинула взглядом картину происходящего. Кайман, отстреливаясь, пятился от кустов, а на него наседали одновременно кабан и два черныбыльских пса. На Мышку же вверх по склону перло что-то громадное, непонятное, с корову величиной. Толком не разобравшись, девушка сперва выпалила страшилищу в бок. И только когда оно забулькало и забормотало детским голоском, но не прекратило движения, Мышка поняла, что это псевдоплоть — глупая тварь, трусливая и почти не опасная в одиночку. Стаей они нагнали, но сейчас на сталкеров ополчилась даже не стая, а группа разных существ, почему-то действовавших сообща.

— Н-на, получай! — Мышка влепила пулю прямо в глаз подобравшейся близко псевдоплоти.

Тварь рухнула и задергалась в конвульсиях, сползая обратно по склону. А к девушке уже мчались прыжками две слепых собаки, роняя пену из пастей. Мышка выстрелила еще раз, и еще. Одна собака упала, вторая сделала рывок вперед. Страшная безглазая морда оказалась совсем близко. Мышка выстрелила в нее. Попала. Жуткая тварь издохла в корчах, предсмертно лязгнув зубами в каком-нибудь сантиметре от Мышкиной ноги. Девушка судорожно вдохнула — оказывается, она все это время задерживала дыхание.

Кайман расправился с кабаном и двумя псевдопсами. На него, оскалась, летел третий. Мышка вскинула винтовку, прицелилась...

Все поплыло у нее перед глазами. Мир задрожал, все контуры раздвоились. Краски сперва поблекли, затем налились угрожающим багрянцем. В голове загрохотало, словно она стояла на рельсах и прямо на нее мчался поезд метро. Стало трудно дышать, тошнота подкатила к горлу. Ствол винтовки повело в сторону, вместо черныбыльской твари в прицеле оказался Кайман. Мышка попыталась снова выцелить мутанта, но руки не слушались, ствол ходил ходуном — и, словно в него вселился злой дух, сам собой направлялся на сталкера. Десяток секунд, показавшихся ей намного длиннее, девушка боролась за контроль над винтовкой. Кто-то невидимый и очень сильный словно давил ей на палец, лежащий на спусковом крючке.

Мышка почувствовала, что вот-вот потеряет сознание. А стоит ей прекратить борьбу, «винторез» выстрелит в Каймана. Страх за сталкера придал ей смелости. Девушка изо всех сил рванула ствол вверх, одновременно расслабив палец на спуске. Выстрел прогремел над головой Каймана. Мышка без сил опустилась на землю и уронила винтовку рядом. Сейчас она была совсем беззащитна. Если бы перед ней возникла очередная тварь, девушка не смогла бы ей сопротивляться.

Но мгновения шли, никто не нападал, а в голове постепенно прояснялось. Отступила тошнота, развеялась кровавая муть. Мышка подняла голову.

Как раз в этот момент Кайман выстрелил.

Сталкер стрелял во врага в упор. Девушке показалось, что его противник — человек, причем безоружный. Он вскинул руки каким-то странным жестом, не то умоляя сталкера, не то проклиная. Только когда он от выстрела завалился набок, головой в кусты, до Мышки дошло, что фигура его уродлива не потому, что человек изувечен, — а потому, что это не человек.

Контролер.

Вот оно что! Это все объясняло. Они встретились с группой тварей, подчиненных контролеру. А когда звери кончились, на людей вышел их хозяин. Мышка только что выдержала схватку воль с одним из самых страшных мутантов Зоны. Нельзя сказать, что она его победила — но уж во всяком случае не проиграла! Девушка тихонько засмеялась.

Кайман выпустил контрольную очередь в кусты, в голову уже неподвижному контролеру — мутанты живучи. И бросился к Мышке.

— Жива? Цела? Сиди, не вставай пока!

— Порядок, — девушка упрямо попыталась встать, но поскользнулась и уселась обратно в глину. — Вот черт его дери! Не хотелось появляться на «Скадовске» с грязной жопой, а придется.

— Мышонок...

Кайман отпихнул труп слепой собаки, уселся рядом с девушкой, обнял ее за плечи.

— Ты героический, Мышонок, — серьезно сказал он. — А я дурак, надо было прислушаться к интуиции, сделать крюк. Так нет же, хотел тебя на базу побыстрее доставить. Да уж, не каждый день с таким встретишься! Матерый был контролерище, и свора у него старая, сработавшаяся. В засаде сидели до последнего, ничем себя не выдали.

— Кайман...

Мышка прижалась к нему. Сейчас, когда уже все было кончено, ее вдруг затрясло от возбуждения и страха. Она ведь могла не совладать с контролером, застрелить Каймана, а потом сама стать жертвой своры. И сейчас отвратительные твари рвали бы в клочья их теплую плоть и грызлись за лакомый кусочек над бездыханными телами. Нет, лучше об этом не думать.

— Давай пойдем отсюда потихоньку, — пробормотала Мышка. — А то меня сейчас стошнит.

Остаток спуска они преодолели без проблем. Закончился и дождь. В прорехе между тучами заголубело небо. Пока обошли нос сухогруза, чтобы попасть ко входу в базу, Мышка успокоилась окончательно. Вот только волнение, с которым она предвкушала встречу с братом, тоже выветрилось. После адреналиновой вспышки от схватки с контролером и его сворой закономерно пришла усталость.

Девушка равнодушно смотрела по сторонам. Они поднялись на второй этаж — или, учитывая корабельное прошлое базы, на среднюю палубу. Внутри «Скадовска» кое-что было даже покрашено и подремонтировано — наверное, то, что уже совсем валилось на голову. Местами даже горели тусклые лампочки. Навстречу им попало несколько человек, Каймана окликнули — у него здесь были знакомые. Кто-то, не разобравшись в потемках, хлопнул и Мышку по плечу: «Привет, Везунчик!». Девушка отстраненно слушала, как сталкер рассказывает про их встречу с контролером, как будто речь шла не о ней.

В компании двух знакомых Каймана они прошли по коридору, свернули несколько раз, оказались в довольно просторном помещении с низким потолком и металлическим решетчатым полом. У дальней стены за барной стойкой гордо возвышался бармен. Самодельные столы и стулья из чего попало придавали заведению занятный колорит — так сразу и не поймешь, бомжатник это или винтажный арт-салон.

Кайман усадил Мышку на стул, сперва попробовав его на прочность, переговорил с барменом и вернулся к столу с бутылкой водки, хлебом, колбасой и еще двумя приятелями. Один из предыдущих куда-то исчез.

— Я навел справки, — вполголоса сказал сталкер девушке. — Да, есть тут среди местных один пацан. Сейчас Фонарь его приведет, если найдет.

Водку разлили по кружкам. Кайман соорудил Мышке варварски огромный бутерброд, сунул в руку.

— Ешь!

Заговорили о ком-то неизвестном ей и совершенно неинтересном. Девушка глотнула водки, прожевала колбасу. От тепла, духоты и спиртного жизнь окончательно превратилась в приглушенное кино, которое показывали ей издалека. Мышка поняла, что задремывает, встряхнулась.

Вернулся сталкер по прозвищу Фонарь, которого Кайман отрядил на поиски. Вместе с ним пришел еще один. Мышка смерила его равнодушным взглядом. Это был совсем молодой парень, лет восемнадцати на вид, высокий, плечистый и крепкий.

— Ну? — спросил он юношеским баском. — Чего звали?

Кайман толкнул Мышку локтем в бок. Ёшкин кот! Наконец-то до нее дошло. Это тот самый подросток... Тот самый? Неужели Матвейка? Девушка впилась глазами в парня.

— Присаживайся, — предложил парню Кайман. — Поговорим. Водку пьешь?

— Пью, когда наливают.

Молодой сталкер сходил к стойке за кружкой, прихватил по дороге табурет, сел к столу. Мышка отслеживала каждое его движение, и ее разочарование становилось все глубже. Парень не напоминал ей никого из родни. И никакая потаенная струна в ее душе не отзывалась волшебным звоном.

Кайман начал наливать в подставленную кружку, но остановился.

— Э, погоди, а ты совершеннолетний?

Парень ухмыльнулся.

— Это смотря для чего, дядя. Чтоб зверье местное бить или в морду кому засветить — да. А чтобы паспорт получить — нет пока. Да мне, в общем, здесь паспорт без надобности.

Кайман вылил ему остатки водки, кивнул Фонарю.

— Не в службу, а в дружбу, возьми еще одну, а?

Пока бармен открывал бутылку, пока Фонарь нес ее к столу, Кайман мимоходом спросил парня:

— Значит, пятнадцать тебе? Выглядишь ты, надо сказать, постарше.

Намного старше, подумала Мышка. Нет. Это не он. Не Матвейка. Нет.

— Ага, пятнадцать, — кивнул парень. — Да у нас все в роду крупные, скороспелые. Меня родаки в шестнадцать заделали, в семнадцать родили. Так что я, здоровый мужик, в школе за партой буду сидеть? Не-ет, лучше я за мутантами погоняюсь!

И хорошо, что не он, с внезапной злостью подумала Мышка. Чурбан какой! Дубинушка скороспелая. Ну тебя к черту, дурака!

— Хватит, — громко сказала она Кайману. — Не надо больше.

Сталкер кивнул. Он ее понял. Да и чего уж тут не понять, когда парень прекрасно знает своих родителей — а если спросить, то, небось, охотно расскажет, когда и как смотался из школы в Зону. Можно не интересоваться, как его зовут. Это не Матвей, это не ее брат.

Зря они пришли на «Скадовск». Все зря.

Мышка хотела было огорчиться, но вдруг зевнула во весь рот.

Кайман ухватил ее за плечо, выдернул из-за стола.

— Сейчас, напарника на койку определяю и вернусь, — бросил он собутыльникам.

— Хлипкий у тебя напарник, дядя, — заржал пятнадцатилетний сталкер. — Пить не умеет.

— Пить, может, и не силен, — обернулся Кайман. — Зато он час назад контролера поборо.

Компания уважительно загудела.

Мышка уже спала на ходу. Сквозь разноцветный туман она кое-как ощущала, что сталкер волочит ее по коридору, открывает ключом дверь каюты, снимает с нее комбинезон, укладывает на койку. Ключ скрежетнул в замке с наружной стороны, и девушка осталась одна.

— Кайман, — пробормотала она в полусне, — ты самый лучший в мире крокодил.

Наверное, хорошо, что сталкер этого не услышал.

21. Сталкер Кайман, окрестности Затона

— Неплохие новости, Мышонок.

Кайман пододвинул к девушке тарелку с овсяной кашей, щедро залитой сгущенкой и посыпанной порошком какао. Мышка скривилась.

— Согласен, это не мороженое и даже не шоколадка, — развел руками сталкер. — Но съесть придется.

После встречи с контролером и облома с парнем, который оказался не Матвейкой, девушка проспала всю ночь и еще половину дня, а теперь валялась вялая в койке и даже завтракать не хотела. Помня, что Мышка — сладкоежка, Кайман пошел на хитрость и вылил ей в тарелку полбанки сгущенки, но даже это не сработало. Девушка едва лизнула ложку и отодвинула кашу.

— Какие новости?

Кайман пошел на прямой шантаж.

— Съешь — тогда скажу.

— Ладно...

Мышка принялась с отвращением ковырять кашу, и сталкер отвернулся, потому что смотреть на это было невозможно. Пока Мышка разбиралась с поздним завтраком, он перебрал и почистил «эф-эн», подумал, и «винторез» тоже обиходил собственноручно.

В отличие от девчонки, у него сегодня выдалось насыщенное утро. Он грамотно похмелился в теплой компании тех же сталкеров, с которыми вчера к вечеру надрался. Уши Кайман держал открытыми, и собрал превосходную коллекцию местных сплетен за последние несколько месяцев. Кое-что из этого выглядело полезным.

— Уже.

Кайман с сомнением посмотрел на грязную тарелку. Половина каши осталась размазанной по ней в виде художественных разводов, в которых можно было усмотреть то ли бездарную карту Затона, то ли талантливый портрет кровососа в профиль. Сталкер решил не придирается.

— Я узнал, как найти проводника на Болота.

— О! — Мышка приободрилась. — И как?

— Тут неподалеку есть старая баржа, она пару лет стояла пустая, а недавно там поселился проводник. Зовут его Можай. Я про него со вчерашнего дня наслушался выше крыши. Собака у него живет, настоящий черныбыльский псевдопес, представляешь? В числе прочего говорят, что Можай к Болотному Доктору путь знает...

Кайман с удовольствием отметил, что заинтересовавшаяся Мышка машинально доедает овсянку. Ложка заскребла по чистому дну тарелки.

— Так пойдем к нему!

— Не так сразу, Мышонок, — вздохнул сталкер. — Проводники даром по Зоне не водят. Нужно ему либо денег, либо артефакт предложить. Да не какую-нибудь расхожую мелочь, а настоящую вещь.

— А-а...

— Надо по окрестностям полазить. Во-первых, здесь урожайные места, аномалий полно — а народ, как я посмотрю, разленился, задницу от «Скадовска» оторвать не хочет. Во-вторых, есть у меня одна нычка на примете, и тоже в здешних краях.

Кайман достал наладонник, сверился с записью. Точно, память его не подвела. В тот день, когда он столкнулся со звуковым миражом и оказался невольным свидетелем гибели сталкера по кличке Заяц, Кайман на всякий случай занес в ПДА координаты тайника, которым Заяц пытался откупиться от бандитов. Времени прошло немало, но есть вероятность, что нычку еще не разграбили. Насколько Кайман знал привычки мародеров, они трусили углубляться в Зону, предпочитая нападать на идущих с хабаром сталкеров вблизи Периметра. Вряд ли бандит, прикончивший Зайца, уже успел сговориться с кем-то из не брезгующих вести дела с мародерами сталкеров, чтобы тот почистил тайник. Во всяком случае, навестить точку стоило.

Мышка наконец ожила. Слезла с койки, поинтересовалась:

— А где здесь можно умыться? В туалете я была, который в конце коридора. Там не то что руки сполоснуть — там даже гадить страшно.

Сталкер соорудил гримасу.

— Что поделаешь, здесь живут грубые люди, дети Зоны. Умываются, когда дождь намочит. Пойдем, купим у бармена флягу минералки за большие деньги. Только не умывайся прилюдно, не то мужики подумают нехорошее.

Девушка фыркнула.

— Ну, если это такая проблема, я тоже могу дождя подождать. Тем более что льет каждый день, достало уже.

Кайман пожал плечами. Его самого дождь ничуть не раздражал — как, впрочем, и отсутствие воды, и грязь в туалете. Что такое неудобства? Как говорится, неудобно с

химерой целоваться — пока с одной головой целуешься, вторая ухо откусит. А все остальное мелочи.

Они зашли в бар, где по обеденному времени тусовался народ. Про минералку Мышка не вспоминала, поэтому просто выпили чаю. Мышка долго не могла отлипнуть от доски объявлений, где красовались надписи типа «Куплю „кровь камня“, оптом», «Кому нужен поддержанный броник? Дешево» и «Меняю компас на хорошие ботинки 47-го размера» с корявой припиской «компас каторый артефакт». На видном месте красовался свеженький плакат «Все на зачистку территории! За три собачьих головы наливаем пиво бесплатно!».

— Обленились вконец, — проворчал Кайман. — Развели демократию. Бардак, блин, как в парламенте! Мутанты под самой базой шастают... Как еще сюда кровососы не наведываются пивка попить!

От соседнего столика ему погрозил пальцем вдребодан пьяный сталкер в «свободовском» комбинезоне с волчьей головой на рукаве.

— Д-демократия — первый шаг кты... ктотль... к тоталитаризму! — наставительно произнес он. — Т-только анархия! С-свобода, мать ее...

Он потерял нить мысли и вернулся к своей бутылке.

Кайман поморщился и заторопил Мышку:

— Пойдем!

Девушка как раз дочитала объявления, и вид у нее был ошалелый. Некоторое время она молча шагала следом за сталкером. Они покинули «Скадовск», и Кайман двинул напрямик через плавни.

Озерца на Затоне были мелкие, едва по колено — даже не озерца, а лужи с маслянистой тухлой водой. Зато окружающие их камыши вымахали больше двух метров высотой. Идти приходилось медленно. В глаза лез болотный гнус, пронзительно ныло над ухом комарье. Кайман закурил в надежде отпугнуть насекомых и перебить тухлую вонь. На «Скадовске» удалось разжиться сигаретами незнакомой марки. Они предсказуемо оказались дерьмовыми, но сталкер не привередничал — пусть скверное, а все ж таки курево. В Зоне табак долго не хранился, сигареты теряли запах и вкус, доставляя курильщикам сплошные мучения. Не страдали только сталкеры группировки «Свобода», которые курили вволю, но совсем не табак.

Мышка, у которой только-только сошел с лица лиловый синяк от укуса, яростно отмахивалась руками от кусачей пакости.

— Мы зачем сюда пошли? — не выдержала она. — Кайман! Разве нельзя было поверху обойти?

— Потерпи чуток. Поверху обходить далеко, да потом еще придется по мосту на тот берег перебираться. А на мосту аномалий — как блох на собаке.

— Псевдоблох на псевдособаке, — засмеялась Мышка.

Сталкер сдержанно хмыкнул. Набралась девчонка местного жаргона, ёшкин кот.

Плавни и впрямь скоро кончились. Под самым берегом на них выскочил из камышей кабан-одиночка, и Кайман снял его очередь в упор.

Сталкер с девушкой выбрались наверх и повернули влево. Идти по склону было не так чтоб удобно, но по сравнению с плавнями — чистый отдых, пляжная прогулка. Собственно говоря, этот берег когда-то и был пляжем. В те далекие времена, когда здесь протекала река, а вокруг были заповедные леса, а вовсе не Зона, наверху располагался поселок Изумрудное с домиками для отдыхающих. Мышка нервно хихикнула, когда они с Кайманом миновали несколько пляжных зонтиков.

— Только не подходи к ним, — на всякий случай предупредил Кайман.

Простенькие конструкции из металлических полос и дощатых планок не могли сами собой продержаться столько десятилетий. Тем более давно должен был развалиться на части и сгнить деревянный пляжный лежак, красовавшийся чуть поодаль. Одна только Зона знает, какие завихрения аномальных полей хранят их от разрушительного действия времени. И уж тем более только Зоне известно — зачем.

Изумрудное осталось по правую руку. В диких зарослях лиственных деревьев едва угадывались остатки бывших домиков. Кайман и Мышка перешли небольшой мост и по асфальтированной дороге вышли к заброшенной радиорелейной станции.

— Приготовь ствол, — велел сталкер. — Зверье здесь непуганое, наглое.

Он одобрительно глянул, как Мышка управляется с «винторезом». Да, можно за девчонку не волноваться. Задатки у нее и так были хорошие, а практика в Зоне превратила ее в классного стрелка. В паре сотен метров перед ними на дорогу выбежала псевдособака, и Кайман еще только целился, а Мышка уже точным выстрелом уложила тварь.

— Ух ты! Это что за сооружение? — прищурилась девушка. — На оранжерею вроде похоже.

Справа от дороги, над верхушками молодых елей и сосенок высилось нечто удивительное. Огромная полусфера была сплетена из неровных труб, между которыми оставались большие пустоты, отчего ее действительно можно было принять за купол оранжереи. Но стоило подойти чуть ближе, и стало видно, что причудливую структуру образуют ветви дерева.

— Это — соснодуб, — сообщил Кайман. — Я, конечно, ни разу не ботаник, но что-то у него есть общее с теми сосновыми лозами в Лиманске и в Припяти.

Мышка молча кивнула, соглашаясь.

— Подойдем поближе? — попросила она.

— А нам так и так туда надо.

Они свернули с дороги и некоторое время продирались сквозь молодой ельник. Ёлки тыкали людям в лицо колючими лапами и одуряюще пахли хвоей. Вблизи соснодуб оказался еще огромнее, чем представлялось издали. В отличие от упомянутых сталкером сосновых лоз, которые росли из одного корня, здешняя ботаническая аномалия срослась воедино из нескольких деревьев. У основания их стволы имели больше метра в диаметре.

Сплетенная из ветвей полусфера уходила вверх на высоту нескольких человеческих ростов. Под ней был глубокий овраг, на дне и стенках которого воздух отливала нехорошей зеленью.

— Ядовитая дрянь, — сплюнул Кайман. — Я как-то сверзился туда с самой верхушки, мало того что бока отбил, так потом еще неделю таблетки жрал, противоядие.

— А зачем ты наверх полез?

Мышка с любопытством ощупывала кору на ближайшем из монументальных стволов соснодуба.

— Зачем, зачем... — проворчал Кайман. — За тем же, за чем и сейчас полезу.

Он снял рюкзак, поставил на предохранитель автомат и отдал его девушке.

— По сторонам смотри! — предупредил он. — И на ПДА поглядывай. Мало ли какие твари могут из ельника вынырнуть.

Поплевав на ладони, сталкер начал восхождение. Выражение «лезть на дерево» для соснодуба было явно маловато.

Минут, наверное, через двадцать, основательно извозившись в смоле и запыхавшись, Кайман добрался до верхушки. Здесь ветки уже прогибались под ним, и пришлось передвигаться сидя. На самом верш пушистые сосновые лапы образовали что-то вроде гнезда. Если со времени прошлого выброса никто не удосужился заглянуть сюда, то... Есть! Кайман торжествующе присвистнул. В сосновом гнезде лежал артефакт.

С того боку, откуда подобрался сталкер, арт был похож на обкатанный водой бурый камень, формой и величиной напоминающий страусиное яйцо. Но когда Кайман дотянулся, осторожно взял его в руки и повернул к себе другой стороной, ему в лицо ударила вспышка чистого алого света. Артефакт пульсировал, то разгорался, то гас, и менял цвет от желто-оранжевого до густо-красного. Зашевелился под комбинезоном шуршавчик — почуял чужое пси-поле.

Кайману уже доводилось держать в руках подобную вещь. Арт нечасто встречался, и продать его можно было дорого. Он обладал полезным пси-воздействием — подбадривал, успокаивал, придавал силы и притом не оказывал никаких побочных эффектов. В Зоне его

ценность была невелика, здесь шли в ход штучки покрепче, вроде того же «кастета берсерка» — зажми артефакт в кулаке, и хоть против толпы контролеров в одиночку, вот только фонит он так, что руку тебе потом долго никто не пожмет. А найденный на соснодубе арт был идеальным хабаром на продажу.

— Что там у тебя? — встревожилась Мышка.

— По сторонам смотри! — рявкнул Кайман. — У меня все нормально. Спускаюсь.

Он прыгнул метров с двух высоты, выпрямился и достал артефакт из-за пазухи. Мягкие желтые сполохи побежали по его рукам и груди.

— Бери, он полезный.

Девушка взяла артефакт, любопытно сморщила нос.

— Красивый... Это что? Как называется?

— Называют его «ййцом ганзера». — Кайман подхватил «эф-эн», настороженно прислушался, не ломится ли кто через ельник. — Только не спрашивай, почему так. Понятия не имею. Назвал кто-то, кто его первый нашел. Хотел бы я знать, что он имел в виду — хотя бы птица этот ганзер или зверь? Надеюсь, что птица...

Мышка звонко расхохоталась. Артефакт явно добавил ей бодрости.

— Повезло нам. — Кайман забросил на плечо рюкзак. — На соснодубе разные арты появляются, могла и мелочевка выпасть. Яйцо ганзера дорогое. Думаю, проводник его согласится в уплату взять. Та-ак, где тут у нас север? Прячь пока хабар, бери «винторез», а я буду шаги считать. Наверное, вот от этого ствола. Раз, два...

Тридцать шагов вывели Каймана к большому валуну. Правда, оказался он не в лесу, а над самой дорогой. Ну, хорошая нычка может быть где угодно. Главное, чтоб о ней не знали посторонние.

Сталкер обошел валун кругом, потом хлопнул себя по лбу и достал «Велес». Детектор честно указал несколько артефактов с восточного бока камня. Кайман вытащил припасенную лопатку, и вскоре из разрытой земли показался небольшой сверток. Сталкер развернул толстый полиэтилен, и на свет явились сокровища погибшего Зайца.

Увы, покойник был небогат. «Бусы», «батарейки», «серьги», пара «медуз», несколько разноцветных «кристаллов», линза, какой-то невзрачный серый камушек — вообще непонятно, артефакт это или так, случайно затесавшийся мусор.

— Эх, — вздохнул Кайман, — зазря тебя, Заяц, шлепнули. Ладно, загоним твоё наследство оптом, как раз хватит на выпивку, чтобы тебя помянуть.

Сталкер свернул полиэтилен, сложил хабар в рюкзак. Яйцо ганзера он забрал у Мышки, упаковал в контейнер и аккуратно пристроил сверху на сверток с мелочью.

— Дважды такая удача не выпадает, — кивнул он на контейнер. — Если б еще и от Зайца чего-нибудь путное осталось, я бы сильно удивился. Хотя я и так удивился... Мне обычно на арты не везет, если честно. Слушай, Мышонок! Может, тебе со снарягой Везунчика часть его удачи передалась? Ты ничего такого не чувствуешь? Ну, куда нам лучше идти, скажем?

Мышка прислушалась к ощущениям.

— Ничего не чувствую, — честно сказала она.

— Значит, двинем прямо к проводнику, — решил Кайман. — Хабар есть, не с пустыми руками идем.

22. Мышка, Затон, старая баржа

Снаружи старая баржа глядела развалюхой похуже «Скадовска». Ржавые борта, обвалившаяся надстройка.

Кайман аккуратно постучал. Громко залаяла собака.

— Входи, если смелый, — донесся изнутри недовольный голос хозяина.

Сталкер с девушкой переглянулись.

— Будем считать это приглашением, — пробормотал Кайман и неспешно отворил дверь.

Проводник сидел в кресле напротив двери и целился в них из автомата. Рядом с креслом в напряженной позе замер огромный чернобыльский пес. То ли он действительно был крупнее своих собратьев, то ли Мышке так показалось, потому что ей еще не приходилось видеть псевдособаку в помещении. Пес угрожающе склонил голову. Его красные глаза не отрывались от вошедших — и это, пожалуй, было пострашнее направленного в них ствола. Собачий взгляд говорил: если ты враг, бесполезно хвататься за оружие, я успею раньше. И видно было, что успеет.

— Кто такие? — прищурился хозяин. — Зачем пришли?

Широкое лицо проводника лишь на первый взгляд казалось добродушным. Краешки полных губ поднялись в полуулыбке, но глаза смотрели требовательно и жестко. Подбородок и щеки проводника поросли непролазной щетиной, чуть-чуть не дотягивающей до статуса бороды. Голос его вполне соответствовал внешности — густой, звучный бас.

— Кайман, — представился сталкер. — А это Мышонок. Нам нужен проводник на Болота. Хотим попасть к Доктору.

— Вот как? К Доктору на Болота?

Проводник положил руку на загривок собаке.

— Тихо, Симба. Сидеть. Свои.

Пес напоследок басовито гавкнул и неохотно уселся, но не расслабился даже под хозяйской рукой.

— Стволы вон там поставьте, справа от входа, — сказал проводник. — Рюкзак ты тоже можешь там оставить. И проходите, располагайтесь.

Рядом с дверью обнаружилась стойка для оружия. Пристроив «винторез» рядом с Каймановским «эф-эном», Мышка на цыпочках двинулась вслед за сталкером.

Проводник отставил в сторону свой автомат, взял с края пепельницы дымившуюся там сигарету, с видимым удовольствием затянулся и выпустил клуб дыма.

— Кресла пододвигайте, садитесь, — предложил хозяин уже вполне радушно. — Симба сейчас вас обнюхает и будет знать. Не переживайте, он без моей команды еще никого не съел. А ты, Мышонок, вообще не бойся. Женщин Симба не трогает.

Глянув на их вытянувшиеся лица, проводник усмехнулся.

— Думали, я девочку от мальчика не отличу? Пусть даже неумытую и в комбинезоне? У меня дома дочка, между прочим. Тоже штаны носит каждый день, а платье — по большим праздникам, когда мама заставит. Не волнуйтесь, болтать не стану. У каждого свои глаза есть, чтобы самому разобраться.

Он обменялся рукопожатием со сталкером, представился:

— Можай.

На Мышку проводник глянул с умеренным интересом, словно белобрысые девчонки в Зоне встречались сплошь и рядом, и он лишь хотел уточнить для себя, чем этот экземпляр отличается от других.

Девушка опустила в пододвинутое Кайманом кресло и нервно улыбнулась, поглядывая краем глаза на Симбу. На всякий случай она старалась двигаться очень медленно. Не трогает женщин — это, конечно, хорошо... но руками лучше не размахивать.

Дождавшись хозяйского жеста, пес подошел, ткнулся носом в Мышкины колени, втянул запах. Его дыхание было шумным и горячим. Когда Симба вернулся на свое место, тяжело рухнул на пол и замер, Мышка перевела дух. Вообще-то она никогда не боялась собак — но это по ту сторону Периметра, вне Зоны. Здесь же она успела привыкнуть, что при виде собаки надо первым делом стрелять... и вторым тоже. Чернобыльский псевдопес — это злобный зверь, тем более опасный, что ума ему не занимать. Как, интересно, Можая удалось приручить мутанта?

Вопрос она, кажется, пробормотала вслух. Во всяком случае, проводник ей ответил:

— Может, и расскажу. Потом как-нибудь. Сперва давайте о деле. Да, чаю будете? Сигареты? Вон там еще одна пепельница.

Сам он докурив сигарету и тотчас взял следующую из пачки «Кэмела» на столе.

— Не откажусь, — Кайман, нервно нюхавший ароматный дым, потянулся к пачке.

— Давай сюда чашки, Мышонок, — распорядился хозяин. — Вон там, на кухне возьми. И печенье прихвати, сахар, лимон... в общем, чего там найдешь к чаю, все неси сюда.

Девушка безропотно отправилась на кухню. В основном потому что оборот «чего там найдешь к чаю» раздражил ее любопытство. Оказавшись на кухне, она с трудом удержалась, чтобы не присвистнуть. Такое впечатление, что здесь было все.

На столе громоздились печенье, галеты, хлеб, халва, сухофрукты с орехами и еще какие-то сласти. Мышка нашла поднос, собрала на него все, что ей показалось уместным. Что-то еще... Ах да, лимон! Где искать лимон?

Ее взгляд упал на холодильник. Еще не вполне веря увиденному, она приоткрыла дверцу. Холодильник работал. Лимон она там нашла. Это было непросто, поскольку все полки были забиты битком.

— А мороженое у тебя есть? — спросила Мышка, ставя поднос на стол между хозяином и Кайманом.

— Да. Посмотри в морозилке, — небрежно махнул рукой проводник. — Пара сортов должна быть.

Пара сортов! Здесь, посреди Зоны! В старой барже, которая снаружи смотрится ржавой развалиной! Мышка вернулась на кухню и обнаружила в морозилке пломбир, шоколадное и ванильно-клубничное мороженое. Она беззастенчиво соорудила себе ассорти в суповой тарелке, вернулась в комнату и устроилась в кресле с ногами. Кайман встретился с ней взглядом. Судя по всему, на него Можай тоже произвел впечатление.

Забулькал, закипая, электрический чайник.

— Вот заварка, — кивнул на стеклянную колбу проводник. — Наливайте себе сами. Я-то люблю крепкий.

В его литровой кружке плескалась черная жидкость.

— А от чего у тебя вся техника работает? — не выдержал Кайман.

— От движка, — пожал плечами хозяин. — Я когда сюда перебрался, первым делом движок поставил. Что я, без электричества буду сидеть?

— Мда-а...

Кайман придавил в пепельнице бычок, откашлялся.

— Ты, наверное, очень дорого за свою работу берешь? — напрямик спросил он.

Можай усмехнулся.

— От работы зависит, — сказал он уклончиво. — Так зачем вам нужно на Болота? Доктор не любит, когда к нему без приглашения приходят. Мало ли кто у него может там гостить...

— А правда, что он кровососов лечит? — не удержалась Мышка.

— Правда, — подтвердил Можай. — Он всех лечит. И людей, и мутантов. Кто к нему за помощью пришел, тому Док поможет. А у вас, значит, кто-то заболел?

— Нет. Мы ищем одного человека...

Кайман принялся обстоятельно пересказывать проводнику историю Мышки и ее брата. Можай прикрыл глаза и откинулся в кресле — неподвижный, словно статуя Будды. Можно было решить, что он задремал, но девушка не обманулась его поведением. Примерно так же выглядел Кайман, когда внимательно слушал или серьезно думал.

Вопросов проводник не задавал, дослушал историю до конца, включая неудачу на «Скадовске», и проронил:

— Понятно. Знал я немного Таньку Бюрершу, отчаянная была тетка. Да и Серега Пономарь тоже, по слухам, неплохой мужик был. Что ж, надо вам помочь.

— Значит, отведешь к Доктору? — спросил Кайман.

Проводник качнул головой.

— Так сразу я вам не скажу. Попозже вечером я с ним свяжусь, спрошу, можно ли. Правда, думаю, он мне не откажет.

— Ага.

Кайман оживился. Мышка поняла это так, что он счел слова Можая согласием. Черт их разберет, этих мужчин, изъясняются на каком-то косвенном наречии. Без переводчика и не поймешь.

— А чем ты за работу берешь, хабаром или деньгами? — поинтересовался сталкер.

Можай степенно хлебнул из чашки, поморщился, поставил остывший чай на стол и щелкнул кнопкой чайника.

— Не вижу разницы, — благодушно сказал он, закуривая очередную сигарету. — В рамках хабарно-денежных отношений это взаимозаменяемые понятия.

— Каких-каких отношений? — обалдел Кайман.

— Ну как, по схеме «хабар — деньги — хабар», — пояснил Можай. — Чего непонятного?

— А... Ну ладно. Посмотри тогда на хабар, который мы принесли.

— Симба, сидеть! — успокоил хозяин напрягшегося пса.

Сталкер принес от входа рюкзак, вынул контейнер, открыл его.

Мягкое малиновое сияние подсветило окутывавшие Можая клубы дыма, погасло, сменилось оранжевым...

— «Яйцо ганзера»? — проводник приподнял бровь. — Неплохая вещь.

— Вещь отличная, — убежденно сказал Кайман.

— Ладно. Можешь его оставить здесь, — разрешил Можай. — В принципе, будьте готовы завтра выходить. Я тебе ближе к ночи перезвоню, скажу точно. Симба, проводи гостей.

Пес неспешно поднялся, подошел к двери, склонил тяжелую лобастую голову, пронаблюдал, как сталкер с девушкой забирают оружие, и вышел наружу вслед за ними. Отойдя от баржи на десяток шагов, Мышка обернулась. Дверь была закрыта, и никого рядом.

— Как по-твоему, это пес закрыл дверь? — спросила Мышка. Кайман пожал плечами.

— Может, сквозняком захлопнуло? — предположил он.

— А я думаю, это Симба, — не согласилась Мышка.

— Я тоже так думаю, — признался Кайман, почему-то понизив голос.

Глава пятая. Форсирование преград

23. Сталкер Кайман, дорога на Болота

С самого утра у Каймана было прескверное настроение без малейших на то причин. Вроде бы все складывалось удачно. Они с Мышкой еще на рассвете покинули «Скадовск», встретились с Можаем и без задержек двинулись в путь. Симба рыскал по кустам, появляясь то слева от них, то справа. Можно было не смотреть на ПДА — мелкое зверье само убиралось с дороги, а тварей покрупнее псевдопес чуял раньше, чем их засекал прибор. Об аномалиях пес-мутант тоже предупреждал хозяина то повизгиванием, то каким-то покашливанием, и проводник понимал его с полужвука. Поэтому продвигались быстро.

Казалось бы, шагай да радуйся, а Кайман тихо злился. Все его раздражало, любой пустяк действовал на нервы. В рюкзаке что-то лязгало, а когда он специально остановился и попытался выяснить, что же это, лязгать перестало — зато через сотню метров стало отчетливо булькать. Потом неведь каким образом материализовался камушек в левом ботинке с туго зашнурованным голенищем. Стиснув зубы, Кайман дотерпел до привала, вывернул ботинок чуть ли не наизнанку, и, разумеется, камушка там не оказалось. Ну не ёшкин ли кот, а?

Отдохнуть расположились на камнях, в виду каких-то сельскохозяйственных развалин. Сам Кайман нипочем не стал бы устраивать здесь привал, потому что рядом с развалившимся до основания сараем стоял новенький синий трактор, и воздух над ним то и дело искрил, словно от электросварки. Но Можай сказал, что он это место знает, а если вдруг

что — Симба подаст сигнал. Кайман нехотя согласился с проводником, однако настроения это ему не улучшило.

Масла в огонь подлила Мышка. Девчонка ерзала на камне, пыхтела, отказалась от еды и неожиданно заявила, что хочет прогуляться. В том смысле, что ей надо отойти в кусты. Можай флегматично пожал плечами, а Кайман сказал, что пойдет с ней, — причем сказал таким тоном, что Мышка не решилась возразить.

До ближайших кустов дошли молча. Скрывшись с глаз проводника, сталкер без долгих предисловий взял Мышку за шкуру.

— А теперь рассказывай, — желчно сказал он. — Куда тебе понадобилось на самом деле?

— Ну-у...

Девчонка не поднимала глаз и ковыряла носком ботинка подвернувшийся пенек. Вид у нее был разнесчастный. Кайман не стал ждать, что именно она соврет.

— Ты уже час только и знаешь, что зыркать в свой наладонник, — нажал он. — Так что это за кусты такие особенные, которые у тебя на ПДА отмечены?

Мышка тяжело вздохнула.

— Сама не знаю, — призналась она. — То есть не знаю, что там такое. Меня попросили туда заглянуть. Выяснить, что там, в этой точке.

— Попросили? — Кайман не ожидал такое услышать. — Кто?

— Ну-у... — Девчонка наконец подняла на него глаза. Взгляд у нее был возмутительно невинный. — Дядя Дима. Он сам туда не может попасть, понимаешь?

— Какой еще дядя Дима?! — окончательно обалдел Кайман.

— Дядя Дима Шухов, — уточнила Мышка. — Черный Сталкер.

Вот тут Кайман и сорвался. Он долго и некрасиво орал на Мышку. Он даже, кажется, топал ногами, и с ужасом понимал, что его несет — а он не в силах остановиться. Он с трудом удержался от того, чтобы замахнуться на девушку, и тут на его плечо легла тяжелая рука, и Можай неодобрительно сказал:

— Чтобы так орать, не надо было уходить в кусты. Тебя слышу я — и все, у кого есть уши, в радиусе километра. Ты слетел с нарезки, сталкер? Что с тобой?

— Он попал под выброс восемь дней назад, — вмешалась Мышка. — Шаман сказал, после «хрустального вензеля» иммунитет к пси-воздействию дней десять держится. Может, это, ну... последствия?

— Шустрые вы ребята! — хмыкнул проводник. — Выброс, «хрустальный вензель»... Ладно, доберемся к Доктору, он тебе мозги пощупает. Если захочешь.

Кайман медленно приходил в себя. Пожалуй, в словах девчонки был определенный смысл. Весь его сегодняшний депрессняк, раздражение и злость получали объяснение. Точно, это его ушибленная выбросом и восстановленная с помощью артефакта психика возвращается к обычному состоянию. Ну, и кочевряжится по ходу дела... Кайману стало стыдно. Мог бы и сам додуматься, рептилия безмозглая! Хотя эта мышь белая, лабораторная, тоже хороша. Нет бы сказать ему с самого утра про свою догадку! И с Черным Сталкером — та еще история... Когда девчонка успела с ним встретиться? И главное, почему промолчала? Ничего, он из нее еще вытащит подробности. Но не сейчас, не при проводнике.

— Покажи ПДА, — буркнул сталкер. — Где там эта точка?

Девушка неохотно протянула ему наладонник. Координаты указывали на место буквально в двадцати шагах от кустов, где они находились. Понятно, почему Мышка не выдержала. Они, словно нарочно, все приближались и приближались к отмеченному месту, в двух шагах от него остановились отдохнуть — и после привала стали бы удаляться.

— Дура, — сказал Кайман уже беззлобно. — Трудно было сказать, что ли?

— Женщины... — протянул Можай.

Проводник вложил в одно слово столько сарказма, что Мышка покраснела.

Сталкер повернул Мышкин ПДА экраном к проводнику.

— Сделаем крюк? — предложил он.

— Да уж придется, — проворчал Можай. — Интересно увидеть место, куда Черному Сталкеру вход заказан. Я бы никогда не подумал, что в Зоне такое есть.

Они вернулись за рюкзаками, которые охранял терпеливый Симба, и снова направились в сторону искомой точки — на этот раз напрямик, не через кусты. Перевалили через взгорок и остановились в растерянности.

Перед ними было пустое, ровное место. Ничего там не было — то есть ничего приметного, что отличало бы этот клочок равнины от соседних. Кочки, жухлая трава, мелкие камушки. Совершенно однообразный пейзаж на нескольких десятках квадратных метров выглядел обычнее некуда.

Кайман присмотрелся, не дрожит ли воздух над землей, изобличая аномалию. Но нет, ничего подобного. И Симба был спокоен. Пес только недоумевал, чего люди остановились. Он почти по-человечески сморщил лоб и поднял к хозяину морду, стараясь заглянуть в глаза — в чем дело, мол?

Можай успокаивающе похлопал зверя по загривку.

— Ладно, — сказала Мышка. — Я пошла.

Сталкер рефлекторно дернулся ее остановить, но осекся. Опасности не было. Он не видел ничего угрожающего ни воочию, ни по приборам. Интуиция его тоже молчала. Потому он не задержал девушку, а с промедлением шагнул вслед за ней.

Мышка сделала шаг, другой, третий. После нескольких шагов следующий она совершила с легким усилием, словно проходила сквозь невидимую преграду. Кайман напрягся, но по-прежнему не чувствовал впереди опасности. Девушка повернулась к нему с изумлением на лице.

— Кайман! — позвала она. — Иди сюда! Тут... Я не знаю, что это! Но что-то тут есть.

Сталкер потянулся к ней, и вдруг ощутил, как что-то легкое, шелковистое щекочет ему пальцы. Шуршавчик, к которому он так привык, что перестал отмечать его присутствие, соскользнул с его руки и остался лежать на земле кучкой бурых водорослей. Кайман не успел удивиться его поведению. По инерции сталкер сделал последний шаг к Мышке, и словно прорвал лбом тонкую пленку, которая лопнула с легчайшим, едва слышимым звуком.

Мир изменился. Кайман не смог бы сразу сказать, что именно стало другим, но перемена была заметна. Воздух пах иначе. А еще...

— Небо, — прошептала Мышка и ткнула пальцем в зенит. — Смотри, Кайман, чистое небо, как в Лиманске.

Сталкер задрал голову. Зрелище было примечательным — словно они с девушкой стоят на дне прозрачного стакана, а верх его прорезал круглую дыру в облачной пелене над Зоной. Небо в этой дырке было пронзительно-синим, осенним, холодным и совершенно чистым. Никогда Кайман не видел над Зоной такого неба, без единого клочка туч. Понимание медленно прорастало в нем и вот-вот готово было облечься в слова.

— Ну, что там? — поинтересовался проводник.

Голос его звучал глуше, чем положено на таком расстоянии. Невидимая пленка отчасти гасила звук. Симба подошел совсем близко к преграде и с интересом обнюхивал шуршавчика. Тот, кажется, не возражал.

Отсюда, изнутри, Кайман теперь видел, что почва здесь имеет чуточку другой оттенок. И трава тоже.

— Нет, не как в Лиманске, — ответил девушке сталкер. — Как по ту сторону Периметра. Это не Зона, Мышонок. Не знаю, как такое возможно, но мы сейчас не в Зоне. Это пузырь обычного пространства.

— Да ну! — Мышка округлила глаза.

— Что вы там говорите? Не слышно! — рявкнул Можай.

Он двинулся вперед с явным намерением присоединиться к ним. Симба зарычал и заступил хозяину дорогу. Потом, опомнившись, отчаянно заскулил и лег на брюхо, но продолжал преграждать проводнику путь.

— Не понял? — озадачился Можай. — Симба! Ты чего?

Кайман засмотрелся, отвесив челюсть. Здоровенный чернобыльский псевдопес, ползающий на пузе, как нашкодивший щенок, — это была картина, плохо доступная уму любого сталкера. Опомнившись, Кайман окликнул проводника:

— Здесь не Зона! Ты понял? Пузырь площадью метров двадцать в диаметре, а сколько в высоту — не знаю, но небо над нами безоблачное. Не-Зона внутри Зоны, черт ее поймет, как назвать...

— Ага! — Можай остановился, и Симба перестал скулить. — Тогда понятно, почему Шухов туда попасть не может! За пределы Зоны ему хода нет. Эх, надо же...

— И мутанты сюда не хотят соваться, — подхватил Кайман. — Плохо им здесь. Вон, пес твой и сам сюда не идет, и тебя не пускает.

— Ну, если я ему скажу, Симба пойдет, — нахмурился Можай. — Хотя я его за Периметр не выводил никогда. Да и сейчас незачем. Говоришь, ничего там особенного нет?

— Все в точности такое, каким его из Зоны видно, — подала голос Мышка. — Только небо над нами синее. А больше никаких странностей.

— Тайник бы тут сделать, — проворчал Кайман. — Эх, богатая идея... Жалко, что вы двое это место тоже знаете.

Девушка засмеялась.

— Я вас сюда привела, между прочим!

Сталкер хотел было отпустить едкое замечание в ее адрес, но у него в кармане вдруг звякнул ПДА.

— Опаньки, — пробормотал Кайман, опасливо доставая коммуникатор.

ПДА принял новое сообщение. Сталкер прочел его несколько раз и только тогда оторвался от экрана.

— Мне пришел спам, — ошарашенно сообщил он. — Рекламный. Предлагают скачать новую мелодию звонка, за восемнадцать гривен. Ёшкин кот! На сталкерский ПДА. Новую мелодию звонка. Вы поняли?

— За гривны? Значит, вы сейчас на территории Украины, — рассудительно сказал Можай.

— Так мы все географически на территории Украины! — махнул рукой Кайман. — И это, политически тоже.

— А ты так уверен, что вокруг тебя кусок той самой территории, которая здесь была до Зоны? — прищурился проводник. — А не пробой куда-нибудь в Канаду, в Россию или Австралию?

Кайман прикусил язык.

— Ни в чем я не уверен, — буркнул он. — Зона есть Зона. Пойдем-ка отсюда, Мышонок. Ты у нас везучая, но лишний риск ни к чему.

Мышка вздохнула, однако подчинилась молча. Только глянула напоследок в чистое осеннее небо — и шагнула вслед за Кайманом сквозь прозрачную пленку. Как только они миновали преграду и оказались в Зоне, снова прозвучал негромкий сигнал ПДА. На этот раз мессага упала на Мышкин наладонник.

— Что такое? — встрепнулся сталкер.

Девушка глянула на экран.

— «Спасибо», — сказала она растерянно. — От Шухова.

— Просто «спасибо»? — прищурился Кайман. — А ну, дай посмотреть!

«Спасибо тебе, Линочка, — писал Черный Сталкер. — Теперь я все понял. Увидимся, когда придет время. До встречи».

Кайман молча сунул Мышке коммуникатор, наклонился подобрать шуршавчика и зашагал прочь.

24. Мышка, Болота

Хилый лесок все тянулся и тянулся, а потом вдруг неожиданно закончился, словно обрезанный ножом. Мышка сперва даже не поняла, почему Можай остановился. Шедший последним Кайман тоже не сразу сориентировался.

— Что такое?

— Болота.

Проводник повел рукой, очерчивая расстилавшийся перед ними пейзаж.

Если бы Мышка оказалась здесь одна, она бы решила, что впереди луг. Незнакомая ей трава с узкими желтоватыми листьями стояла сплошной стеной, взрослому человеку по пояс. Поверху во всю ширь развернулось небо, словно экран в кинотеатре, и ни одно деревце не маячило силуэтом на его фоне. На небе показывали подготовку к закату. Беспорядочно клубились лохматые тучи, и солнце просвечивало сквозь них бледно-желтым призраком.

Можай снял рюкзак, вынул из наружного кармана три тюбика, протянул два из них Мышке и Кайману.

— Репеллент. Намажьте как следует. Сейчас на закате комарье вылетит. И болотного гнуса здесь немерено.

Девушка торопливо схватила тюбик. Репеллент отвратительно вонял, но одного комариного укуса неделю назад ей хватило, чтобы теперь не обращать внимания на вонь.

— Я вообще-то рассчитывал, что мы раньше доберемся до места, — с досадой продолжал проводник. — Хотел в одном месте угол срезать, но не вышло. Не пустила Зона.

— И так быстро добрались, — уважительно сказал Кайман. — Я не надеялся, что сегодня успеем.

— Зона...

Можай закурил, задумчиво глядя на пятно солнца, прорывающееся из туч. Симба уселся у его ног и тоже поднял лобастую голову к небу.

— Если в километрах посчитать, от Кордона до Припяти можно за день пешком прогуляться. А на деле как получается?

— Как путь ляжет, — Кайман тоже потянул из пачки сигарету. — Можно и за месяц не дойти. Да чего уж там, можно и вообще не дойти, сдохнуть по дороге.

— Да нет, я не об этом, — досадливо отмахнулся проводник. — Умереть и в собственной ванне можно — наступил на обмылок, упал, звезданулся затылком, и привет. Я про то говорю, что в Зоне нельзя заранее просчитать, сколько времени уйдет на дорогу. Вот, скажем, вышли одновременно два сталкера...

— Из пункта А в пункт Б, — не удержалась Мышка.

— Угу, — кивнул Можай. — И пошли они разными дорогами. Один добирался день, другой неделю. Привычное в Зоне дело, верно?

— Ну так на то и проводники, — заметил сталкер. — Чтобы короткий путь выбрать.

Судя по тону, Кайман не понимал, куда клонит Можай. Проводник скептически хмыкнул.

— Да ладно, большей частью народишко сам себе маршрут выбирает. Проводников мало, сталкеров много. А я это к тому веду, что в Зоне не карта нужна, а чуйка. Момент надо ловить. И говорят еще, что Зона — она для каждого своя. Бывает, люди в одно и то же время по одним местам ходили, а друг друга не видели. Как такое может быть?

Мышке вдруг стало жутко. Болото, закат, хрипловатый бас проводника вогнали ее в какое-то гипнотическое оцепенение. Похоже, Кайман тоже испытал нечто подобное, потому что он вдруг вспылил:

— Да что ты нам зубы заговариваешь? Чего мы тут торчим вообще? Ждем, когда гнус вылетит?

Сталкер шагнул было вперед, но Можай крепко придержал его за плечо. Ростом проводник чуть уступал Кайману, но тяжелой мужской силы в нем чувствовалось больше.

— Погоди, — спокойно сказал он.

Заросли болотной травы вдруг заколыхались, как под ветром. Вот только воздух был неподвижным, ни дуновения ветерка. Трава раскачивалась все сильнее, жесткие листья и стебли с сухим шелестом терлись друг о друга. Волна катилась справа налево, словно

незримый ветер дул с севера. Невидимое нечто прошелестело мимо людей дальше на юг, и трава успокоилась. Громко чихнул Симба.

— Теперь можем идти дальше. Я ж говорю, момент надо ловить.

— Что это было? — пробормотала Мышка. — Оно не вернется?

— Не вернется, — успокоил ее проводник. — А что это, я не знаю. Местное явление. Названия не имеет.

— Опасное? — недоверчиво спросил Кайман.

— Я не проверял, — пожал плечами Можай. — Хочешь, догони его и проверь сам.

— Нет, спасибо, — буркнул сталкер.

Проводник молча забросил на плечо рюкзак и двинулся вперед. Мышка заторопилась за ним. Некоторое время она еще вздрагивала от шелестов и шорохов, но всякий раз это оказывался пес проводника, который по своему обыкновению бежал то слева, то справа от людей, забегал вперед и возвращался с неожиданной стороны. В конце концов девушка перестала тревожиться. Псевдопес надежно охранял отряд. Из всех переходов по Зоне путешествие в компании Можая и Симбы оказалось самым безопасным. Ей даже стрелять ни разу не пришлось.

Широкая полоса прибрежной травы закончилась. Под ногами захлюпала и зачавкала грязь. Болото было похоже на Затон — островки суши перемежались небольшими озерцами, и везде в изобилии рос высоченный камыш. Разница была в том, что на Затоне озерца имели глубину по щиколотку, максимум по колено — а здесь, как объяснил Можай, можно было уйти под воду с головой. Опытный человек, наверное, мог отличить глубокий бочаг от мелкой лужицы по оттенку воды или по чему-нибудь еще, но на Мышкин взгляд все они были одинаковы.

Сухих мест здесь не было. В лучшем случае попадались участки влажной почвы, но преимущественно приходилось вышагивать по скользкой грязище, которая облепляла ботинки, делая их неподъемными. Проводник вел их одному ему известным маршрутом, изредка сверяясь с наладонником. Петляя и кружа, они мучительно медленно продвигались на запад, вглубь болот.

Людей сопровождало облако гнуса и комаров. Репеллент отталкивал их, но насекомые не улетали далеко, а вились у каждого над загривком. Над Болотом стоял неумолчный комариный звон.

В очередной раз остановившись, чтобы перевести дух, Мышка обнаружила, что солнце село.

— Долго еще? — взмолилась она. — Мы что же, и ночью будем идти?

— Сейчас выйдем на островок побольше, отдохнем, — бросил ей проводник.

Мышка насупилась. Отдых — это прекрасно, но ответа на свой вопрос она не получила. Называется «шагай, дура, и не вякай». Та же манера поведения, которая так раздражала ее в Каймане. Черт бы побрал этих мужчин!

Островок оказался достаточно велик, чтобы посередине его было сухо. На нем даже росло несколько плакучих ив. На северной стороне островка угнездилась большая «электра». В сумерках была отлично видна лиловая полусфера, вспыхивающая изнутри молниями.

— Красиво... — выдохнула Мышка.

Она не могла оторвать замороженного взгляда от аномалии.

— Красиво, — согласился Можай. — И безопасно, не вляпаешься. А по соседству тут большой остров с «жарками», вот уж где я не советую по ночам разгуливать.

Кайман сбросил рюкзак, привалился спиной к дереву и со вздохом вытянул ноги.

— Устал, — признался он. — Сколько лет по Зоне хожу, на Болота не совался. И теперь вижу, что очень правильно делал. Грязь — не моя стихия.

Мышка молча последовала примеру сталкера. Только усевшись, девушка поняла, насколько устала. Ноги гудели, все тело ныло. Неужели еще придется идти? Она согласна ночевать здесь, лишь бы не двигаться с места.

Проводник не спешил усаживаться для отдыха. Свой рюкзак он, правда, тоже снял, но затем отошел на дальний конец острова, позвал к себе Симбу, присел перед ним на

корточки и стал что-то втолковывать псу. Мышка помотала головой — в синих сполохах «электры» ей показалось, что пес утвердительно кивнул в ответ на слова хозяина. Нет, это уж чересчур! Наверное, она засыпает от усталости, вот и мерещится всякое. Симба бесшумно нырнул в камыши, а проводник наконец присоединился к Кайману и Мышке и немедленно закурил.

— Подождем, — обронил он. — Ты вообще можешь поспать, Мышонок. Симба около часа будет бегать.

— Объяснишь, в чем дело? — вежливо спросил Кайман. — А то я как-то перестал понимать, что мы делаем.

— Объясню, — не стал отпираться Можай. — Что такое «прыгунок» знаешь? Или надо рассказывать?

— Знаю.

— Ну, тогда совсем просто.

«Прыгунок»? Начавшая было задремывать Мышка открыла глаза. А, ну да, это такой артефакт, как у дяди Миши. Тот, что позволяет перемещаться в пределах определенной территории. Хм, интересно...

Проводник затянулся сигаретой, выпустил большой клуб дыма. В этот миг «электра» полыхнула особенно сильным разрядом, осветив весь остров и подсветив дым. Мышка даже взбодрилась от восхищения.

— У меня есть «прыгунок», центр действия которого — дом Доктора на Болоте, — пояснил проводник. — Ну, точнее сказать, «прыгунок» принадлежит Доктору, но настроен он на меня. Отсюда, где мы сейчас находимся, я уже могу доставить вас с помощью «прыгунка» к Доктору. Так что идти нам больше не понадобится. Как только Симба принесет артефакт, мы прыгнем в нужную точку.

— А почему ты его не носишь с собой? — удивилась Мышка.

Уже задав вопрос, она вспомнила, что слышала на этот счет от Каймана и дяди Миши, но было поздно. Пришлось строить гримасу наивной девочки и выслушивать обстоятельное разъяснение Можая.

— «Прыгунок» нельзя выносить за пределы его радиуса действия. Сбивается настройка на хозяина — раз. И — два — артефакт вообще может испортиться. Ну, не совсем испортиться, а так, типа заглохнуть. Будешь потом попадать не куда хочешь, а куда попало, пока глюки не пройдут.

— А еще, — прищурился Кайман, — лучше, чтобы никто не знал, где он находится, верно?

— Верно, — согласился проводник. — Мало ли кто захочет попасть к Доктору без его ведома. Вот вы, например, при всем желании не сможете рассказать, где спрятан «прыгунок». Потому что не видели. А без «прыгунка»...

Он замолк и сделал затейливое движение пальцами, словно то ли откручивал что-то, то ли выворачивал наизнанку.

— Без «прыгунка» никак? — Мышка попыталась перевести его жест в слова.

— Не то чтобы никак, — усмехнулся Можай. — Но до такой степени непросто, что тех, кто к нему доберется своим ходом, Доктор непременно примет. Значит, им очень уж сильно надо. Это он сам так говорит.

— А...

Девушка не успела задать вопрос. Что-то упругое и тонкое протянулось из-за ее спины, скользнуло по шее, коснулось щеки и отпрянуло. Лиана? Щупальце? Мышка вскочила.

— Кто здесь?

Сильные руки дернули ее на себя. Прямо перед лицом девушки из ниоткуда, как морок из темноты, возникла страшная образина — вытянутая яйцеобразная голова, круглые глаза, две дырки на месте носа и щупальца вокруг темного провала рта. Щупалец было много — короткие отростки, длинные, огромные, — и они все шевелились. Мышка заорала не своим голосом и попыталась вырваться из страшной хватки. Ей не удалось. Длинные щупальца, словно живущие своей жизнью, потянулись к ней, нашарили шею. Противно заболела кожа,

как под банками-присосками, которые бабушка ставила ей в детстве от простуды. Кровосос вытягивал из Мышки кровь прямо через кожу, и это показалось ей невообразимо гадким, отвратительным.

Девушка забилась в лапах твари, попыталась закричать. Все плыло перед глазами, ее затошнило от слабости, и Мышка поняла, что теряет сознание.

Последняя картинка врезалась ей в память — внимательные, холодные, совершенно нечеловеческие глаза кровососа и щупальца, темные от крови. Ее крови.

25. Сталкер Кайман, Болота

Мышка подорвалась с места и что-то спросила — так тихо, что Кайман не расслышал слов. А в следующий миг девчонка уже орала, как будто ее режут. Вопль оборвался придушенным вскриком. Кайман стремительно вскочил с места, хватаясь за автомат. Проводник уже был на ногах. А Мышки — Мышки под ивой не было.

Что-то мелькнуло за деревьями, какие-то тени, пятна, рассыпающиеся, как узоры в калейдоскопе. Раздался тяжелый топот босых ног. Синие вспышки «электры» превращали происходящее в череду безумных стоп-кадров. Можай выхватил что-то из кармана, переломил пополам, бросил к ногам — и весь остров залил белый химический свет люминофора. Черные скрюченные тени ив словно расплескались по сторонам, устремились прочь, на болото.

Там, в чересполосице черного и белого, что-то происходило. Борьба, суматоха. Раздался громкий чмокающий звук, будто вскрыли вакуумную упаковку. — Кровосос!

Кайман даже не понял, это он сам кричит, или Можай, или они оба. Сталкер и проводник бросились туда, где болотная тварь терзала жертву. Считанные секунды с момента нападения показали Кайману минутами — хлынувший в кровь адреналин растянул время, изменил восприятие.

Кровосос проявился полностью. Он обхватил девушку, не давая бесчувственному телу упасть, и склонился к ней мордой в чудовищной имитации поцелуя. Щупальца твари облепили лицо и шею Мышки, они напрягались и опадали — мутант сосал кровь.

Сталкер вскинул автомат, выцеливая плечо или бок болотной твари, чтобы не задеть девушку. Кровосос почуял опасность, оторвался от жертвы, выпустил ее из лап и взревел. Тело Мышки тряпичной куклой осело на землю. Какую-то мизерную долю секунды, прежде чем палец Каймана вдавил спуск, кровосос стоял, выпрямившись во весь рост и расправив щупальца, которые блестели от свежей крови, как лакированные. В следующий миг тварь прыгнула вбок и исчезла. Автоматная очередь простегала пустоту.

Кайман метнулся к девушке, нагнулся над распростертым телом. Мышка дышала, но слабо. На шее и щеках проступали, темнея на глазах, полосы синяков — следы от щупалец кровососа.

— Она жива! Прикрой меня! — крикнул сталкер проводнику и полез одной рукой за пазуху, не выпуская оружия.

И правильно сделал, потому что достать аптечку ему не дали. Голодный кровосос, обезумевший от крови и близости жертвы, не думал об осторожности. Мутант вынырнул из невидимости нос к носу с Кайманом, зарычал и с чудовищной быстротой схватил сталкера за горло могучей когтистой лапой. Задыхаясь, Кайман развернул неподъемный «эф-эн» монстру в живот, немеющим пальцем нажал на спусковой крючок и стрелял, пока не кончился магазин. Очередь из автомата в упор превратила болотную тварь в кровавый компот со свинцовыми косточками.

Кровосос был еще жив. Он выпустил сталкера, он даже отпрыгнул на два метра в сторону и попытался стать невидимым, но тут его нечеловеческие силы иссякли. Мутант упал и скорчился. Из разодранного в клочья живота стремительно вытекала кровь и растекалась ручейками, не успевая впитаться в почву.

Кайман быстро перезарядил автомат, поглядывая в сторону поверженного врага. Но болотная тварь издыхала. Жуткие когти заскребли землю. Холодные глаза без всякого

выражения, глаза марсианина или осьминога, остановились на человеке и медленно подернулись пленкой.

Сталкер достал наконец аптечку, выхватил шприц со стимулятором, сделал Мышке укол. У него самого сильно болело помятое кровососом горло. Кайман пощупал кадык, сглотнул и решил, что ничего страшного, пройдет.

В двух шагах от него загрохотал автомат Можая.

Кайман резко развернулся. Еще один кровосос рвался к нему, раскинув жуткие лапы — тварь жаждала заключить человека в смертельные объятия. Сталкер встретил болотного мутанта огнем. Под очередями из двух автоматов кровосос задержался и рухнул. Не дожидаясь, чтобы монстр явил чудеса живучести, Кайман сделал шаг к нему и выпустил короткую очередь в провал рта, между щупалец, а потом провел стволом снизу вверх — и уродливый череп твари разлетелся на куски.

— О, смотри-ка! — раздался удивленный голос Можая. — Никогда их не видел.

Сталкер подхватил бесчувственную Мышку, взвалил тело на плечо, подошел к проводнику. Что-то копошилось на земле перед ним, и Кайман не сразу понял, что. А когда понял, ему перехватило горло от отвращения. Два детеныша кровососов, смутно похожие на человеческих младенцев, и оттого еще более отвратительные, вертели по сторонам жуткими головенками, шевелили щупальцами и попискивали.

Кайман уложил девушку под ивой, подsunул ей под голову рюкзак. Вернулся к проводнику, на ходу перезаряжая автомат.

— Ты что? Нет! Не трожь!

Можай не успел его остановить. Он слишком поздно понял намерение сталкера. Две очереди крест-накрест перечеркнули беззащитные тела детенышей.

Проводник налетел на Каймана, сбил его с ног. Оба растянулись на земле, но тотчас вскочили. Мужчины замерли напротив друг друга в настороженных позах, каждый мерял противника взглядом.

Первым расслабился Можай. Он выпрямился, отвел хмурый взгляд от Каймана, повернулся взглянуть на расстрелянных кровососиков и досадливо махнул рукой.

— Ну что ты будешь делать! Вот черт... Зачем ты их? Чем помешали?

— Ненавижу тварей, — глухо сказал Кайман. — Мерзость и мерзость. Хуже бюреров, хуже химер, хуже контролеров. Паскудная дрянь. Сколько наших от них полегло! Мышка вон чуть не погибла...

— А ты бы получше приглядывал за девчонкой! — зло бросил Можай. — По сторонам бы смотрел, герой!

Кайман задохнулся от возмущения.

— А ты?! Ты сам! Куда ты-то глядел? Ты нас сюда завел, и еще предъявы кидаешь?

— Ладно, — смущенно кашлянул Можай. — Признаю, облажался. Оба мы с тобой не доглядели.

— Да уж, не доглядели, — проворчал Кайман. — Расслабились, привыкли на твоего пса полагаться... Кстати, где он лазит? Стимулятор я вколол, но Мышку надо побыстрее к Доктору.

— Симба не задержится, — уверенно сказал Можай. — Просто времени еще мало прошло. Сколько, думаешь, схватка с кровососами заняла? Да минут восемь. Ну, десять, от силы. А вот с Доктором теперь будут проблемы...

— Что такое? — напрягся Кайман.

Он услышал в голосе проводника нотку сожаления, даже сочувствия, и она встревожила его своей неуместностью.

— Из-за них, — Можай кивнул на два трупики. — Мне-то пофиг, если честно. Я этих тварей сам не люблю. А для Доктора, сам знаешь, мутанты не хуже людей. Ты, мужик, только что детишек пристрелил. Думаешь, он с тобой захочет разговаривать?

Кайман выругался.

— Твари — они и есть твари, — процедил он. — Детишки, да? А вырастают из них убийцы!

— С людьми это тоже случается, — философски вздохнул Можай. — Так что теперь, перестрелять всех младенцев, чтоб уж наверняка убийцами не стали?

— Плохое сравнение, — зло сказал сталкер. — Человеческий ребенок может вырасти убийцей, но больше шансов за то, что он станет нормальным человеком. А детеныш кровососа гарантированно станет кровососом.

— Это ты с человеческой точки зрения судишь.

Проводник сделал три усталых шага, присел под деревьями, рядом с неподвижной Мышкой. Закурил.

— Ну да. А с какой мне еще судить?

— Убийца — это тот, кто убивает других людей, верно? Человек, убивающий кровососов, не убийца, а охотник...

Кайман кивнул.

— Значит, кровосос, который убивает людей, тоже не убийца, а охотник, — продолжил Можай. — А свою породу они не убивают. Только людей. Ну, и еще безмозглую псевдоплоть считают добычей.

— Это тебе Доктор рассказал? — без интереса спросил Кайман.

Он вдруг почувствовал равнодушие и опустошение. Адреналин перегорел. Хотелось лечь, не шевелиться, ничего не чувствовать и не знать. Не быть.

— Доктор, — кивнул Можай. — Дать тебе сигарету?

— Дай. У меня кончились.

Сталкер расслабленно опустил на землю, вытащил сигарету из протянутой пачки. Затянулся ароматным табаком. У проводника были хорошие сигареты, настоящие, недавно из-за Периметра.

Догорел люминофор, и вокруг людей сомкнулась тьма. Лиловые сполохи «электры» теперь только подчеркивали черноту ночи.

— А зачем говорить Доктору про этих? — Кайман мотнул подбородком в сторону невидимых в темноте мертвых детенышей. — Мы не скажем, он и переживать не будет. А?

— Нет, — покачал головой Можай. — Ему и без нас расскажут. Не сейчас, конечно. Потом. Он всех мутантов лечит, понимаешь ты это или нет? Кровососов тоже лечит. Обездвиживает уколом, чтобы красавчик на него не бросился, а то у них рефлекс сильнее рассудка, — и лечит. Короче, он все равно узнает, и получится так, вроде я ему соврал. Тебе, может, и все равно, а вот я Доктору врать не стану.

— М-да, дела-а... — Кайман вдруг встрепенулся. — Что такое? Ты слышишь?

Жалобное поскуливание было настолько тихим, что едва можно было его разобрать. Звук доносился оттуда, где две очереди из «эф-эна» не должны были оставить ничего живого.

— Держи фонарик. Иди сам смотреть. Я не хочу.

Что-то твердое ткнулось Кайману в руку. Сталкер щелкнул рычажком, направил луч фонарика на расстрелянных детенышей.

Из-под тел двух убитых кровососиков выбрался третий, весь в крови, но живой.

— Ах ты ж, плешь тебя побери! — удивился Кайман.

— О как! — Можай удивился тоже. — Ну, живучие твари, почище кошек. Ты как, мужик, остыл уже? Этого добивать не бросишься?

— Не брошусь, — мрачно сказал Кайман. — Что, к Доктору понесем гаденыша?

Проводник уже вытаскивал из рюкзака запасной свитер.

— Давай-ка завернем его, — скомандовал он. — А ну, помоги. Вот так... Ах ты, зараза!

Можай быстро отдернул руку, к запястью которой маленький кровосос потянулся щупальцами. Кайман хрипло захохотал.

— Кровососу — кровососово, — сказал он, отсмеявшись. — Сунь его в рюкзак, что ли? Я даже согласен нести эту пакость. Но ты уж скажи Доктору, что я того... не в себе был, вот и пострелял мелких тварей сгоряча. Ладно?

— Скажу, — пообещал проводник. — Но ты особо на его симпатию не надейся.

— Переживу как-нибудь, — буркнул сталкер. — Лишь бы он Мышке помог.

Сгорбившись, он снова уселся рядом с девушкой, направил луч фонарика так, чтобы на ее лицо падал рассеянный свет. Полосы синяков от щупалец смотрелись черными на безжизненно бледной коже. Мышка дышала, но это было единственным видимым признаком жизни. Кайман взял ее за запястье, но не сумел найти пульс, тот был слишком слаб. Сталкер помрачнел еще больше.

— Да где ж твоя собака, а?

Симба вырвался из зарослей камыша. Пес шумно и тяжело дышал после бега. Он целеустремленно кинулся сначала к хозяину, затем сунулся обнюхать Мышкино лицо и руки Каймана, а потом закружил по острову — обнюхал каждого мертвого кровососа в отдельности, шумно фыркнул на детеныша в рюкзаке, сделал несколько петель вокруг деревьев, снова вернулся к Можая и заглянул хозяину в глаза. Казалось, свирепая собачья морда выражает недоумение и укоризну — ну и чем вы тут без меня занимались? Для чего безобразие устроили? Ох уж эти люди, нельзя их оставить без присмотра даже ненадолго...

Кайман не успел рассмотреть «прыгунок», который Можай забрал у Симбы. Впрочем, кажется, небольшой артефакт был зашит в ткань или кожу. Проводник подхватил на руки Мышку, велел Симбе:

— Охраняй!

Можай не сделал с места ни шагу, в отличие от дяди Миши. Он просто исчез. Кайман терпеливо ждал — минуту, другую. Завозился в рюкзаке, захныкал детеныш кровососа. Псевдопес посмотрел в его сторону, но не двинулся с места.

Проводник появился минут через пятнадцать, отирая пот со лба.

— Пошли, — буркнул он. — Сам будешь с ним разбираться. Фонарик давай сюда.

Сталкер повесил автомат на плечо и подхватил в каждую руку по рюкзаку, свой и проводника.

— А что Мышка?

— Уже в операционной. Не дергайся, все нормально. Кровь ей перелить надо.

Можай крепко взял Каймана за локоть.

— Симба, ждатель! — обернулся он.

Мир сложился в плоскость и снова развернулся в три измерения.

Луч фонарика в руке Можая выхватил из темноты одноэтажный дом деревенского типа — большой, с крыльцом и пристройками. Проводник сразу выключил фонарик, но угловатые очертания дома по-прежнему угадывались в окружающей полутьме. В доме светилось единственное окно, и луч света из него падал на врытую под окном скамеечку.

На скамеечке сидел зомби. Он пошевелился и скрипуче произнес:

— Добрый вечер.

То, что сказал вслух Кайман, вряд ли можно было посчитать приветствием.

— Это любимый зомби Доктора, — сообщил проводник. — Разговаривает. Ест. Водит машину. Доктор зовет его Бенито.

— Чистое везение, что у меня руки заняты, — пробормотал сталкер. — На автомате бы стрельнул.

— Это не везение, а моя предусмотрительность, — хмыкнул Можай. — Ну, поздоровайся, что ли. Я с ним уже сегодня виделся.

— Здравствуй, Бенито, — обреченно сказал Кайман.

Хлопнула дверь. На темном фоне дома прорезался освещенный прямоугольник. С крыльца стремительно сбежал невысокий, худой человек с седыми волосами и короткой бородкой.

— Где?! — яростно глянул он на Каймана.

Сталкер молча протянул Доктору рюкзак, в котором возился и похныкивал маленький кровосос. Доктор схватил рюкзак в охапку, полоснул сталкера еще одним острым взглядом и взбежал по ступенькам обратно. На пороге он словно что-то вспомнил, резко обернулся.

— Заходи! — приглашение адресовалось Можая. Доктор выпростал одну руку, устремил на Каймана указательный палец: — А ты пока в дом не суйся! Посиди снаружи, подумай! С-сталкер... Чего ж вы все дураки-то такие, а?

— Док... — примирительно начал Можай.

Доктор топнул ногой. Ему было лет пятьдесят, не меньше. Он был безоружен. Он явно намного уступал сталкеру в физической силе. Его гнев мог бы быть смешон, но почему-то Кайману было не до смеха.

— Дураки! — повторил он. — А, ч-черт, некогда мне тут с вами! Потом, все потом.

Дверь за ним закрылась.

— Уже неплохо. — Проводник хлопнул сталкера по плечу. — Присаживайся на скамеечку, а я пока за Симбой смотаюсь.

Порыв воздуха от его исчезновения хлестнул Каймана по лицу, как пощечина. Сталкер осторожно приблизился к скамейке. Присел на краешек, как можно дальше от зомби, и все равно оказался с ним бок о бок. Вопреки его ожиданию, от мертвеца не воняло разложившейся плотью. Запах был, но слабый и какой-то странный, неочевидный, не имеющий отношения к человеческому телу, живому или мертвому. Древесная смола? Воск? Канифоль?

— Ты не понравился Доктору, — скрипуче произнес Бенито. — Он тебя не пригласил в дом.

— Да, — вздохнул Кайман. — Но он меня и не прогнал. Верно?

Зомби подумал.

— Верно. Не прогнал.

Сталкер прислонился затылком к стене дома и закрыл глаза.

26. Мышка, дом Доктора на Болоте

За стенкой звучали голоса. Девушка села на кровати, спустила ноги на пол. Ноги были босые, пол гладкий и холодный, кровать жесткая и узкая — вовсе даже не кровать, а медицинская кушетка. И запах здесь был медицинский, характерно резкий, безошибочно наводящий на мысль об уколах, лекарствах и прочих неприятных вещах...

А кстати, «здесь» — это где? И как она сюда попала?

Последнее, что Мышке помнилось, больше походило на горячный бред, чем на явь, — жуткая морда кровососа, окровавленные щупальца и взгляд, изучающий ее с холодным любопытством. Мышку передернуло. Кошмар — да, но никак не сон. Она потянулась к горлу, ткнулась кончиками пальцев в жирную мазь. Картина понемногу вырисовывалась. Она жива, кровосос ее не прикончил. Ее подлечили. Кто? Надо полагать, Доктор. И «здесь» — это дом Доктора на Болоте.

Голоса зазвучали громче. За стенкой о чем-то спорили. Интересно, сколько времени она проспала? Или, точнее, провалялась в отключке? Наверное, не так уж много, раз все еще темно. Между прочим, где тут включается свет?

Желтая полоска пробивалась из-под двери, позволяя различить смутные контуры предметов, но не более того.

Мышка поднялась на ноги, не удержалась и шлепнулась обратно на кушетку. Здравствуй! Мы так не договаривались. Она снова встала, на сей раз придерживаясь за соседний шкаф.

Пол охлаждал ноги. Девушка медленно пересекла комнату, приоткрыла дверь. За дверью обнаружился крошечный коридорчик, совершенно пустой. С потолка бесприютно свисала на проводе голая электрическая лампочка. На свету Мышка обнаружила, что одета в больничного вида пижаму, предсказуемо не подходящую ей по размеру. Штанины и рукава были небрежно подкатаны.

Ладно, пижама так пижама. Искать сейчас другую одежду бессмысленно. Вот в зеркало бы глянуть — это да. Стоя в проеме распахнутой в коридорчик двери, Мышка обвела взглядом комнату. Кушетка, стол, шкаф, рукомойник. Какие-то неопознаваемые предметы под чехлами в углу — медицинская аппаратура, наверное. Дальнюю часть помещения отгораживала ширма. Зеркало могло бы располагаться над рукомойником, но фиг вам, пустая стенка. Ну и черт с ним. Все равно ей вряд ли понравится то, что она там увидит.

Из коридорчика другая дверь вывела девушку в коридор побольше. Она свернула налево — голоса стали громче, затем еще раз налево — и оказалась на пороге довольно большого, ярко освещенного помещения. Это явно была столовая, она же гостиная.

За длинным обеденным столом сидели Кайман, Можай и незнакомый Мышке пожилой мужчина, шуплый и невысокий — понятное дело, по сравнению со сталкером и проводником, а не с ней самой. Седые волосы были стянуты на затылке в куцый хвост. Надо полагать, это был Доктор. Он обернулся на появление девушки, и Мышка поразилась — у Доктора были совершенно прозрачные голубые глаза, какие бывают у очень маленьких котят или фанатичных проповедников. Облик легендарного врачевателя довершали широкий лоб с залысинами, усы и короткая седая борода. Он смотрелся ровесником Мышкиной бабушки, то есть ближе к шестидесяти, но сколько лет ему было на самом деле? По отношению к легендам это обычно вопрос бессмысленный.

— Так-так, позвольте ваш пульс, барышня... Вполне, вполне. Прошу к столу. Украсьте собой наше скучное мужское общество...

Доктор ухватил Мышку за руку жесткими сильными пальцами, подвел к длинной скамейке и усадил рядом с собой.

— Чаю?

Девушка молча кивнула, затем спохватилась:

— Спасибо! То есть, спасибо, что вы мне помогли. И да, спасибо, я выпью чаю.

Доктор отлучился в кухню, вернулся с чайником и чашкой — как видно, снятой с дальней полочки специально для госты. Чашка была маленькая, зато на ней красовалась огромная роза, ужасная, как кочан капусты, страдающий краснухой. Доктор придвинул поближе к Мышке пластиковую тарелку с раскрошившимся печеньем и самыми разными конфетами, в бумажках и без.

— Белый чай? — с надеждой спросил он. — Или... какой вы предпочитаете?

— Мне все равно, — безжалостно разрушила Мышка его иллюзии. — Я в чае не разбираюсь.

— Тогда белый, — решил Доктор. — Только самые кончики молодых чайных листьев, собранные на рассвете, прежде чем выпадет роса... Вы оцените. У женщин тоньше вкус.

Бледная жидкость, оказавшаяся в результате у девушки в чашке, пахла несвежим сеном и выглядела точь-в-точь, как обычный пакетик, залитый кипятком в третий раз. Мышка вздохнула и потянулась за сладостями. Судя по всему, женщины в доме Доктора появлялись редко, а то и никогда, и он отвык с ними обращаться — но явно хотел сделать Мышке приятное. Ничего, шоколадные конфеты могут примирить с любым чаем.

Вполоборота к девушке сидел еще один незнакомый ей мужчина, какой-то весь скукоженный и перекошенный — наверное, очень больной пациент. Мышка не стала к нему присматриваться, чтобы не смущать страдальца.

Кайман кивнул девушке через стол и подлил себе в чайную чашку коньяка из стоящей перед ним бутылки. Похоже, сталкер имел свой метод улучшения чая. Вид у Каймана был усталый и непривычно взъерошенный.

— Ну что, Док, — хрипло сказал он, — ты обещал рассказать про пацана, когда Мышка очнется? Вот, она очнулась. Рассказывай.

— А... да, конечно.

Доктор повернулся к Мышке всем корпусом. Крупные морщины на его лбу сошлись к переносице — Доктор вспоминал.

Девушка нахмурилась. Оказывается, Кайман успел уже поговорить с Доктором о ее брате, рассказать их историю, задать вопросы. А она, о чем она думала с момента пробуждения? Пижама, зеркало, чай, конфеты... Как маленький ребенок, только о тех предметах, которые непосредственно попадались ей на глаза. Словно она еще не вполне очнулась от сна, причем не вполне естественного, под действием лекарств. Ну конечно же! Какой-нибудь укол, очередное противоядие, оттого и мозги до сих пор как в тумане. Она сильно ущипнула себя за ладонь — очнись, Мышонок! Слушай внимательно! Возможно, ты сейчас узнаешь то, за чем пришла в Зону.

— Он жил у меня несколько месяцев, — сказал Доктор. — Может, полгода. Я никогда не отмечаю даты. Возраст... тут я тоже не силен. Сам он сказал, что ему двенадцать, хотя выглядел младше.

— Он... — перебила Мышка. У нее вдруг сильно заколотилось сердце. — Как его звали?

— Э-э-э... — Доктор смущенно почесал кончик носа. — Мы с ним играли в персонажей из книг. Я звал его Робин Гуд, потом осталось просто Робин. Хотя нет, сперва я назвал его Робинзоном. Из Робинзона тоже, знаете ли, Робин получается.

— Он жил у вас полгода, и вы так и не узнали его настоящего имени? — возмутилась девушка. — Но что он рассказывал о себе? Откуда он пришел и, главное, куда потом делся?

— Видите ли, милая барышня...

— Пацан влез ему на голову и делал все что хотел, — вмешался Кайман. — Наш добрый Доктор абсолютно не умеет обращаться с детьми. Во всяком случае, с человеческими детьми. Вот с малолетними кровососами...

Он внезапно замолк и сморщился. Судя по выражениям лиц, Можай под столом чувствительно наступил сталкеру на ногу.

— Я что-то пропустила? — не поняла Мышка.

— Да, между прочим! — Доктор поднялся с места. — Пора мне проведать малыша.

Он сердито сверкнул глазами на Каймана:

— А ты, парень, сам хоть что-то умеешь в этой жизни? Кроме как стрелять? И хамить старшим?

— Извиняюсь, — проворчал Кайман.

Доктор буркнул что-то невнятное и оставил гостей.

— Вы тут что, переругались все? — поинтересовалась Мышка. — Пока я спала.

— Не все, — скрипуче сказал незнакомый мужчина.

Он сидел так неподвижно и до такой степени не участвовал в разговоре, что девушка о нем забыла. Теперь она наконец взглянула на незнакомца повнимательнее. Ох ни фига ж себе! Глаза у человека были стеклянные, нос съехал набок, одно ухо почти оторвалось, и вообще это был не человек, а зомби. С хорошим таким, выразительным трупным цветом лица. Только он почему-то сидел за столом вместе с людьми и разговаривал.

Мышка тоже сказала то, что думала. Громко и по-русски.

Кайман нервно хихикнул.

— Хорошо, что Доктор ушел, — заметил он. — Я отреагировал примерно так же. Это Бенито, он — зомби. Доктор с ним дружит.

Ох... Девушка прикрыла глаза. Безумное чаепитие, как у Кэррола. Очередная сказочка, которых так не любит Кайман. Она посмотрела на сталкера.

— Кайман! Расскажи мне все по порядку, быстро и толково.

Рассказ сталкера вышел коротким, но содержательным. Когда вернулся хозяин дома, погруженный в свои мысли, Мышка все еще ошарашенно качала головой. Да уж, не скучным выдался поход на Болота.

— А где Симба?

Доктор принял ее вопрос на свой счет.

— Да где-то с моей Киарой бегают, — махнул он рукой. — Давно не виделись, рады друг другу, как щенки малые.

— Симба с Киарой — брат и сестра, — пояснил Можай. — И больше из помета никто не выжил. Только сука Доктора и мой кобель. Они не обычные чернобыльские псевдопсы, а уникальная помесь, на четверть бордосские доги.

— А...

У Мышки опять закружилась голова от избытка информации. Так, лучше не отвлекаться на посторонние моменты. Похоже, тут у всех крыша малость набекрень, что неудивительно. Значит, нить беседы должна держать она.

— Давайте вернемся к Робину, Док, — попросила девушка. — Как он к вам попал?

— Я встретил его на Болоте. Мальчик был измучен и несчастен. За ним гналась химера. Правда, я сам не видел ее, но не имею причин сомневаться в его словах.

— Химера? — вскинулся Кайман.

— Сейчас. — Доктор поднял обе руки успокаивающим жестом. — Сейчас я налью себе еще чаю и расскажу все, что помню. А потом вы сможете задать мне вопросы. Может быть, я странный человек, милая барышня, иногда я даже начинаю сомневаться, а человек ли я по-прежнему или уже не вполне... Я все чаще ловлю себя на том, что абсолютно не понимаю людей, зато прекрасно понимаю тварей Зоны... Но я помогаю тем, кто нуждается в помощи, и не спрашиваю подробностей. Мальчику нужна была помощь.

— Ему нужен был врач? — насторожилась Мышка.

— Ему нужен был друг, — серьезно ответил Доктор.

27. Сталкер Кайман, дом Доктора на Болоте

Кайман смотрел на Мышку и боролся с дурацким, неуместным, совершенно несвойственным ему чувством. Ему хотелось взять девчонку в охапку, завернуть в одеяло, унести и спрятать. Где-нибудь там, где ее не тронут кровососы, зомби и вообще никто не тронет. Подальше от Зоны и ее тварей. А заодно подальше от человечества, среди которого тоже тварей хватает — двуногих, с оружием. Вот только где взять такой бункер? Не бывает в этом мире по-настоящему безопасных мест.

Это чувство вины, решил Кайман. Потому что он недоглядел, и значит, это из-за него на Мышку напал кровосос. Девчонка выглядела как привидение — бледное лицо, впалые щеки, синяки под глазами, черные пятна засосов на щеках, на шее, вокруг ключиц. Раньше она была просто худенькой, а теперь казалась истощенной. Глаза у нее, правда, блестели, но тоже каким-то нездоровым блеском. Обычно шустрая, сейчас Мышка двигалась еле-еле и временами замирала на середине движения.

Ёшкин кот! Все-таки женщинам в Зоне не место. Будь эта белобрысая паршивка его женщиной, он бы...

Стоп. Остынь, крокодилище. Веди себя хладнокровно, как надлежит рептилии.

Кайман сделал глубокий вдох, затем глубокий выдох, вылил остатки коньяка из бутылки в очередной раз опустевшую чайную чашку, глотнул. Тьфу, гадость маслянистая! Сивухой шибает. Никогда он не понимал коньяк, лучше бы чистой водки.

Так что ты сейчас сказал, зубастый? Насчет твоей женщины? Ты что, запал на эту белую мышь, на этого тощенького мышонка, на глупую девчонку? С которой переспать раз-другой — и выбросить из головы? Или нет, еще хуже. Неужели ты влюбился, старый крокодил? Ты ведь поклялся себе настоящей клятвой, что больше никогда не поддашься такой глупости. Женщину можно пустить в постель, но никогда — в душу. Иначе будет больно, очень больно, когда она предаст.

А женщина непременно предаст, так уж они устроены. Это биология. Самка всегда готова переметнуться к альфа-самцу, чтобы потомство было удачным. Но пойдешь разберись в нашем дурацком обществе, кто из самцов альфа! А если никто из доступных поблизости? Вот и мечутся бедные самочки в поисках того, кто хоть чуток поальфее...

Сталкер поймал на себе взгляд Мышки и сбился с мысли. Эх, плешь побери, он уже почти выстроил линию обороны, он отодвинулся от живой девушки на расстояние теоретических абстракций — и весь его скепсис полетел к чертовой матери, потому что опять захотелось прижать Мышку к себе и не отпускать.

Особенно когда она смотрит вот так, будто цапнуть хочет. Ну какие там у мышонка зубы? Зато характер есть.

— Кайман! Ты слушаешь вообще? Не засыпай!

Ишь ты, командует. А не пошла бы она подальше? Или нет, не так. Не надо подальше. Прижать девчонку к себе поближе, но только рот ей надежно заткнуть.

— Слушаю я, слушаю, — буркнул сталкер.

Вкратце история Робина, которого на самом деле звали не Робин, сводилась к следующему.

Однажды Доктор в сопровождении любимой собаки Киары вышел прогуляться по Болотам. Было это летом, а вот какого года — неизвестно. Может, четыре года назад, а может, и все шесть. Восемь? Ну, это вряд ли. Хотя... может, и восемь. Память — странная штука, и чем дольше живешь, тем больше странностей за ней замечаешь. То, что в тот день цвели кувшинки, Доктор запомнил. А какой был год — забыл. Два года тому? Нет, не два, это точно. Потому что в тот день он прогуливался с тростью, хорошая была трость, удобная, прямо жалко было, когда в позапрошлом году ее перекусили пополам. Водится тут на Болотах один такой... впрочем, это к делу не относится.

Ну вот, значит, цвели летние кувшинки, желтые и лиловые, Киара гонялась за бабочками и полтергейстами, настроение у Доктора было отличное, и, занятый своими мыслями, он дошагал практически до края Болот. До северного края, а если еще точнее, до северо-западного. Там есть одно малопроезжое местечко, заросшее занятыми деревьями, которые Доктор для себя называл мангровыми березами. Именно там, когда Доктор присел отдохнуть на перекрученный березовый ствол, сверху с ним заговорил голос. Голос сказал: «Не смотри вверх, пожалуйста! А то она меня выследит и найдет».

Доктор удивился, потому что не думал здесь встретить никого говорящего на человеческом языке. Доктор не внял просьбе и посмотрел вверх. Доктор обнаружил в кроне мангровой березы тощенького белобрысого мальчишку в очень грязной одежде, который ответил ему возмущенным взглядом и прошипел: «Я же просил не смотреть!».

«Извини, — сказал Доктор. — А „она“ — это кто?»

Мальчишка слез вниз и устроился напротив Доктора на таком же березовом стволе, закрученном узлами, как удав, пытающийся почесать себе спинку.

«Она — это химера, — мрачно сказал мальчишка. — Только ничего больше не спрашивай».

И он растер грязь под глазами грязным же кулаком.

На взгляд Доктора, мальчишке было лет десять. Он явно был на грани срыва, но держался. Физически ребенок выглядел здоровым, у него лишь была ободрана щека и подбородок — очень сильно, до крови. Некоторое время они сидели молча, поглядывая друг на друга. Когда молчать дальше стало невозможно, прибежала Киара. Доктор только было приготовился хватать и успокаивать мальчишку, и объяснять, что этот с виду свирепый зверь не ест маленьких детей, как пацан сам полез обниматься с чернобыльской сукой. Киара деловито облизала ему ободранную щеку, слизнула слезы с другой щеки и посмотрела на хозяина вопросительно.

«Я Доктор, — наконец сказал Доктор. — У меня здесь дом, на Болоте. Пойдешь ко мне в гости, Робинзон?»

Робин пошел с ним и Киарой в дом на Болоте, и прожил у Доктора несколько месяцев. Он горевал, он плакал по ночам, а Доктор его ни о чем не расспрашивал, чтобы не бередить боль. Очень не сразу мальчишка сам рассказал, какая трагедия привела его в тот день на окраину болот. Робин жил с родными в затерянной деревне, и жили они на удивление спокойно, даже безопасно, потому что опасные твари там не появлялись. Поэтому сельчане и оказались беззащитны перед химерой. Тварь залезла в дом к семье Робина, убила родителей и погналась за мальчишкой. Он убежал. Подробности Доктор опять-таки не стал выпытывать...

— Ну дела! — Кайман хлопнул себя по бокам. — Док! Мышонок! Так я же знаю этого вашего Робина!

Сталкер увидел, как широко распахнулись глаза Мышки, и поспешил поправиться:

— То есть не сам лично знаю. Мне про него рассказывали. Знаешь, кто? Везунчик! Получается, они с Робинсом из одной деревни.

— Везунчик? — Доктор нахмурился. — Я как-то оперировал одного сталкера с таким прозвищем. Пришлось ему отрезать два пальца на правой руке — схватился за «адский репейник». Действительно везучий был парень, мог бы и вовсе без руки остаться... Это он?

— Нет, — махнул рукой Кайман, — кто-то другой. Я про своего напарника говорю. Не сбивайте меня, а то запутаемся.

— Давай тогда по порядку, — велела Мышка. — Что именно он тебе рассказывал?

— По порядку... — Кайман поскреб щетину на подбородке. — Значит, так. Как-то к слову Везунчик вспоминал своего друга, который жил у Доктора на Болоте.

— И дальше что? — жадно спросила Мышка.

— Да и все, — развел руками Кайман. — То есть, может, он и говорил что-то еще про того пацана, но я не запомнил. Откуда я знал, что это важно?

— А почему ты решил, что они из одной деревни? — не отставала Мышка.

— Так химера же! — Кайман увидел непонимание в устремленных на него взглядах и поспешил пояснить. — У Везунчика тоже родители погибли, когда химера на деревню напала. Он потом из дома ушел. Что-то мне не верится, чтоб это были две разные деревни и два разных нападения химер. Думаю, семьи Робина и Везунчика пострадали одновременно. Да, кстати! Про Везунчика я точно знаю, когда он покинул деревню — в шестнадцать лет, четыре года назад. Значит, и Робин жил у Доктора четыре года назад. Что скажешь, Док?

— Четыре года... — Доктор поднял прозрачно-голубые глаза к потолку. — Ну, может быть, и четыре... А о чем это говорит?

— Это Матвейка! — с тихим торжеством в голосе объявила Мышка. — Это он. Точно! Док, вы сказали, Робин показался вам десятилетним? Так ему и в самом деле было десять! Он просто прибавил себе два года, чтоб вы к нему относились серьезнее.

— Гм...

— И внешность! — добавила аргумент Мышка. — Светлые волосы, небольшой рост... Посмотрите на меня внимательно, Док! Скажите, мы с Робинем похожи?

Доктор честно воззрился на девушку.

— Ну... да, может быть, — признал он. — Хотя я не очень хорошо помню подробности. Все-таки это было давно, лет семь назад... то есть, вы говорите, четыре? Да-да, я понял. Давно, в общем. Но сходство имеется.

— Вы забыли одно обстоятельство, — подал голос Можай, который до сих пор лишь внимательно слушал разговор. — У Робина были родители. Те самые, которых убила химера.

— Ой... — Мышка растерянно посмотрела на Каймана.

Сталкер озадачился. А ведь правда, Можай верно подметил. Значит, Робин не может быть Мышкиным братом. Не складывается... И вдруг Каймана осенило.

— А что, если родители были приемные? — сказал он. — А?

— Может такое быть, — признал Можай. — А что? Оказался двухлетний пацан в Зоне, люди его подобрали, усыновили и все такое... Похоже на правду.

— И я скорее поверю в такой расклад, чем в ребенка-маугли, воспитанного кровососами, — ввернул Кайман.

— Точно! — Мышка подскочила на стуле. Глаза ее горели. — Кайман, ты супер! Все сходится. Мы завтра же идем в эту деревню! Доктор, спасибо, спасибо вам!

— Гм...

Доктор выглядел сбитым с толку, как будто он пытался что-то сопоставить, и у него не получалось. Впрочем, на ключевую фразу он отреагировал.

— Дорогая моя барышня, завтра вы никуда не идете. Завтра вам еще необходим отдых и процедуры. И послезавтра тоже. А там посмотрим. Тем более что попасть в деревню, о которой идет речь, очень и очень непросто. Она не зря считается затерянной.

Кайман помрачнел.

— Верно... — протянул он. — Ах ты ж ёшкин кот! Слышал я от напарника про то, что у них там «карусель» особенная на входе... Ну чисто тебе сталкерская рулетка. Из-за этого он, когда из дома ушел, уже и не возвращался туда. Лишний раз в «карусель» лезть — это вам не малину жрать с куста!

— Именно, — кивнул Доктор. — Можно попасть в пространственный карман, а можно отправиться к праотцам. Честно сказать, когда Робин вернулся домой, я подумывал о том, чтобы навестить его, но не стал рисковать. Я не могу полагаться на случай.

Мышка переводила взгляд с Доктора на Каймана.

— А я полезу! — звенящим от напряжения голосом сказала она. — Я за братом в какую угодно «карусель» полезу!

Кайман сердито посмотрел на нее и вдруг зевнул во всю пасть. И девушка в ответ зевнула тоже. Доктор поднялся с места, открыл жалюзи, выключил свет, и все увидели, что уже рассвело.

Спохватившись, Доктор погнал замученную Мышку спать в лазарет. За окном истошно заорала какая-то болотная тварь — может, птица, а может, лягушка. Кайман как-то слышал, что лягушки тоже горазды орать, но никогда не проверял.

Не стал выяснять и на этот раз. Он вышел вместе с Можаем покурить на крыльцо — в последний раз за эту ночь, потому что ночь закончилась. Перед домом расслабленно валялись две довольные собаки, Симба и Киара. Хлопнула дверь — хозяин дома присоединился к гостям.

— Кстати, Док! — вспомнил Кайман. — Везунчик, который мой напарник, тоже у тебя здесь побывал. Совсем малышом еще. Родители его приносили. Также был интересный случай. Везунчик в «студень» попал, и ничего, цел-здоров остался.

Доктор, задрав бородку, с задумчивым прищуром смотрел в небо. Неяркие краски рассвета из всех сил пытались пробиться сквозь серую облачность, но терялись в ней. Лишь кое-где восточные края облаков были подведены розовым.

— Молодой человек, — вздохнул Доктор, — у нас разные представления об интересных случаях. Я врач и натуралист, исследователь...

— А я сталкер, радиоактивное мясо, — хмыкнул Кайман. — Ладно, Док, я все понял. Сталкеру — сталкерово. Ну, спокойного времени суток, как говорится.

Он расстелил выданный Доктором спальник в полупустой комнате, где из всей мебели были лишь стеллажи с книгами. Улегся, посмотрел в скверно выбеленный потолок и в который уже раз пожалел, что напарник лазит черт-те где, за Периметром.

Теперь, когда Кайману с Мышкой предстоит добираться в родную деревню Везунчика, его участие в походе оказалось бы особенно кстати. И ведь не позвонишь ему, и мейл не отправишь — некуда. Уехал и, черт его знает, вдруг решил вовсе не возвращаться? Типа обрубил концы. Как же!

Что бы там Везунчик себе ни решал, Кайман был уверен, что напарник вернется в Зону. Зона своих не отпускает. Только когда он вернется? Кайман тогда подумал — месяц, не больше. Больше он за Периметром не выдержит. Кстати, какая часть этого месяца уже прошла?

А сколько дней Кайман уже ходит по Зоне с Мышкой? Сталкер заснул раньше, чем досчитал до двух.

28. Мышка, на пути к затерянной деревне

Прощание с Доктором вышло скомканным. Вроде бы он им помог — и Мышку вылечил, и путеводную ниточку к Матвейке подбросил, и целый день они в его доме отдыхали, — а симпатии между ними не возникло. Кайман слышал от знающих людей, и Можай подтвердил, что деньги за лечение Доктору предлагать без толку — не возьмет, а можно будет при случае отдать некоторую сумму в общак, который держит для Доктора бармен «Ста рентген» и закупает для него медикаменты и все необходимое.

Поэтому поблагодарить Доктора они поблагодарили, но слова звучали как-то неловко. Да и сам Доктор в ответ лишь равнодушно пожал плечами и ушел в дом. Он явно был занят своими мыслями и хотел, чтоб гости уже убрались побыстрее.

Мышке тоже очень этого хотелось. А вот Кайман в самый последний момент куда-то запропастился. Можай, который должен был переправить их на северную окраину болот, в

конце концов не выдержал, пробурчал: «В сортире он, что ли, засел?» и отправился искать сталкера.

В конце концов девушка отыскала Каймана в пристроенном к дому сарае. Сталкер стоял, обратив лицо к стропилам, и грустно матерился. Как оказалось, от него сбежал шуршавчик.

Вчера после микстур и внутривенных инъекций Мышка полдня проспала, а оставшиеся полдня бродила как во сне, и жалобы Каймана на странное поведение шуршавчика пропустила мимо ушей. Оказалось, живой артефакт, или что он там такое, весь вчерашний день проявлял строптивость характера. Он исчезал, Кайман через некоторое время обнаруживал пропажу и шел искать. Шуршавчик находился, а затем пропадал снова, и совершенно извел сталкера своей игрой в прятки. И вот теперь он висел на потолке сарая, как обычно напоминая неуместный здесь пучок высохших водорослей, негромко потрескивал и ни в какую не желал спускаться к людям.

— Придется за ним лезть, — мрачно резюмировал Кайман. — Где у Доктора лестница, ты случайно не видела?

— Послушай, — Мышка тронула сталкера за локоть, — он не хочет с тобой идти, это же ясно. Он хочет остаться здесь.

— Здесь?! — возмутился Кайман. — С какой стати? Я уйду, значит, и он со мной!

— Послушай, — повторила девушка. — Шуршавчик не твоя собственность. Ты даже не знаешь на самом деле, что он такое.

— Ерунда, — сталкер стряхнул ее руку. — Я к нему привык. Пойду спрошу у Доктора лестницу.

Мышка удивилась. В последнее время Кайман стал к ней внимателен, а сейчас ему явно было на девушку наплевать. Его занимал только шуршавчик.

— Ты его не удержишь, — с напором сказала Мышка. — Вспомни, как было в Лиманске. Вспомни, как было в бункере по дороге на Янтарь. Он идет к человеку в руки, только когда сам захочет.

Сталкер смерил девушку яростным взглядом и хотел, как видно, сказать что-то резкое, но промолчал и задумался. Затем нехотя кивнул:

— Ты права, Мышонок. А со мной что-то неладное. Я слишком сильно привязался к этой кучке шелестящего дерьма. Привык, что он всегда у меня на шее болтается, как шарфик.

Шарфик? Мышка вдруг очень явственно вспомнила слова Черного Сталкера: «Скажи своему Кайману, чтобы шарфик не жалел», и что-то там еще вроде «обновка не на пользу». Так вот о чем говорил Шухов! Предупреждал намеками, как это за ним водится.

— Кайман! — серьезно сказала девушка. — Это же пси-артефакт. А у тебя закончился иммунитет к пси-воздействиям. Ты вспомни, как ты сорвался по дороге с Затона на Болота! Когда мы выясняли, что там за место, куда Шухов попасть не может. Кстати, насчет шуршавчика Шухов тоже предупреждал...

Тут Мышка прикусила язык, но было поздно. Кайман бешено поглядел на нее.

— Предупреждал, да? А ты до сих пор молчала? О чем ты еще молчишь, Мышонок, пока я за тебя шею подставляю?

Мышка задохнулась от обиды.

— Шею? Это из меня кровосос кровь пил, не из тебя!

Девушка расплакалась. И лишь вместе со слезами пришел жгучий стыд: а ведь Кайман все-таки прав, она обманывает его. С самого начала врал насчет тайника Бюрерши. И хотя Черный Сталкер должен указать ей клад, чтобы она расплатилась с Кайманом, ложь не перестанет быть ложью. Никогда.

Мышка не считала, что поступает плохо, когда врал постороннему сталкеру, которого наняла в помощь. Это же было ради спасения Матвейки! Но лгать близким нельзя, ложь отравляет отношения. Кайман давно уже из постороннего превратился в близкого. И что же ей теперь делать?

Сталкер обнял девушку, прижал к себе, погладил по отросшим и оттого растрепанным волосам:

— Ш-ш-ш, Мышонок, тише, не реви, не надо. Ну, пусть я неправ, хотя ты тоже хороша, но ладно, ладно, только перестань реветь!

На пороге пристройки возник мрачный Можай.

— Мы идем куда-нибудь? — осведомился он. — Или вы тут еще поорете часок-другой в свое удовольствие?

— Идем.

Кайман вывел девушку из сарая, обнимая за плечи. Мышка с облегчением отметила, что он даже не бросил последний взгляд на потолок, где волновался и потрескивал шуршавчик. Но сталкер и не забыл о нем.

— Скажи Доктору, что мы ему в сарае подарок оставили, — хмуро попросил он Можая. — Ему понравится.

Можай не удивился.

— Хорошо, скажу.

Проводник в два счета переправил их на довольно сухой островок — сначала Каймана, затем Мышку. С островка длинная коса вела на другой такой же, а оттуда уже было рукой подать до берега.

— Спасибо тебе за все.

Кайман с Можаем обменялись рукопожатием. Мышка в последнюю минуту решилась и, привстав на цыпочки, чмокнула проводника туда, где небритая щека переходила в небритый подбородок.

— Удачи! — напутствовал их Можай. — Когда выясните, что там и как, киньте мне мессагу на ПДА, ладно? Хочу узнать, чем ваши поиски закончатся. Ну и вообще... заходите как-нибудь в гости.

И прежде чем они двинулись с места, проводник исчез — задействовал «прыгунки» и вернулся к Доктору, в сердце Болот.

Кайман снял с предохранителя свой любимый «эф-эн».

— Ну, потопали. Шевели ногами, Мышонок, чем скорее мы окажемся подальше от этой грязи, тем лучше.

Около часа они молча шевелили ногами. Сперва выбрались по косе и цепочке островков на берег, затем Кайман сверился с наладонником и они двинулись напрямик через лес. Мышка поразилась, как быстро к ней вернулось чувство Зоны. Постоянное ожидание опасности, вот что это было по сути. Путешествие в компании Можая и охраняющего их отряд Симбы притупило это чувство, а в доме у Доктора было и вовсе безопасно. Но стоило Мышке оказаться вместе с Кайманом в лесу, и ставшая привычной тревога вернулась. Девушка подумала, что это как раз из-за него, из-за сталкера. Пока они вдвоем оставались под небом Зоны, Кайман не расслаблялся ни на мгновение.

И был прав. Замусоренный валежником лес, где вперемешку росли сосны и лиственные деревья, подкидывал им одну неприятность за другой. Приходилось обходить то участки непролазного бурелома, то точечные очаги высокой радиации, о которых счетчик сигнализировал в последний момент. Один раз под ними поехал склон оврага, и Мышка с Кайманом едва не угодили в яму, до краев наполненную «студнем». Тускло мерцающий гнилой зеленой «холодец» словно бы потянулся им навстречу, но сталкер вовремя ухватился за прочную сосну сам и поймал Мышку. Земля вздрогнула. Комья глины расплескали студенистую жижу, и девушка передернулась, задним числом представляя, как летит на дно оврага, навстречу отвратительной смерти.

Особо страшного зверья им не встретилось, но мелкой пакости хватало. Какие-то зверьки, то ли белки, то ли лесные кошки, буквально посыпались путникам на голову из кроны старой сосны. Пока Мышка хваталась за винтовку, Кайман расстрелял их еще в полете. Один на удивление неповрежденный трупик упал рядом с Мышкой, и девушка составила себе впечатление о древесных зверушках в трех словах — клыки, когти и хвост. В домашние любимцы эти твари явно не годились.

Дважды из кустов выскакивали псевдопсы. В первый раз Мышка чуть не закричала, когда сталкер открыл огонь по собаке — ей показалось, что это Симба. Но девушка удержалась от крика и только с горечью подумала, что в Зоне опасно заводить знакомства. Промедлишь секунду, чтобы не подстрелить приятеля, и злобная тварь успеет вцепиться в твое горло.

Кайман, судя по всему, колебаниями не терзался — стрелял мгновенно. А может, дело в том, что его рефлексы выживания в Зоне были старше и прочнее Мышкиных.

Один раз путники неосторожно влезли на хозяйственную тропу муравьев, после чего пришлось спасаться бегством от злоющих насекомых. Мышка, помня укусы комара, неслась сломя голову, пока Кайман не догнал ее и не ухватил за шиворот. В общем, когда лес наконец поредел, а затем и вовсе иссяк, оба они вздохнули с облегчением.

Выбравшись на открытую местность, сталкер с девушкой устроили привал. Есть Мышке совсем не хотелось, и Кайману так и не удалось запихать в нее ни кусочка. Зато она выпила полную флягу воды. Долго рассиживаться не стали. Кайман надеялся добраться к месту входа в затерянную деревню еще засветло.

— Если не будем успевать, придется свернуть и искать укрытие, — пояснил сталкер. — Потому что в сумерках я в эту чертову «карусель» не полезу. Я бы в нее вообще никогда не сунулся, конечно. Но если уж соваться, так по свету. И по-любому лучше бы успеть, потому что вечером будет выброс. Или ночью.

— Ты его чувствуешь? — уточнила Мышка. — Ну, что выброс близко?

— Нет, — качнул головой Кайман. — Просто логика. Давно не шарахало, пора уже. Причем на этот раз шарахнет неслабо.

Девушка подумала, что все-таки рассуждения сталкера ближе к чутью, чем к логике. Если по чистой логике, то выброса можно было ждать каждую минуту, не обязательно к вечеру или ночью. Наверное, Кайман ощущал некий ритм существования Зоны, ее дыхание, биение ее нечеловеческого сердца. Ощущал, но не хотел себе в этом признаваться. И, кажется, что-то похожее начинала чувствовать и Мышка. Иначе ей не пришлось бы в голову подобное объяснение насчет Каймана. Зона потихоньку приручала девушку. Присваивала ее. Делала частью себя.

К черту! Мышке это ни к чему. Найти Матвейку, вытащить его из деревни — и бежать, бежать прочь из Зоны, как можно дальше отсюда!

А Кайман? И Каймана уговорить, уболтать, утащить отсюда. Получится?

Не получится. Он прирос здесь, он пророс Зоной насквозь, она пустила свои побеги сквозь его душу, он одержим Зоной и принадлежит ей. Ах ты ж ёшкин кот!

— Мышонок, ты чего?

Сталкер мягко перехватил ее руки. Мышка опомнилась. Оказалось, что она изо всех сил колотила кулаками по земле, так что остались две вмятины. Две крошечных отметины на лице Зоны, жалкая попытка набить морду сопернице.

— Ничего, — бледно усмехнулась Мышка. — Нервничаю. Пойдем отсюда. Пойдем дальше. Надо торопиться, чтобы успеть.

Кайман уточнил их местоположение на карте, проверил и перезарядил автомат. Они забросили на спины рюкзаки и двинулись в путь. Мутное солнце Зоны, ненадолго проступая сквозь облака, пристально паялилось им в затылки.

Потом солнце скрылось за тучами и хлынул ливень. Глинистая равнина мгновенно раскисла. Мышка перестала думать глупости и стала думать о том, чтобы не упасть.

Глава шестая. Непосредственный контакт

29. Сталкер Кайман, «карусель»

Аномалия расположилась между двумя холмами — не холмами даже, а так, пригорками. Чем больше Кайман на нее смотрел, тем меньше она ему нравилась. Впрочем,

разве «карусель» вообще может нравиться? Не больше, чем гильотина или электрический стул.

Одну из самых смертоносных аномалий Зоны называли по-всякому. «Мясорубкой» — за то, что именно она делает с телом живого существа. «Каруселью» — за то, что она прежде раскручивает жертву, и только потом разрывает на части. «Птичьей каруселью» — за то, что в вихрь частенько попадают вороны, и опознать аномалию можно либо по беспомощно кружащимся в воздухе птицам, либо по разбросанным вокруг кровавым лепешкам с перьями, которые от них остаются.

Кайман однажды переживал выброс в одном схроне со сталкером, малость свихнувшимся на «каруселях». Он промышлял сбором артефактов, которые извергает из себя именно эта аномалия. Кайману, особенно первое время в Зоне, претила мысль о том, что все эти целебные «ломти мяса», «рога нарвала» и «души» происходят из погибших в «мясорубках» бедолаг. Но психа он слушал внимательно — мало ли, что и когда может пригодиться. Например, тот утверждал, что девяносто пять процентов вихрей закручены по часовой стрелке, и только пять — против. Правда, и те и другие одинаково смертельны для человека, так какая разница, справа налево тебя потащит к безвременной кончине или слева направо? Кайман пару раз видел, как убивает «карусель», и обходил их десятой дорогой. А теперь им предстояло по своей воле лезть в аномалию, и вся его сталкерская натура этому сопротивлялась.

«Карусель», на которую прямо сейчас мрачно взирал Кайман, крутилась по часовой стрелке — как большинство. И все-таки она была особенной. Более того, уникальной.

Невидимый аномальный вихрь своей верхушкой доставал до пространственного перехода. Переход вел в затерянную деревню, куда Кайман с Мышкой собирались попасть.

Если опытный и хладнокровный сталкер угодил в «карусель», у него все-таки есть слабенький шанс вырваться. Нельзя беспорядочно размахивать руками и ногами, надо из всех сил рваться на периферию вихря. Если повезет и если получится, аномалия может не удержать тяжелую добычу. Грохнешься, конечно, все кости себе отобьешь, но можешь остаться жив.

С «каруселью», ведущей в затерянную деревню, следовало поступать с точностью до наоборот. Нужно было броситься в нее с разбега и постараться прорваться в самый центр аномалии, где восходящие токи сильнее всего. Тогда вихрь стремительно утащит тебя на самый верх и зашвырнет в пространственное окно. А если не выйдет — пиши пропало. Второй попытки не будет. «Карусель» закружит неудачника по нисходящей, аномальные силы вцепятся в его тело, станут тянуть в разные стороны и рвать на части. Раздерут на «ломти мяса», вытряхнут «душу», а кости закрутят в «рога нарвала». Был сталкер — стал набор артефактов. Тьфу, ёшкин кот! Кайман и правда плюнул с досады.

Очень не хочется нырять в «мясорубку». А придется.

Да уж, обитатели деревни могут не ждать гостей толпами. Неудивительно, что Везунчик, как ушел из дому, так и не собрался навестить родные края. Надо иметь очень сильный стимул, чтобы сунуть голову в эту петлю.

Сталкер хмуро посмотрел на девушку.

— Все поняла? — в который уже раз спросил он. — Ныряешь, как в воду, с разбега. И рвешься к центру. Как только вихрь тебя подхватит, сгруппируйся. Руками не размахивай!

— Да поняла я, поняла.

Мышка сосредоточенно попрыгала на одной ноге, потом на другой, проверяя баланс рюкзака. «Винторез» был в разобранном виде уложен в рюкзак, все вещи плотно упакованы. Дополнительной неприятностью перехода было то, что по ту сторону окно тоже выходило в воздух. Авось у селян хватило совести подстелить какой-нибудь соломки там, где придется падать. Однако надо быть готовым упасть на голую землю.

— Кайман! — Мышка серьезно заглянула ему в глаза. — Если я... На всякий случай, чтобы ты знал...

— Молчи, дура! — Кайман зажал ей рот рукой. — Ни думать ничего такого не смей, ни тем более говорить вслух! В Зоне себя так не ведут.

Девушка преувеличенно закивала — поняла, мол, и Кайман опустил руку.

— А поцеловать ты меня можешь? — тихо спросила Мышка. — Ну... просто так?

— Просто так — могу, — усмехнулся сталкер.

Он слегка коснулся сомкнутыми губами губ девушки и быстро отодвинулся. Обманутая Мышка заморгала.

— Не так! По-настоящему!

— По-настоящему — на той стороне, — сурово сказал Кайман. — Все, пора. Давай, на счет «три». Раз...

У Мышки все получится, он не сомневался. Девчонка везучая. Не настолько, конечно, как Везунчик, но удачливость у нее выше среднего. А вот пройдет ли сквозь комбинацию аномалий он сам, Кайман не знал. Сталкер потому и решил отправить Мышку первой, чтобы она не увидела, если он...

— Два...

Не смей, дурак. Девчонке рот заткнул, а сам что? О таких вещах сталкеры не думают. В Зону пришел, значит — для внешнего мира уже умер. Остальное — твои личные маленькие подробности.

— ...три!

Девушка рванулась в «карусель» так, словно хотела пробежать ее насквозь. Вихрь сбил Мышку с ног, оторвал от земли и подбросил, как бадминтонный воланчик. Мелькнули грязные подошвы ботинок. Резанул уши пронзительный визг.

Кайман с замиранием сердца следил, как аномалия раскручивает Мышку и стремительно тащит вверх по крутой спирали. Последний кувырок — и девушка вперед ногами влетела в невидимый переход, словно мяч в баскетбольную корзину. И исчезла. Фокус-покус. Раз — и нету.

Сталкер с усилием выдохнул и только тогда понял, что все это время задерживал дыхание. Впрочем, Мышкины сальто заняли меньше минуты.

Ну что, говорите, крокодилы не летают? А если летают, так очень низенько? Сейчас проверим.

Кайман отошел на несколько шагов, разбежался и бросился в аномалию, как в море с обрыва.

Внешний слой вихря он почти не почувствовал — так, легкое уплотнение воздуха. На мгновение Кайман испугался, что проскочит сквозь «карусель». И тут его с чудовищной силой дернуло кверху, как котенка за шкурку. Крутнулся перед глазами вставший дыбом пейзаж, и сталкер не успел опомниться, как уже летел вниз по другую сторону перехода.

Кайман ни черта не сумел сгруппироваться. Падение вышибло у него воздух из легких. Он упал, а потом вроде бы еще куда-то покатился — или это ему показалось. Кайман ушиб бедро, он вывихнул плечо и треснулся головой, в глазах плавали цветные пятна, а в ушах звенело так, что он вообще ничего не соображал. Сталкер завозился, пытаясь встать, и обнаружил, что лежит на мягком, пружинящем, и встать не получается. Кое-как, преодолевая дурноту, он сел.

Оказалось, местные все-таки соорудили приемник для рискованных ребят, желающих прокатиться на «карусели» вверх тормашками. Под местом перехода они натянули сети, так что получалось нечто вроде гигантского гамака, а под сетями вдобавок набросали сено и палую листву. Вот только Кайман явно летел с такой силой, что сети прогнулись под его весом и он ударился об землю. Ох, ёшкин кот! Но ведь жив? Жив!

А Мышка где?

Сталкер завертел головой. В ушах звенело не переставая, но перед глазами чуток развиднелось. Он увидел, как Мышка ползет к нему с края этой странной паутины, и двинулся ей навстречу. Через несколько мгновений до Каймана наконец дошло, что надоедливый звон реален. По периметру огромного гамака были привязаны жестянки, и колебания сети заставляли их дребезжать.

Кажется, сеть была ловчая. Во всех смыслах.

Сориентировавшись, Кайман пополз быстрее. Он перехватил Мышку в паре метров от края сети.

— А теперь поцелуешь как следует? — засмеялась девушка. — По эту сторону «карусели»!

Видали вы такое? Кому что, а девчонкам поцелуйчики. И ведь Мышка еще на диво здравомыслящий экземпляр!

Сталкер замахал на нее рукой:

— Потом, потом! Жива? Цела? Отлично. Давай шустро сваливать отсюда!

Они не успели. Трое мужчин показались на пригорке над ними. В руках у местных были стволы, недвусмысленно направленные на гостей.

— Здравствуйте, — вежливо сказал Кайман.

— Руки за голову! — ответили ему. — И без глупостей. Чуть что — стреляем. Давайте потихонечку вперед вот по этой тропинке. Дойдем до места, потом поздороваемся. Может быть.

30. Мышка, затерянная деревня

Тропка вела вперед, почти не виляя. Местность понемногу повышалась, но идти было легко. Точнее, было бы легко, если бы не угрожающее сопение сельчан позади. Хорошо хоть рюкзаки местные у них отобрали — то есть плохо, конечно, но зато нести их самим не пришлось.

Мышке до сих пор не приходилось гулять под прицелом оружия, по-арестантски сцепив руки за спиной. Оказалось, это здорово действует на нервы. На самом деле она даже не знала, действительно ли сельчане продолжают держать их на мушке, но оборачиваться им не велели. Веселенькие тут порядки, ничего не скажешь. Ну, авось в деревне все выяснится, и их перестанут считать врагами.

Добравшись до гребня пологого холма, Мышка с Кайманом невольно замерли. Склон по ту сторону оказался совсем не пологим. Холм, сложенный из мягкой глины, на пару метров ниже гребня обрывался отвесной стеной. Внизу расстилалась долина, а посреди нее кучковались игрушечные домики деревни, как артефакты в контейнере.

Плотно закрытое тучами небо, казалось, лежало прямо на долине, как крышка на сковородке. Небосвод был отчетливо выгнут — приподнят по центру, опущен по краям. Видимость была так себе, и без того пасмурный день постепенно превращался в вечерние сумерки, а дальнюю перспективу застилала сизая дымка. Мышку вдруг прошибло узнаванием. Эту коробочку с туманящимся по краям пейзажем она видела во сне. Картинка была не особенно интересна, поэтому не запомнилась — но стоило ее увидеть воочию, и воспоминание явилось.

— Кайман! — прошептала Мышка. — Матвейка точно здесь! Я видела во сне долину!

— Я понял, — шепнул сталкер. — Хорошо.

Дальше тропа поворачивала налево и вела вдоль гребня, а шагов через сто начинался крутой спуск. На радостях Мышка почти не замечала неудобства пути, и даже вооруженное сопровождение перестало ее раздражать. Главное, что они движутся к цели! И почти добрались до места, осталось совсем чуть-чуть.

Запыхавшись, она притормозила у подножия холма. Кайман вдруг обернулся к местным.

— Эй, мужики, скоро выброс! Я их чую, потому и говорю.

Сельчане спускались сразу вслед за сталкером и девушкой.

Мышка наконец их рассмотрела. Старшему было за сорок, а то и под пятьдесят. От волос у него остался неопрятный седой венчик по периметру обветренной лысины. Двое остальных были, вероятно, ровесниками Каймана. Один был светловолосый — даже, может, светлее Мышки. У второго вместо правого уха топорщился покореженный обрубок, и девушке пришлось на ум однажды слышанное слово для подобного увечья — «корноухий».

Корноухий продолжал честно держать в руках свой АК, двое других забросили автоматы на плечо. Кажется, гости уже не казались им опасными. И ответил старший Кайману вполне миролюбиво:

— Да у нас почти что не трясет под выбросом. Можно и на открытом месте перетерпеть, хотя под крышей всяко лучше. А мы уже почти пришли.

— Слышь, мы к вам вообще-то по-хорошему... — начал было Кайман, но явно поторопился.

Старший сразу посуровел и потянулся за «калашом».

— Ладно, шагай давай по-хорошему!

Так что в деревню сталкер с девушкой вошли под конвоем. Впрочем, смотреть на них было некому. Смеркалось. Единственная улица была пуста. Половина домов стояла с заколоченными дверями и окнами. Заборы обрушились, дворы заросли сорняками. Сверху деревня выглядела куда привлекательнее. Игрушечные домики на блюде долины вблизи обернулись облезлыми сараями, догнивающими свой век.

И в этом уютном месте живет Матвейка? Мышке захотелось немедленно схватить братика в охапку и утащить отсюда. Она перестала вертеть головой по сторонам — все равно ничего приятного вокруг не видно — и в который уже раз попыталась себе представить брата четырнадцатилетним. Невысокий щупленький подросток с ежиком светлых волос, похожий на нее саму... Но образ упрямо не вырисовывался. Какие у него глаза? Какое выражение лица? Мышка чересчур явственно помнила пухленького двухлетнего малыша, а затем — пустота и странные сны о Зоне. Нет, она не в силах представить себе нынешнего Матвейку, сколько ни старайся. Что ж, скоро она встретится с ним лицом к лицу. И все будет хорошо. Просто обязано быть!

Старший из сельчан прибавил шаг и обогнал остальных. В этой части улицы дома были жилыми — светились окошками поверх старательно починенных заборов. Сельчанин миновал три дома и громко постучал по высоким воротам четвертого. К тому времени, как остальные поравнялись с воротами, сбоку в них открылась калитка.

— Заходите.

Он посторонился, пропуская Мышку с Кайманом и корноухого, затем вошел во двор сам и загремел тяжелым засовом, запирая калитку. Третий из местных остался на улице. Никаких слов сказано не было.

Во дворе чувствовалась женская рука. Выложенная бетонной плиткой дорожка от калитки к дому была обсажена декоративным табаком. Несмотря на позднюю осень, табак цвел. Белые звездочки цветов словно светились в густеющих сумерках и источали нежный аромат. Здесь было уютно, здесь жили с удовольствием, а не прозябали в запустении. Затерянная деревня у Мышки на глазах в очередной раз сменила облик.

Отворивший им калитку коренастый паренек прошел впереди всех к дому и скрылся за дверью, которая явно вела в подвал. Кайман проводил его тоскливым взглядом, потому что парень забрал и унес оба их рюкзака.

— Проходите, проходите, — поторопил их старший, оказавшийся, по-видимому, хозяином дома.

Хозяйка уже спешила им навстречу. И с ее появлением Мышка и Кайман перестали быть подконвойными и превратились в гостей — может, и неожиданных, но желанных и дорогих. Хозяйка с порога распознала в Мышке девушку, обругала мужчин, заохала, заахала и утащила ее купаться и переодеваться. Мышка без восторга, но с толком вымылась из эмалированного таза в банной пристройке. Вода с нее текла черная, несмотря на то что у Доктора на Болоте девушка принимала душ. Затем Мышка покорно завернулась в хозяйкино платье, куда можно было поместить еще парочку таких, как она, и, неожиданно уставшая, присоединилась к компании за столом.

Лысого хозяина звали Семеном, хозяйку — Марией, их сына — Никитой, а корноухий племянник оказался тезкой Каймана, то есть Геней. Мышка пришла как раз в тот момент, когда Семен добродушно, но очень настойчиво вытягивал из сталкера паспортное имя.

— Кайман, — привычно буркнул тот в ответ на вопрос, как его зовут.

— Бандит, что ли? — с деланным безразличием поинтересовался Семен.

— Почему бандит? — возмутился Кайман.

— Кличка — значит, бандит, — развел руками хозяин. — У меня такое понимание. Нормальные люди человеческие имена имеют.

Кайман сердито засопел и взялся бы, наверное, спорить с хозяином, но поймал умоляющий взгляд Мышки и сдался.

— Зовите Геннадием, — хмуро сказал он. — Если вам это настолько важно.

— Это важно, да, — кивнул Семен. — Мир вокруг безумствует, природа рождает чудовищ, и значит, хотя бы человек должен в себе хранить человеческое, а не обращаться в монстра.

Похоже, у хозяина был на эту тему пунктик. А скорее всего, как обычно бывает в подобных случаях, и не только на эту.

Мышка переглянулась с Кайманом, скромно представилась Алиной и позволила хозяйке положить ей полную тарелку картошки с овощами. Кайман то и дело болезненно морщился, и Мышка наконец сопоставила его нездоровый вид и собственный легкий звон в ушах — начался выброс. Да, Семен сказал правду. Хоть выброс и ощущался, в долине он действовал на людей несравнимо слабее, чем снаружи, в Зоне.

— У вас тут спокойно, — заметила девушка, пытаясь как-то начать разговор.

Наверное, если бы она взорвала за столом гранату, результат был бы скромнее.

— Спокойно?! Ну, сейчас-то, может, и спокойно... по сравнению с тем, что было. А было такое, что ого-го!

В следующие полчаса Мышка и Кайман узнали о затерянной деревне многое.

Когда первая Чернобыльская катастрофа перевернула тысячи и тысячи человеческих жизней и согнала людей с обжитых мест, деревня Старая Буряковка почти не пострадала. Все потому, что она и без того стояла необитаемая. Обычное дело — старики поимерли, молодые уехали в Славутич, Припять, Чернобыль, а кто не сумел найти себе работу около ЧАЭС и квартиру в городе, перебрались в Новую Буряковку. Ветер, который несколько раз менял направление в первые дни после катастрофы, пощадил заброшенную деревню, оставил ее практически чистой от радиации. Когда вокруг ЧАЭС легла зона отчуждения, никто не стал трогать пустые дома Старой Буряковки. И так уж получилось, что к моменту катастрофы 2006 года в ней опять жили люди.

Самоселы звались Красиловыми. Они приехали в Чернобыльскую зону из Краснодарского края. Наверное, у главы семьи стряслись там изрядные неприятности, раз он с женой и тремя малолетними сыновьями укрылся в таком непростом месте — но этот момент семейной истории Семен обошел молчанием. Прижились Красиловы в Буряковке, и хорошо. В две тысячи четвертом году Семен привез из Белоруссии жену Марию, и к шестому году они уже давно жили своим домом, отдельно от стариков и прочей родни.

Когда случилась вторая, аномальная катастрофа, в Буряковке как раз находилась группа туристов с сопровождающими. А что такого? И в прежние времена, когда еще не было ни мутантов, ни артефактов, ни аномалий — короче, когда Зона еще была всего лишь зоной отчуждения, — находились желающие побывать в запретном месте. Кто-то пытался попасть на опасную территорию самостоятельно, а кто-то пользовался услугами туристических фирм. Уж как у них там было все организовано юридически, Семен не знал, ему отводилась техническая задача — встретить, разместить на отдых, отдохнувших проводить и ждать следующих. Еду для туристов фирма завозила не местную — консервы.

Никто поначалу не понял, что Буряковку отрезало от мира. Просто перестали работать мобильники, радио, телевидение, интернет. Разумеется, стало ясно, что произошла катастрофа, и все сошлись на том, что она связана с Чернобылем — но масштабы ее были абсолютно непонятны. Туристы разделились на тех, кто решил остаться в деревне, пока не прояснится со связью, и тех, кто отправился выяснять, что же случилось и что делается вокруг. Но далеко они не ушли. Пространственный карман, в который угодила Буряковка, имел всего пять километров в поперечнике, особо не нагуляешься.

Так население деревни рывком выросло почти на двадцать человек, и все они оказались заперты в прочной клетке с невидимыми стенками.

Первую весточку снаружи принес сталкер, попавший в «карусель» — ту самую, через которую сегодня прошли Кайман и Мышка. Случилось это примерно через год, когда бывшие туристы частично переженились, научились сажать картошку и разводить кур, и жизнь затерянной общины обрела подобие стабильности. Сталкер, которого звали Василием, от пережитого в «карусели» ужаса верной смерти, за которым последовало чудесное спасение, натурально двинулся умом. От него буряковчане узнали, что вокруг деревни простирается проклятая земля, рождающая нелюдей-мутантов и иных чудовищных тварей. Василий рассказал про выбросы, про аномалии и артефакты, про схватки сталкерских кланов и прочие реалии Зоны. Он только не упомянул, что аномальная Зона охватывает не слишком большую территорию вокруг бывшей ЧАЭС, а за ее Периметром по-прежнему существует обычный мир.

Нет смысла винить беднягу. Что смог, то и рассказал. Уже и то было облегчением, что снаружи не ядерная пустыня, а они не остались последними людьми на Земле. Но когда на участке семейства Нечипорук обнаружился выход из пространственного пузыря, наружу ушли немногие. Во-первых, не сразу стало понятно, что это выход. А, во-вторых, не было смысла менять обустроенный быт на красочно расписанные Василием ужасы Зоны. Тем более две молодые семьи успели обзавестись потомством, а еще две как раз ждали прибавления. И все-таки несколько холостяков ушли — и канули в неизвестность.

Лишь через два долгих года Петька Нечипорук рискнул пройти через «карусель» и заплатил за это тремя пальцами на левой руке. Он вернулся с известием, что большой мир по-прежнему существует, и поднял в деревне такую бурю, что отголоски ее улеглись совсем недавно. В общем, спокойно в Буряковке не было, о нет.

— Извините, я совсем вашу жизнь не представляла, — покаялась Мышка. — Я хотела сказать, спокойно в том смысле, что выбросы у вас тихие, аномалий нет... или есть?

— Аномалий действительно почти нет, — махнул рукой Семен. — Только «жгучий пух» в покинутых домах произрастает, мы его поначалу «чертовой паутиной» кликали. Еще за огородами «сковородка» есть — «жарка» по-вашему. Но слабенькая. С теми, что у вас снаружи, не сравнить. И яма со «студнем» имеется, мы ее забросать хотели после одного случая, но побоялись — вдруг «студень» в другом месте полезет? Просто огородили ее, чтобы детвора больше не лазила...

Кажется, Красиловы были готовы излагать гостям историю Буряковки во всех красочных подробностях, но Мышка давно хотела свернуть на тот единственный момент, который ее интересовал. Апокалипсис в одной отдельно взятой деревне был безусловно достоин описания — однако девушка хотела поскорее узнать про брата. У каждого свой личный апокалипсис, если уж на то пошло.

— Можно вопрос? — быстро ввернула она. — Мы вообще-то одного человека разыскиваем, потому и пришли сюда. Мальчика... подростка четырнадцати лет. Его зовут Матвей... хотя он мог своего имени и не помнить... ну, неважно. Важно вот что — его родителей... ну, приемных родителей, четыре года назад убила химера. Здесь, в вашей деревне. Где он? Где Матвейка?

Хозяин дома методично кивал в такт торопливым словам Мышки, и девушка уже уверилась в том, что все это ему известно. Однако вместо того чтобы тотчас ответить ей, Семен озадаченно нахмурился.

— Четырнадцать лет? У нас таких нету. Старше — пожалуйста, вон Никите моему шестнадцать. Есть и мелкая детвора, десятилетки, а от двенадцати до четырнадцати как раз дыра.

— Он здесь! — настойчиво повторила Мышка. — Послушайте, может, я не с той стороны начала... Дело не в возрасте! Болотный Доктор сказал, что Матвейка жил у него после того, как погибли родители. Полгода он провел у Доктора, а потом вернулся...

Внезапная мысль ожгла Мышку как кипятком. А что, если Матвейка не вернулся? Вдруг он не прошел «карусель»? Легкого мальчишку могло вынести на край аномалии и разорвать в клочья! До сих пор Мышке такое не приходило в голову.

У нее потемнело перед глазами, голова закружилась, и Мышка сообразила, что теряет сознание.

Ну ёшкин же кот! Чтоб не сказать хуже.

31. Сталкер Кайман, дом Красиловых

Мышку уложили на диван с мокрым платком на лбу. Мария, до сих пор молча сидевшая на своем месте, суетила и хлопотала над ней.

— Успокойся, деточка! Ты часом не беременная? Нет? Приподнимись, водички выпей... Хорошо... Ложись обратно, вот так, я помогу... Да что ты распереживалась-то? Ну да, вернулся Тимошка сюда, домой, мы уже думали, что не вернется, а он вернулся. Дело давнее, столько лет прошло, уже и подзабылось, хотя страха мы тогда все натерпелись выше крыши... Ой, кошмар! С тех пор и караул на входе держим, с той химеры проклятой. Ну, из-за бандитов тоже, само собой...

— Помолчи-ка, хозяйка, — недовольно осадил жену Семен. — Затараторила, понимаешь.

Он перевел взгляд на Каймана.

— Спрашивай лучше ты, Геннадий. У меня от бабьего тарахтения мозг отключается.

— Спрошу, — кивнул сталкер. — Значит, было такое дело, что на деревню напала химера?

— Было, — подтвердил хозяин.

— И убила нескольких человек? Четверых или больше?

— Трех, — поправил Семен. — Лымарей, мужа и жену. И Василия полоумного, он к тому времени совсем спятил, жил один в шалаше, как первобытно-общинный человек...

— Только трех? — перебил его Кайман. — Послушай, Семен, это для нас действительно важно. Значит, четыре года назад здесь появилась химера, и это был единственный подобный случай?

— Единственный, — твердо сказал Семен. — Еще чего не хватало, чтоб мы второй раз такое допустили! Поставили сторожа у того места, где из «карусели» выбрасывает. Мы бы и раньше сторожили, так кто же знал, что зверюга в «карусель» полезет? Но с тех пор у нас все четко. В любую погоду, в любое время дозорный имеется, и не уходит, пока его не сменят. Уже восемь лет такой порядок заведен и соблюдается. Я сам слежу.

— Почему восемь? — не понял Кайман. — Если с появления химеры, это четыре года выходит?

— Потому восемь, что химера к нам залезла восемь лет назад, — как непонятливому, растолковал ему хозяин. — Я на память не жалуюсь, все свои прожитые годы помню. В июле было дело, среди ночи. Тварь паскудная пообнюхалась по округе и двинула в деревню. По дороге сожрала Василия в его шалашике, а потом забралась в первый же дом, к Лымарям то есть. На крики мы к ним сразу прибежали, только взрослых химера уже задрала, а вот пацан их выжил.

— И что он потом? — спросил Кайман, уже догадываясь, что услышит.

— Наружу дернул, в Зону, — пожал плечами Семен. — Полгода где-то валандался, потом вернулся, а потом опять ушел. Был такой слух, вроде он в сталкеры подался. Что-то я в толк не возьму, это, значит, вы Тимофея ищите? Так ему уже давно не четырнадцать, ему уже лет девятнадцать небось исполнилось.

— Двадцать, — механически поправил Кайман.

Он чувствовал себя примерно так же, как давеча в «карусели». Выдернули у тебя почву из под ног, летишь вверх тормашками — и не знаешь, где приземлишься. Это что же получается? Получается, все их рассуждения оказались ложными! И ведь казались такими

логичными, такими убедительными — а рассыпались в ничто, как обманчиво материальный столбик пепла от сигареты. Ах ты ж плешь его побери!

Был, выходит, один-единственный мальчишка — по имени Тимофей, по прозвищу Везунчик. Пережил жуткую трагедию, смерть родителей. Полгода кантовался у Болотного Доктора. Вернулся в родную деревню. В шестнадцать лет ушел из дома и с тех пор не возвращался. Год примерно ходил в отмычках, а затем скорешился с Кайманом и три года пробыл его напарником. И в неизбежных разговорах о житье-бытье рассказал свою историю с химерой как историю своего приятеля. Кайман не смог бы вспомнить в точности, когда это произошло и где — в бункере во время выброса или в баре за бутылкой водки. Может быть, Везунчик поведал Кайману об этом в самом начале их знакомства, вот и не захотел открывать свою боль случайному человеку.

Да и позже, когда они стали напарниками, Тим не слишком любил говорить о прошлом. Как и сам Кайман. У них всегда хватало насущных тем для общения. Незачем ковыряться в том, что было, особенно если от воспоминаний больно.

А в результате Кайман обманулся сам — и Мышку обманул. Посчитал одного своего напарника за двоих людей. За шестнадцатилетнего парня и за двенадцатилетнего пацана. Да, вот где вкралась ошибка! Почему-то у Каймана осталось впечатление, что Тим после смерти родителей ушел из деревни в сталкеры, и было ему, соответственно, шестнадцать. А оказалось, что он убежал в Зону, жил у Доктора, вернулся домой и провел в деревне еще четыре года. Ну и какое это имеет значение?

Для Каймана — никакого. А для Мышки, которая погналась за призраком брата, а призрак взял да обернулся тенью совсем другого человека, разница оказалась критической. Не четыре года назад, а восемь. Не Матвейка, а все тот же Везунчик.

И где теперь искать следы Мышкиного брата? Единственная ниточка привела в никуда.

— Слушай, Мышонок, — растерянно сказал Кайман. — Тимофей — это Везунчик. Только он один, а никакого второго мальчишки не было. И нет.

Мышка молчала. Она так и лежала на диване, несчастная и тощенькая, и напыленное на нее платье дородной хозяйки свисало до пола, как балахон. Сталкер попытался встретиться ее взгляд, но девушка упорно смотрела в потолок.

И что теперь делать? Кайман не знал.

— Вы вот оно что, — рассудил Семен. — Вы отдохните пока. Ночь уже на дворе, мы здесь ложимся рано. Электричество попусту жечь незачем, а телевизора все равно нету. Завтра с утра виднее будет. Ты, племянник, давай тоже домой топай. А ну, хозяйка, стели гостям.

Корноухий Гена молча поднялся и исчез за дверью.

— Где стелить? — озабоченно спросила Мария. — В угловой?

Семен бросил на жену хмурый взгляд. Кайману показалось, что на лице хозяина промелькнула непонятная досада. Но Семен тут же обернулся к сталкеру, и лицо его ничего особенного не выражало.

— Скажи, Геннадий, вы с Алиной в каких отношениях?

Ну, ты и спросил, дядя! Ничего, какой вопрос — такой и ответ.

— В интимных, — буркнул Кайман. — Еще вопросы будут?

— Ага, значит, муж с женой, — спокойно кивнул Семен. — Надо бы вас вместе уложить. Но, понимаешь, негде у нас. А к соседям вас пристраивать уже поздно, переполох им наводить. Так что будешь спать здесь, на диване, а Алине моя хозяйка в другом месте постелит. Хорошо?

Кайман снова тщетно попытался встретиться взглядами с Мышкой.

— Мышонок! — позвал он. — Ты спишь, что ли?

Девушка не отозвалась, но пошевелилась, и сталкер убедился — не спит. Дурацкая ситуация, ёшкин кот! Хозяева с закидонами, как бы не сектанты вообще. Мышка отморожилась... А он что, последний праведник на этой грешной земле? Да идите вы лесом!

— Стелите где хотите, — пожал плечами Кайман. — Только это, Семен, где наши рюкзаки? Курить хочу — уши опухли, а сигареты в рюкзаке.

— Сигареты — ладно, — без удовольствия разрешил хозяин. — Кури, если терпежу нет. Но рюкзак в дом не тащи, мало ли что у тебя там, радиоактивное или еще какое. Артефакты есть?

— Ну, есть, — не стал отпираться сталкер.

Точно, сектанты. Сегодня почву прощупали, завтра с утра начнут в свою веру обращать. Ну, с психами лучше не спорить. Завтра они с Мышкой просто смотаются из долины, да и все тут. Куда идти потом — это, конечно, вопрос. Но уже понятно, что здесь им ловить нечего. А кстати, где выход? Семен говорил, на участке этих, как их, Нечипоруков. Надо выяснить точнее.

— Никита, — кивнул сыну хозяин, — покажи Геннадию, где их поклажа. Пусть возьмет сигареты, и сразу возвращайтесь. Понятно?

Невысокий крепкий паренек, за весь вечер не проронивший ни слова, все так же молча встал и двинулся к выходу. Кайман заторопился за ним.

Снаружи было совершенно темно и очень тихо. Не по сезону пахло какими-то цветами.

— И не скучно тебе тут? — спросил Кайман парня. — Не хочешь наружу, мир повидать?

Он даже не очень интересовался ответом, просто хотел услышать голос Никиты. А то что такое, в самом деле, сидит как немой! Голос оказался обыкновенный, чуть хрипловатый юношеский басок. А вот ответил Никита странно, не вполне на тот вопрос, который задавал сталкер.

— Уйду я, — выдохнул Никита. — Только один не пойду, пусть и не мечтают.

Кайман ничего не понял. Это что же, сынок Семена просит взять его с собой? Да ладно, почему бы и нет. Заодно покажет, где выход. Но пока сталкер открывал рот, чтобы продолжить разговор, Никита нырнул в подвал. Чертыхнувшись, Кайман последовал за парнем.

Никита в подвале щелкнул выключателем, квадрат света ковриком выстелился наружу, и под ногами Каймана кое-как обрисовались неровные ступеньки. Вот люди! Почему было не взять фонарь? Хотя им-то что, они у себя дома, каждую ступеньку тут наизусть знают. Оступаясь и чертыхаясь себе под нос, сталкер спустился в подвал.

Словно в ответ на мысли Каймана парень снял с полки и протянул ему фонарик.

— Держи. — Он кивнул на следующую дверь. — Там внутри электричества нет. Бери сигареты и пошли обратно. Отец велел побыстрее.

— Там, что ли, рюкзаки? — переспросил Кайман.

Собственно, он и сам видел, как Никита отнес их вещи в подвал.

Но что-то цепляло его в этой ситуации, какой-то неуловимый раздрай.

Парень кивнул.

Кайман взял фонарик — это была «вечная» модель, без батареек, и чтобы добиться тока, надо было работать кистью, нажимая на рычаг и отпуская его, — и шагнул за дверь. Фонарик зажужжал под пальцами сталкера, и свет его, поначалу слабенький, стал ярче. Большое помещение без окон, в котором оказался Кайман, было совершенно пустым. Никаких рюкзаков тут и в помине не было.

Дверь за спиной сталкера закрылась. Провернулся в замке ключ.

Кайман попался в ловушку, попался так глупо, что ему захотелось врезать себе по морде. Он бы и врезал, будь в этом хоть малейший смысл.

32. Мышка, дом Красиловых

Известие о том, что Матвейки в деревне нет, напрочь вышибло Мышку из реальности — как стакан водки натошак. Девушка чувствовала все, что с ней происходит, но словно бы со стороны. Пока хозяйка вела ее куда-то, жалостливо приговаривая, Мышка думала только об одном — братика здесь нет.

Двенадцать лет Мышка была одержима идеей найти Матвейку. Вся ее жизнь подчинялась единственному импульсу. Вся ее реальность строилась на этом. А сейчас,

впервые за все эти годы, уверенность девушки была поколеблена — и ее мир затрещал и зашатался, угрожая рухнуть.

След, который выглядел таким явным, обернулся пустышкой. Но это было не самое ужасное. Почему Мышка обманулась? Потому что очень уж хотела найти брата. И вот когда девушка это поняла, ей стало по-настоящему страшно. Если она в этот раз приняла желаемое за действительное, то кто сказал, что она не обманывалась раньше? Все эти сны о Зоне, которые она считала доказательством того, что Матвейка жив, — что, если это всего лишь ее иллюзия? Самообман?

Всю свою жизнь Мышка жадно вылавливала отовсюду информацию о Зоне. Наложившись на детские воспоминания, на разговоры родителей и их друзей-сталкеров, эта информация могла просочиться и в сны. Почему нет? Так и должно было произойти. Наоборот, было бы странно, если бы Зона ей не снилась.

Когда Мышка вспомнила, что видела во сне затерянную долину, то посчитала это подтверждением того, что они на верном пути. А теперь она больше не была в этом уверена. Воспоминания, сны — очень ненадежная материя. А воспоминание о сне? Не смешите мой броник, как когда-то говорила мама.

Мама, мамочка, что же мне делать? Ты видишь, мамочка, я старалась изо всех сил. Я виновата, я позволила волчку утащить братика... Но я так хотела его найти, и обнять, и рассказать, как вы его любили, как я его люблю, чтобы он знал, что не потерялся... то есть потерялся, но не совсем, и я его искала и нашла...

Мышка поняла, что она плачет, только когда женская рука опустилась на ее голову и погладила по волосам, распушившимся после мытья. От прикосновения девушка разрыдалась взахлеб. О нет, Мария ничем не напомнила ей маму — хотя, пожалуй, женщины были примерно одного возраста... были бы, если бы Мышкина мама осталась жива. Но мама в Мышкиной памяти навсегда отпечаталась молодой, веселой, быстрой. А Мария выглядела усталой немолодой женщиной, отяжелевшей от забот. И все-таки рука, которая легла Мышке на лоб, была материнской. И сострадательно материнским был тихий голос:

— Бедненькая моя девочка... Плохо тебе, да? Скажи мне... Он тебя бьет?

— Чего-о?!

От изумления у Мышки даже слезы пересохли. Она отстранилась от чужой ласковой руки:

— Кто бьет? Вы о чем вообще?

Мария продолжала прижимать девушку к себе, не замечая, что той стала неприятна ее забота.

— Муж твой, Гена, бьет ведь тебя? Не бойся, скажи правду. Мы тебя защитим. Я знаю, сталкеры — они все порченые. Лезут в Зону, где зверья ненормального полно, и зачем лезут? Потому что они сами как дикие звери рыкающие. Хуже мутантов.

Мышка заглянула Марии в лицо и испугалась. Стекланные глаза, собранные гузкой губы и убежденность сомнамбулы. А ведь добрая тетя того, ку-ку! Основательно ку-ку. И не очень-то она добрая, если вдуматься. Просто ей от Мышки явно что-то надо.

Девушка стремительно возвращалась к реальности. Где она вообще? Тесная комнатка, двуспальная кровать, подушки в оборочках, безвкусное бра в виде букета цветов. Она смутно припомнила, что хозяин дома что-то втирал Кайману насчет того, что негде их устроить на ночлег вдвоем, придется спать порознь. Врал дядя! И к чему, интересно, все это вранье? А еще интереснее, где Кайман? Муженек, блин, названный, врезать бы ему за формулировочки! «В каких отношениях?» — «В интимных». Вот как въеду по шее чем-нибудь весомым, хоть бы и «винторезом», будет знать!

Кстати! Где их рюкзаки и, соответственно, где оружие? Тоже интересный вопрос. Как бы его задать поаккуратнее?

— Тетя... — она запнулась, но все-таки выговорила: — ...тетя Маша, а где мой...

— Муж?

Мысли Марии были нацелены в единственном направлении.

— Не волнуйся, девочка, он тебя больше не тронет. Тебе сколько лет, шестнадцать? И Никите нашему шестнадцать, пора жениться. Он и работающий, и ласковый, и порядочный, не то что твой изверг. Сталкеру жена без надобности, ему Зона вместо жены...

Тут хозяйку посетила новая идея:

— А твой, небось, ничего уже не может как мужчина, потому и бьет, да? Злость срывает? Точно! Рассказывали бабы, что радиация мужиков силы лишает.

— Да почему вы решили, что Кайман... что Гена меня бьет? — не выдержала Мышка. — С какой стати? Ничего подобного!

— Решили! — Мария рассмеялась тихим грудным смехом. — Ой, глупая ты, девочка. Да на тебе все во-от такими буквами написано!

Она ухватила девушку за плечо, содрала с нее платье, подтащила к зеркалу.

Ох, не зря Мышка в последнее время не жаждала особо разглядывать свое отражение. Черные синячищи от встречи с кровососом на Болоте покрывали всю шею, поднимались на щеки и сползали ниже ключиц, как экстравагантная татуировка. В оставленных монстром засосах при желании отчетливо угадывались следы пальцев. Картину довершали разномастные синяки и ссадины по всему телу — от давних ушибов еще времен тренировок на хуторке дяди Миши до свежесодранных при падении из «карусели» локтей и коленок.

— Говоришь, не бьет? — усмехнулась хозяйка, вложив в усмешку всю горькую житейскую мудрость. — Живого места на тебе нет, а ты все «не бьет»! Ох, бабы, бабы...

Кажется, переубедить Марию не удастся. Любые попытки Мышки объяснить, как все обстоит на самом деле, она спишет на стремление жены выгородить мужа. Тьфу, ёшкин кот!

А собственно, зачем ее переубеждать? Пускай себе остается при своих заблуждениях. И при своем распрекрасном сыночке, который за вечер ни слова не сказал, сидел молча как debil. Обрадовалась, тетя, что невестка с неба свалилась? Фиг тебе. Дайте только выбраться отсюда, из этой тошнотворной спаленки, дайте встретиться с Кайманом — только вы нас и видели! Сталкеры, говоришь, хуже мутантов? Так я сама сталкер во втором поколении!

Хотя вряд ли стоит говорить об этом хозяйке прямо сейчас. Сумасшедшим лучше не перечить. Пусть уверится, что Мышка ей благодарна по самое не могу. Пусть себе видит в ней будущую жену своего сына. Тогда Мышке будет легче покинуть этот чересчур гостеприимный дом. А то еще запрут, блин, в чулане с пауками, как Буратино! С этих станется. И где, плешь его побери, Кайман? Может, его как раз того, заперли?!

Надо пошевелиться.

— Тетя Маша, — выдавила девушка, — я устала ужасно. Можно, я спать лягу?

— Ой, ну конечно! — засуетилась Мария. — Вот, я тебе ночную рубашку из своих приготовила. Великовата, конечно, ты у нас худенькая...

У нас! Быстро же они ее к себе определили. Видать, сильно хозяйка хочет сына женить. Боится, что он рванет из дому в Зону, как сделал Везунчик в его возрасте? И не вернется обратно? Правильно боится. Если парень нормальный, его мутантами не запугаешь, скорее наоборот.

Вообще непонятно, чего они здесь сидят все, как мышь под веником? Ну допустим, сперва считали, что вокруг сплошная Зона с ужасами. Но теперь-то давно выяснили, что за Периметром целый мир, так что же их держит в Буряковке? Свой дом и огородик? Затерянная деревня — зона в Зоне, вложенная как матрешка в матрешку, добраться сюда ох как сложно... Кто напугал этих людей так, что они забились в самый дальний угол и боятся нос высунуть? Или не в страхе дело? Неважно. Мутные люди, странные, но Мышке до них дела нет. Пусть живут как живут. Она с ними жить не собирается.

Девушка старательно изобразила зевок — и тотчас зевнула еще раз, по-настоящему. Сейчас бы и правда поспать. Длинный был день.

— Спи, спи, а я пойду.

Мария, словно невзначай, прихватила свое платье, в котором Мышка провела вечер. У девушки из одежды осталась только ночная рубашка. Правда, хозяйкина ночная рубашка вполне могла сойти ей за плащ-палатку, и все равно, бежать в ней в Зону было бы опрометчиво. Как минимум надо взять с собой еще винтовку.

— Тетя Маша! — воззвала Мышка. — А можно мне мой рюкзак? У меня там, ну, мне надо...

Как назло, ей не приходило в голову ничего такого срочно необходимого, что есть в рюкзаке и чего нету у запасливой Марии. Хорошо, что у хозяйки была привычка думать за собеседника. О чем-то она себе догадалась и даже не стала озвучивать догадку, а сразу закивала:

— Хорошо, девочка, хорошо. Сейчас я Никиту кликну, он его принесет.

Платье она все-таки забрала. И, судя по всему, решила, что подобное свидание вписывается в ее брачные планы. Ночь, спальня. Таинственная гостья в одной сорочке. Распираемый возрастными гормонами юноша с рюкзаком... Мышка фыркнула. Да уж, если бы она и впрямь собралась затащить в постель хозяйского сына... в чем угодно, только не в хозяйкиной ночнушке!

Хм... а если соберется он? Мало ли что, лучше не намекать.

Когда в дверь постучали и на пороге появился смущенный Никита, действительно с Мышкиным рюкзаком на плече, девушка восседала на стуле, закутанная в шерстяной плед, как мумия — только кисти рук выглядывали.

— Присаживайся, — кивнула она на кровать. — Поговорим.

Парень опустил на пол рюкзак, бросил на постель неприязненный взгляд и остался стоять, подпирая притолоку.

— Мать мне все сказала, — буркнул он. — Дурацкая затея. Я на тебе не женюсь, и не мечтай.

— Отлично!

Мышка ощутила прилив душевных сил. Никита сразу показался ей втрое симпатичнее.

— Я за тебя замуж и не пойду, — быстро сказала она. — И здесь ни за что не останусь! Где Кайман? Ну, Гена где, мой напарник? Покажи нам, где выход. Мы даже утра дожидаться не станем, сейчас уйдем.

— Тут это, такое дело...

Чтобы добраться до рюкзака, Мышка выпросталась из одеяла. Девушка уселась на кровать, откинула клапан рюкзака, потянула за шнуровку. В вещах без нее никто не рылся — видать, не успели, занятые другими планами. И очень хорошо. Потому что «винторез» в ее руках сразу изменит расклад сил. Но винтовку еще надо собрать.

— Какое такое дело? — невнимательно спросила она.

Никита вдруг быстро распахнул дверь. Хозяйка попыталась принять независимый вид.

— А я тут мимо шла...

— Мама! — страдальчески заломил бровь Никита. — Ну врать не надо, а? И подслушивать — тоже! Пожалуйста, я тебя прошу!

— Да ладно.

Мария быстро обвела взглядом комнату, оценила Мышку в ночной рубашке на постели и благосклонно кивнула:

— Все-все, я уже ухожу. Вижу, у вас все хорошо.

Никита залился густой краской, щеки у парня сделались как спелые помидорины — вот-вот лопнут. Он демонстративно вышел из комнаты и подождал, пока мать уйдет.

— Я бы не выдержала, — откровенно сказала Мышка. — То есть это я бы на твоём месте не выдержала. А на месте твоей будущей жены я вообще свалила бы отсюда в темпе спринта.

— Вот и Каринка то же самое говорит, — буркнул Никита.

— Кто-кто? — живо заинтересовалась Мышка.

— Моя... ну... моя невеста.

Мышка оторвалась от рюкзака и с новым интересом посмотрела на парня.

— А матери она, значит, не нравится, твоя Каринка? При чем до того не нравится, что она готова тебя женить на первой же девице, которая вам на голову упала? Ну у вас тут и гадючник! Какого хрена вы с Каринкой здесь сидите, а? Кстати, сколько ей лет?

— Пятнадцать, — вздохнул парень. — Мы друг друга с рождения знаем.

— И что твоей матери так в ней не нравится? — удивилась Мышка.

— Так она ж дочка Петра Нечипорука! — выложил Никита с таким видом, словно это все объясняло.

— У которого на участке выход? — вспомнила девушка.

— Ну да!

Мышка на мгновение задумалась. Слушать все объяснения интриг, которыми жители деревни оплетали друг друга столько лет, — не то что до утра времени не хватит, а зазимовать тут придется.

— Значит, ты ведешь нас с Кайманом к выходу, а по дороге рассказываешь, что к чему, — решила она. — Можем забрать твою невесту и свалить отсюда все вместе. Короче, ты пока подумай... и посторожи за дверью, ладно? Если твоя мать появится, скажешь, что я при тебе раздеваться стесняюсь.

Никита прыснул, затем посерьезнел..

— А зачем за дверью?

— Ну, во-первых, мне надо переодеться, а я при тебе раздеваться стесняюсь, — строго сказала Мышка. — А во-вторых, чтобы никто не увидел вот это.

И она достала из рюкзака разобранный «винторез».

33. Сталкер Кайман, затерянная деревня

Шли осторожно, поэтому не слишком быстро. Тьма вокруг была кромешная, абсолютная, как под землей. Как в том проклятом подвале, откуда Мышка выпустила Каймана, после чего помешала сталкеру отколотить Никиту. Кайман быстро остыл, но особой симпатией к парню не проникся.

Небо, сплошь затянутое тучами, было непроглядно черным. Даже в Зоне по ночам не бывает настолько темно. В домах не светило ни одно окно, так что жилые ничем не отличались от нежилых. Никита, наверное, мог бы пройти по родной деревне и в темноте, но ни Кайман, ни Мышка не были способны на такой трюк. Поэтому приходилось подсвечивать себе фонариками. Светили под ноги, двигались под заборами — в общем, пытались добраться до цели незамеченными.

В любой нормальной деревне их давно бы услышала и облаяла первая же дворовая собака на пути, и прочие псы подхватили бы лай, изобличив чужаков. Но в Зоне обычные собаки не выживали — только слепые мутанты и чернобыльские псы, которые вообще были родней волкам, а не собакам. Поэтому в Буряковке дворовых сторожей не водилось. Прямо сейчас это играло на руку беглецам.

Они пересекли деревню и оказались с противоположной стороны от того места, где прошлым вечером Кайман и Мышка вошли в Буряковку под конвоем. Дома закончились, дальше лежали поля и огороды.

— А эти ваши Нечипоруки, что ли, не в деревне живут? — негромко поинтересовался сталкер.

Оказалось — и впрямь не в деревне. В двух шагах от нее, но на отшибе.

— Вон их окна за деревьями светятся, — показал Никита. — Видите?

— И почему они отдельно поселились? — полюбопытствовала Мышка. — Мало ли что... та же химера, скажем?

— Потому что куркули, — мрачно сказал Никита. — И с самого начала они такие были, себе на уме.

— Рассказывай, — велел Кайман, — пока через эти буряковые поля будем топать. Тут-то можно с фонариками? Если у ваших местных куркулей в доме свет горит, вряд ли они нас заметят.

— Можно, — кивнул парень. — Только это не буряки, а картошка.

— Что буряки, что картошка — один хрен, — махнул рукой сталкер. — В борще я их еще различаю, но в земле — нет уж, спасибо.

К счастью, Никита не унаследовал отцовской обстоятельности в речах. Поэтому, пока они пересекали картофельное поле, он успел коротко изложить историю великого противостояния семьи Красиловых и клана Нечипоруков.

Братьев Нечипорук было трое — Петька, Славка и Родион. В туристической группе, которая застряла в деревне после аномальной катастрофы 2006 года, Родион и Славка были сопровождающими от турфирмы, а Петька увязался с ними за компанию. Когда стало понятно, что Буряковка отрезана от мира и покинуть ее никто не может, Нечипоруки моментально наложили лапу на все запасы консервов и имущество турфирмы. Поначалу, пока еще не отмерли цивилизованные привычки, это даже показалось людям логичным — в конце концов, они же сотрудники и представители. Позже, когда стало ясно, что бесплатно делиться запасами и заботиться о бывших туристах Нечипоруки не намерены, их попытались раскулачить. Но к этому моменту занятая братьями усадьба уже была вполне способна выдержать осаду сельчан.

Все трое быстро отхватили себе жен из ограниченного выбора невест — ясное дело, в группе туристов девушек было немного. И в Буряковке образовались две враждующие группы, богатенькие Нечипоруки и обалдевшие от их наглости аборигены Красиловы. Кто-то из бывших туристов примкнул к одной стороне, кто-то к другой. Пока выхода в большой мир не имелось, борьба шла за ресурсы для выживания — еду, семена и инвентарь, землю. Когда же Родион и Славка, копая колодец у себя на участке, докопались до прохода, ведущего из пространственного кармана в Зону, соперничество пошло на новый виток.

— Что ж они, не пускали народ к выходу? — удивился Кайман. — А им самим какая радость тут сидеть? Как только этот, как его, через «карусель» вернулся...

— Петр, — кивнул Никита.

— Неважно, — отмахнулся Кайман. — В общем, как только стало понятно, что к чему, детишек в охапку — и деру отсюда! А вы остались. Нет, парень, чего-то я в вашей местной жизни крепко не понимаю.

— И я, — поддакнула Мышка.

Никита насупился и некоторое время молчал, затем вздохнул.

— Ладно, я вам все расскажу, нам с Каринкой по-любому ваша помощь нужна. Чтобы отсюда выбраться, а потом из Зоны. Только вы обещайте, что поможете нам. Ладно? Мы заплатим.

Сталкер присвистнул.

— Да чем ты заплатишь, парень? Ты ж, небось, и денег в руках не держал! Вы же здесь дикие, как аборигены Сандвичевых островов до появления Кука! Ни мобилок, ни интернета. Телевизора и того нет.

— Это у нас дома ничего нет, — мрачно сказал Никита, — потому что у отца пунктик. А у других все есть. У богатых Нечипоруков вообще что угодно есть. Проектор на всю стену кино показывает, а фильмы они раз в месяц на флэшках получают самые свежие.

Кайман почесал в затылке.

— Ну, допустим, я могу представить, как вам устроить доставку чего угодно, лишь бы оно пролезло в «карусель», — заметил он. — Зашвырнуть в аномалию сверток, желательно компактный, но тяжелый, а здесь его принять в сетку. Но чем вы взамен расплачиваетесь?

— Артефактами, — просто сказал Никита. — Может, вы заметили, как нежилые дома «жгучим пухом» обросли? Так его на самом деле еще больше, чем кажется. Целые плантации. Большая часть нам принадлежит, Красиловым. После выброса мы уйму всего собираем — «колючки» всякие разные, «морские ежи», «трезубцы»... «Гром-звезда» иногда попадает, я сам однажды нашел!

— Я про такую даже не слышал, — честно признался сталкер.

— Это потому что у нас плантации старые, не порушенные, — со знанием дела пояснил парень. — «Жгучий пух» с возрастом крепчает. Ну, скажем, как виноградная лоза.

Кайман только крикнул, слышав такое сравнение.

— А если плантации вам принадлежат, почему тогда Нечипоруки богаче? — заинтересовалась Мышка.

— Так они пошлину берут с отправки каждого арта! — возмущенно сказал Никита. — Куркули-монополисты, мать их!

Сталкер не сдержался и захохотал.

— Извини, — сказал он, отсмеявшись, — это я от неожиданности. С первого взгляда у вас тут глушь несусветная. А выходит, все как везде. Ничем вы не отличаетесь от цивилизованного человечества. Пошлина, проценты, частные владения, конкуренция... В Зоне и то попроще дело обставлено. Свободная охота, что нашел — то и твое. Ладно, я понял, деньги у тебя есть...

— Денег у меня как раз нет, — с достоинством сказал Никита. — У меня есть пароль от банковского счета. Мы с Каринкой давно готовимся свалить... А вот мы и пришли.

После всего услышанного Кайман уже не удивился тому, что куркульская усадьба была обнесена земляным валом, по верху которого змеилась колючая проволока в несколько рядов.

— Проволока под током? — уточнил сталкер. — Как будем перебираться, есть соображения?

— Есть ключ от калитки.

Никита уже достал ключ и набирал дополнительные цифры на кодовом замке.

— Беру обратно свои слова насчет островов до приезда Кука, — покался Кайман. — У вас тут вполне современные Гавайи. Теперь еще скажи, что выход в Зону отделан итальянской кафельной плиткой и по нему проложен монорельс.

— Коридор, который ведет в Зону, — это тесная кишка с земляными стенками, — серьезно отозвался парень. — Взрослый человек там едва пролазит. И Петр говорит, что расширить его нельзя. Если нарушить стенки пуповины, проход может схлопнуться. А другого выхода пока не нашли.

Дверь открылась с тихим щелчком. Никита приложил палец к губам и погасил фонарик, но Кайман с Мышкой в напоминании не нуждались. Может, парень и бывал здесь неоднократно, но сталкер с девушкой явно чувствовали себя незваными гостями на чужой территории. Кайман держал автомат наготове, но твердо решил в случае чего решать дело миром. Ну, максимум уронить кого-нибудь мордой в землю, но стрельбу не открывать.

Никита повел их вдоль забора, обходя далеко стороной двухэтажный особняк, в котором светились окна. Сталкер в очередной раз порадовался тому, что его обычно огорчало, — отсутствию в Зоне собак.

Над входом в пространственный лаз хозяева участка выстроили небольшой павильончик. Само собой, дверь его была закрыта на замок.

— Ждите, — Никита снял рюкзак. — Я за Каринкой.

Мышка молча поставила свой рюкзак рядом с его и опустилась на землю сама, прислонившись спиной к стене павильона. Кайман тоже сел и озабоченно подумал, что скоро закончится действие стимуляторов, и они с Мышкой просто вырубятся. Хорошо бы к этому моменту оказаться в безопасном месте, насколько это возможно.

— Мышонок! — окликнул он девушку. — Ты как?

Она не отвечала. В темноте было трудно различить даже контуры ее фигуры. Сталкер подался вперед, и неожиданно Мышка оказалась совсем рядом, он почувствовал у себя на щеке ее дыхание.

Пришлось целоваться.

Глава седьмая. Самостоятельный поиск

34. Мышка, подземная нора

Последние метры узкого лаза дались ей с особенным трудом. Пожалуй, прыжок в «карусель» был приятнее — и уж во всяком случае быстрее. Хотя Мышка ни за что бы не согласилась его повторить. А это путешествие по подземной кишке — тем более.

Девушка в очередной раз толкнула перед собой рюкзак, и тот вдруг вывалился наружу. Пара решительных движений — и она вслед за рюкзаком оказалась в небольшой пещере, которая по сравнению с лазом выглядела просторной.

Пещера была природной, хотя человек здесь тоже приложил руку. Фонарик, закрепленный на голове девушки, осветил низкий каменный свод и два проема, один из которых был укреплен цементом. Ходы вели в разные стороны. Мышка сдвинулась вбок, потому что из выходного отверстия лаза показался рюкзачок Карины, а за ним выбралась и она сама. Джульетта из Буряковки, как ее про себя окрестила Мышка, была с головы до ног перемазана в грязи. Надо полагать, сама Мышка выглядела не лучше. Некоторое время девушки разглядывали друг друга, потом одновременно отвернулись. Еще с той стороны, на территории Нечипоруков, Карина сразу не понравилась Мышке — и, кажется, антипатия была взаимной. Ну и черт с ней. Делить им нечего.

Из лаза выбрался облепленный землей и громко пыхтящий Никита. Одновременно с ним в укрепленном цементом проеме появился Кайман, на ходу перезаряжая «эф-эн».

— Выход наверх — здесь, — мотнул он подбородком в ту сторону, откуда пришел. — Но до утра мы наружу соваться не станем. Собаки поблизости точно есть, я слышал, как они воют. Наверняка и кто-то похуже бродит. Вы пока побудьте тут, а я гляну, что там в другом коридоре.

Через несколько минут сталкер вернулся и махнул рукой, чтобы все шли за ним. Проход через десяток шагов разветвлялся.

— Здесь все равно, налево идти или направо, — обернулся Кайман. — Это петля.

Коридор вскоре резко расширился, и они оказались в подземной камере, вытянутой в длину. Вероятно, это тоже была естественная пещера, но над ней основательно поработали. Неровности стен были превращены в полки наверху и скамейки внизу. Трещина, ведущая наверх, судя по следам копоти, служила дымоходом. Рядом с обозначенными кусками камня очагом были сложены дрова для костра. И самым большим подарком оказались пластиковые фляги с водой.

— Где-нибудь здесь и посудина должна быть, — заметил Кайман. — Чтобы чай вскипятить. Что скажешь, Карина? Это ведь ваш человек нору оборудовал? Тот, кто артефакты по эту сторону туннеля принимает?

Карина медленно кивнула. Она вообще все делала неторопливо, выглядела в свои пятнадцать лет старше Мышки и внешне была ее полной противоположностью — темноволосая, кареглазая, крепко сбитая, одного роста с Никитой.

— Да. Это Юрчик, мой двоюродный брат.

— Конечно, — усмехнулся Кайман. — Разве можно такое ответственное дело доверить не родственнику?

— Нельзя, — степенно согласилась Карина.

С чувством юмора у нее, как и у Никиты, было туговато. Серьезно их воспитали в затерянной деревне.

— Значит, ищите с Никитой, где твой брат чайник приныкал, — распорядился сталкер. — Я костром займусь. А ты, Мышонок...

— А я отлучусь, — независимо сказала Мышка. — В кустики.

— Только наружу не высывайся! И винтовку возьми.

— Угу.

Девушка честно не стала выбираться наверх. Миновала пещеру, куда выводил пространственный лаз, прошла немного вглубь второго коридора. Когда она уже возвращалась, замигал и погас ее фонарик. Мышка двинулась на ощупь, придерживаясь рукой стены. Шага через три она остановилась с отчетливым ощущением, что впереди кто-то есть.

Фонарик мигнул и снова засветился — слабенько, вполсилы. Черный Сталкер Шухов по прозвищу Рэд кивнул Мышке:

— Здравствуй, Линочка. Рад видеть, что с тобой все в порядке.

Девушка через силу улыбнулась ему.

— Здравствуй, дядя Дима. Не знаю, в порядке ли. Но я жива, это точно. А вот найти Матвейку у меня пока не получилось. Я даже стала сомневаться...

Она не закончила фразу, потому что поперек горла стал комок.

— Эх, Линочка, Линочка, — пожурил ее Черный Сталкер. — Я ведь говорил тебе, что твой брат жив. Разве ты забыла?

— Забыла... — потрясенно прошептала Мышка.

Предыдущий разговор с Шуховым отчетливо всплыл в памяти девушки, чуть ли не слово в слово. И сразу, как тогда, занемели ладони и ступни, хотя на этот раз она не стояла босыми ногами на бетонном полу. Противный холодок пополз от конечностей вверх, распространяясь по телу.

— Есть у моих слов такое свойство — забываться, — огорченно сказал Шухов. — Ты себя не вини. А еще со мной рядом нельзя долго находиться. Сердце остановится — и все, привет. Так что я на минутку. Спасибо, Линочка, что выполнила уговор. Выполняю и я. Координаты тайника с артефактами уже в твоём наладоннике.

— Спасибо тебе, дядя Дима!

Мышка инстинктивно подалась вперед, и Черный Сталкер поспешно отодвинулся, выставил вперед ладонь:

— Не подходи! Не надо.

Девушка замерла на месте. Ей и вправду стало нехорошо. Вместо сердца в груди ощущалось словно бы пустое место. Шухов грустно усмехнулся.

— Сказал бы мне кто, что придется вот эдак шарахаться от юной красотишки для ее же блага... м-да... Ладно, о деле. Тайник принадлежал твоим родителям. Я, правда, кое-чего туда добавил от себя, но, по большому счету, это ваше с братом наследство.

— Ой!

Мышка даже зажмурилась, слишком уж хорошо это звучало. Теперь она сможет предъявить Кайману настоящий клад Бюрерши! Не надо будет признаваться сталкеру, что она ему лгала. Шухов помог Мышке сдержать слово, сделал так, что ее ложь обернулась правдой. А ведь она не посвящала его в такие подробности. Догадался Черный Сталкер сам или так случайно совпало? Лучше не выяснять.

А Шухов продолжал:

— Ты найдешь в ПДА координаты еще одной точки. Побывать там или нет — это твое дело. Знаешь, иногда плоские картинки говорят больше, чем объемные. И не реви из-за того, что было. То, что случилось, уже случилось.

— Дядя Дима! — возмутилась Мышка. — Я уже не маленькая девочка!

— Вот и твой брат не такой маленький мальчик, как ты о нем думаешь.

Шухов неожиданно подмигнул ей.

— Не вешай нос, мышонок! Все проще, чем тебе кажется. Если что, извини за коленку. И держи винтовку поближе к тарелке.

— Какую коленку? И что?..

Мышка не успела договорить. Фонарик, который в присутствии Черного Сталкера светил все слабее и слабее, погас окончательно. Девушка окликнула Шухова, но он не отозвался.

Добираться обратно ей пришлось в темноте. Уже на последних метрах пути она споткнулась, и хотя сумела не растянуться во весь рост, коленку все-таки расшибла. Ёшкин кот! А ведь Шухов предупреждал. До Мышки наконец дошло, что Черный Сталкер ничего не говорит понапрасну. Записать, что ли, его слова, чтобы ничего не забыть?

В дальней пещере горел костер. Дым частично утекал вверх по расселине, а частично оставался внутри, ел глаза и заставлял кашлять — но зато в подземной камере стало уютно и тепло. Девушка уселась на расстеленный спальник, положила рядом «винторез», протянула ледяные руки к огню. Судя по всему, в нычке нашелся не только чайник. Чайник, впрочем, тоже имелся — стоял на самодельной подставке из железных прутьев, и языки пламени вылизывали его закопченные бока. На куске брезента, выполнявшем роль скатерти-

самобранки, исходили аппетитным паром вскрытые армейские рационы — если верить надписям, ооновские.

— Рагу из кролика, — с удовольствием объявил Кайман. — А также тосты с гусиным паштетом и прочие деликатесы. Очень вовремя! А то что-то жрать захотелось не по-детски.

Мышка с удивлением поняла, что тоже проголодалась. Некоторое время все молча жевали, запивая еду растворимым кофе со сгущенкой.

— Теперь расскажите, сладкая парочка, почему вы так уверены, что за вами погони не будет? — сказал наконец Кайман, вытирая губы тыльной стороной ладони. — А то я на той стороне не понял. Я вам верю, но хотелось бы знать подробности.

— Я забрала все ключи от сарая, где начинается проход, — ответила Карина. — И оставила отцу записку, что верну их через Юрчика. Это Юрчик здесь всем заведует.

Она обвела рукой помещение.

— А если вынести нафиг дверь в сарай? — прищурился сталкер. — Или папашу жаба задавит?

— Дверь очень прочная, — поджала губы Карина. — Там у нас вообще все очень прочно сделано.

Кажется, замечание про жабу ей не понравилось. Наверное, Кайман угадал в точку.

— Ну хорошо, — примирительно сказал сталкер, — я...

Чайник, который пыхтел на костре со второй порцией кипятка, вдруг перевернулся. Никто не понял, как это произошло. Кипяток вылился на огонь, костер зашипел, повалили клубы пара. Чертыхаясь, вскочил на ноги Кайман, сидевший ближе всех, — его обдало брызгами. Пламя погасло, лишь раскаленные поленья в наступившей тьме местами светились багровым жаром.

Мышка подорвалась с места, машинально схватив лежавшую рядом винтовку. Кто-то включил фонарик, но ничего толком не было видно — клубы едкого дыма заполнили пещеру. А в следующий миг чайник, словно пушечное ядро, вылетел под углом из бывшего костра и рванулся к потолку. Не долетев до свода пещеры, он резко развернулся и полетел Мышке в голову. Девушка упала на пол. А в людей уже летели тлеющие поленья, заготовленные для костра дрова и все остальное.

— Это полтергейст! — заорал Кайман. — Головы берегите!

Мышка заметила под потолком нечто странное — электрический клубок вроде шаровой молнии, от которого словно бы уплотнившийся воздух расходился концентрическими волнами. В дыму это смотрелось особенно наглядно. Не тратя ни мгновения, девушка вскинула «винторез» и выстрелила прямо в электрическую сердцевину.

Все пули ушли в цель, но полтергейст был живуч. Он дернулся вниз, тотчас прыгнул вбок, и в Мышку полетела металлическая рама, служившая подставкой для чайника. Таким снарядом вполне можно было убить человека. Девушка в последний миг увернулась, и железная конструкция с грохотом врезалась в стену.

Заработал «эф-эн» Каймана. Сталкер бил экономными очередями. Полтергейст крутился по пещере, как взбесившийся ураган, и осыпал людей градом разных предметов. По-прежнему ничего толком не было видно из-за дыма. Ойкала Карина. Ругался Никита. Мышка расстреляла весь магазин, а найти рюкзак с запасным было нереально.

Наконец Кайман выпустил еще одну очередь, и после нее стало тихо. В воздухе больше не летали поленья. Наделавший столько переполоха чайник, весь помятый, валялся под стенкой. Электрический полтергейст исчез. У самого выхода на полу лежало скорченное тельце мутанта, страшное и жалкое одновременно. Существо было похоже на ребенка, страдающего дистрофией и водянкой мозга — раздутый череп, высохшие ручки-ножки. Мышка присмотрелась к нему с брезгливым любопытством. Трудно было поверить, что этот крошечный уродец вел с ними бой при помощи телекинеза. Сталкер завернул тельце в кусок брезента, чтобы попозже вынести вон.

Включили все уцелевшие фонарики. Пещера являла собой разительный контраст тому почти домашнему уюту, какой царил здесь лишь несколько минут назад. Все вещи были разбросаны, перепачканы и покрыты пеплом и сажей от костра.

— М-да, — буркнул Кайман. — Бедный Юрчик. Кажется, мы здесь насорили.

Никита с Кариной облегченно засмеялись. Кайман обнял Мышку.

— Ты молодчина, Мышонок! Если б ты не подбила гаденыша в самом начале, мы бы так легко не отделались. Хорошо, что ты держала винтовку под рукой.

У девушки чуть было не сорвалось с языка: «А мне Шухов подсказал», но она вовремя спохватилась. Еще не хватало опять поссориться с Кайманом из-за Черного Сталкера. Ревнует ее Кайман к призраку Зоны, что ли? Мысль эта была даже чуточку приятной.

— Придется сторожить вход, — подытожил сталкер. — Мало ли кто к нам еще решит заглянуть на огонек? Ложись спать, Мышонок, хоть на пару часов. До рассвета нам все равно здесь оставаться.

Мышка не стала возражать. Собственно говоря, на возражения у нее уже не было сил. Она заснула мгновенно, и ей приснился Болотный Доктор, беседующий с химерой. Во сне девушка знала, что химера, как легендарный сфинкс, загадывает человеку загадку. Не отгадавшего — убивает, отгадавшему отвечает на любой вопрос. «Зачем мы Зоне? — спросил Доктор. — Для чего Зона зовет нас?» И правая голова химеры ответила ему, но Мышка не расслышала ответа.

35. Сталкер Кайман, дорога к Горелому урочищу

К полудню Кайман вывел свой отряд на участок старой асфальтированной дороги, ведущий в нужном им направлении. Никита с Кариной и впрямь хорошо подготовились к побегу — у них были комбинезоны, продукты, оружие и даже наладонники, которыми они совершенно не умели пользоваться, поскольку в Буряковке связь не работала. Подростки рассчитывали идти сами, без провожатых, потому и медлили, собирая в дорогу все возможное. С Кайманом и Мышкой им просто сказочно повезло.

Пока Мышка спала, сталкер расспросил ребят и выработал для себя план действий. Он проводит их до Горелого урочища, где в бывшем населенном пункте Калиновичи есть база вольных сталкеров, и договорится насчет провожатого. Конечно, подростки хотели, чтобы Кайман сам вывел их из Зоны. Никита сопел как еж, Карина бросала на сталкера томные взгляды, но Кайман был непошибаем.

В Зоне он всегда полагался на интуицию даже больше, чем на рациональные соображения, а интуиция крепко не велела ему вести буряковских ребят к дяде Мише. Выводить же их через Периметр в опасном месте, где вооруженная охрана стреляет и запросто может убить, сталкеру и вовсе не улыбалось. Нет уж, он доведет Никиту с Кариной до базы, он найдет им надежного человека, который возьмется за доставку парня и девчонки в большой мир, а там организует им помощь на первых порах. Паспорта им, к примеру, понадобятся? Вот то-то же.

Было еще одно обстоятельство, которое не позволяло Кайману заняться сопровождением подростков за Периметр, несмотря на то что они предложили сталкеру назначить любую цену. Обстоятельство прямо сейчас топало по противоположной обочине дороги, с такой небрежной уверенностью придерживая локтем «винторез», что Кайман даже залюбовался.

Ох, Мышонок, Мышонок... Что ты станешь делать теперь? Продолжишь безнадежные поиски брата или откажешься от этой затеи?

Сегодня с утра девушка была погружена в свои мысли. Даже не спросила, куда Кайман их ведет. Сталкер честно не знал, чего ждать от Мышки. Зато более-менее понимал про себя.

Он влюбился. Ёшкин кот! За три с небольшим недели их знакомства он привязался к этому белокрысому чучелу. Поздно давать обратный ход. Замечательные защитные структуры психики, позволявшие Кайману целых шесть лет воспринимать женщин строго функционально, развалились вдребезги. Он хочет видеть Мышку не только в постели — хотя в постели, конечно, тоже. Но из случайной подруги на одну ночь девушка превратилась сперва в нанимательницу, а потом в напарницу. Напарница в Зоне — это, пожалуй, посерьезнее, чем жена за Периметром.

Не зря Кайман всегда считал, что женщинам в Зоне не место. Вот, пожалуйста, изменил всего один раз своим принципам, взял девчонку в Зону — теперь изволь менять всю свою жизнь.

А все Везунчик виноват! Если бы он не бросил сталкерский промысел и не отправился на поиски родни, странствия Каймана и Мышки оказались бы куда короче. Как минимум в затерянную деревню они бы не полезли. Да, кстати. Раз уж он идет в компании односельчан Везунчика, неплохо бы узнать кое-что полезное о напарнике. А то, как оказалось, Кайман знаком с прошлой жизнью Тима весьма поверхностно.

— А скажи-ка, — обратился сталкер к Никите, — ты Тимофея хорошо знал?

— Ну, знал. А что? — заинтересовался парень. — Вы все-таки его искали?

Оживилась и Карина, которая до сих пор толком не знала, зачем Кайман с Мышкой появились в Буряковке.

— Которого Тимофея? Старшего Красилова?

— Нет, приемного сына Лымарей, — пояснил ей Никита.

— Приемного? — удивился Кайман.

У него появилось странное чувство из разряда дежа-вю. Еще у Доктора на Болоте они говорили о том, что мальчика из затерянной деревни могли усыновить, подразумевая при этом Мышкиного брата. Оказалось, что мальчиком из затерянной деревни был Везунчик. Но Кайман никогда не знал, что родители Тима были приемными. Черт побери, ну почему Мышка разыскивает младшего брата, а не старшего? Похоже, Везунчик отлично подошел бы на эту роль. Вот только он на шесть лет старше искомого Матвейки, и если по воспоминаниям двинутого Доктора и невнятным слухам еще можно перепутать четырнадцатилетнего пацана с двадцатилетним парнем, то в реальности — никак нельзя.

Погодите-ка, но если Тим приемный сын, какую такую родню он отправился разыскивать? Ну, либо родственников своих усыновителей, либо свою кровную родню, что вернее.

— Ну да, приемного, — подтвердил Никита.

— А он сам-то знал, что не родной? — спросил Кайман.

Никита озадаченно почесал в затылке.

— В детстве, может, и не знал, — сказал он по размышлении. — Я вообще-то мелкий был, такими вещами не интересовался. Но когда Лымарей химера убила, взрослые столько об этом судачили, что мелкота тоже его историю выучила наизусть. Так что, когда Тимка вернулся, тут уж ему точно все рассказали.

Парень скорчил такую рожу, будто жевал дохлую гусеницу.

— Чего скривился? Зубы болят? — поинтересовался сталкер.

— Да глупые мы тогда были, — неохотно сказал Никита. — Играли в химеру и охотников... Ну что с шестилеток возьмешь? А Тимка сразу драться лез. Ему эта химера всю жизнь изувечила, а тут мы со своими играми... В общем, он тогда нас невзлюбил, а мы его.

— Я думаю! — хмыкнул Кайман.

Да, кажется, он теперь будет лучше понимать замкнутый характер своего напарника. И уж окончательно прояснилось, почему Везунчик не рвался навестить родные места. Мало того, что проход в деревню в высшей степени опасен, так еще и воспоминания у него остались самые мрачные и скверные. Пожалуй, когда Тим вернется, Кайман даже не станет ему рассказывать, что они с Мышкой побывали в Буряковке...

Хотя нет, какое там! Все равно придется посвятить Везунчика во всю историю поисков. Как еще они с Мышкой поладят, тоже вопрос.

Ёшкин кот, о чем он думает? Ну прямо собирается знакомить будущую жену со своей семьей!

А что, хорошая аналогия. Разве есть у сталкера другая семья? Только такие же одержимые Зоной, как он сам. Как поется в сталкерской песне, «мама — аномалия, папа...»

Что-то шевельнулось в придорожных кустах. Кайман среагировал быстрее, чем успел закончить мысль. Брызнули под пулями ветки и жухлая листва, и на дорогу вырвался кабан.

Сталкер продолжал стрелять, пока огромная туша не рухнула на асфальт. Кусты затрещали, кто-то еще ломился сквозь них к людям. Еще один кабан, или даже не один?

— Назад! — скомандовал сталкер подросткам.

Мышке отдельных команд не требовалось. Как только жуткое рыло второго кабана показалось из кустов, его встретил сдвоенный огонь из автомата и винтовки. Зверюга завалилась набок, кровь растеклась из-под туши, как соус-барбекю. Кайман потянулся перезарядить «эф-эн», и в этот миг на дорогу выпрыгнула химера.

«Накликали», — мелькнуло у сталкера.

Самый страшный из монстров, истинный ужас Зоны, двухголовая химера соединяла в себе чудовищную быстроту и невероятную силу.

Генетические эксперименты снабдили ее двойной системой внутренних органов и дополнительной нервной системой. Ночью, в лесу, на пересеченной местности встреча с химерой — это практически верная смерть. А днем, на дороге?

Прыжок твари не был красивым и грациозным. Он был попросту страшным. Химера тяжело приземлилась на тушу кабана. Огромные когти ножами взрезали кожу и впились в уже мертвую плоть. На короткую долю мгновения Кайман встретился глазами с правой головой химеры. В ее взгляде была концентрированная ненависть такой силы, что по сталкеру словно пропустили электрический ток.

Королева Зоны охотилась. Люди прикончили ее добычу. Люди будут уничтожены.

Мышка выстрелила. Пуля угодила точно в глаз левой головы. Химера взвыла и бросилась на девушку. Кайман, наконец-то дослав магазин, выпустил очередь в открывшееся ему на миг брюхо твари. Мышка метнулась на обочину, за дерево, и продолжала стрелять в монстра практически в упор.

Сталкер бросился к ней, пытаясь в то же время не попасть под пули. С двух шагов он всадил в правую голову химеры очередь из «эф-эна».

Тварь грузно осела на землю. Ненавидящий взгляд химеры последним усилием скользнул по Кайману, и глаза ее подернулись пленкой.

Мышка, бледно-зеленая с лица, обняла ствол сосны и переживала обморочную слабость. Позади Каймана раздавались странные щелчки. Сталкер обернулся. Побагровевший Никита дергал автомат, пытаясь снять оружие с предохранителя. Карина, вцепившаяся в его плечо, честно закрыла глаза и не собиралась открывать. Все происшествие заняло считанные секунды.

Сталкер шагнул к Мышке, обнял девушку левой рукой, прижал к себе. Автомат он продолжал держать наготове.

— Кайман! — Мышка отпустила дерево и прильнула к сталкеру. — Ну ни хрена ж себе, ну ёшкин кот!

Кайман беззвучно рассмеялся. Его тоже слегка трясло от пережитого. Поэтому сталкер вздрогнул, когда к северу от дороги раздался выстрел. Слегка отстранив девушку, он вытащил ПДА. Плюс-минус в их направлении двигался отряд сталкеров. Зеленые точки свидетельствовали, что идут свои. Близость базы в Горелом урочище, куда направлялся Кайман с компанией, подсказывала, что свои могут быть оттуда.

Сталкер отдал автомат Мышке.

— А ну, на минуточку!

Пальцы его быстро пробежались по клавишам ПДА. Наладонник обращал ключевые буквосочетания в осмысленные слова: «Здесь Кайман, вызываю отряд из Горелого урочища. Мы на дороге южнее вас, убили химеру, остались без патронов».

Ответ пришел мгновенно: «Здесь Чингачгук, идем к тебе, бледнолицый брат».

Кайман облегченно выдохнул. Сталкер по прозвищу Чингачгук был двинутым на всю голову, но вполне надежным мужиком. Он сделал из своей жизни в Зоне ролевую игру по мотивам Фенимора Купера — выделял шкуры мутантов и шил мокасины, носил ожерелье из клыков, изъяснялся на умопомрачительном жаргоне и слыл одним из лучших снайперов Зоны.

— Сейчас к нам мужики присоединятся, — обрадовал Кайман своих.

Никита оставил автомат в покое. Карина открыла глаза, увидела химеру и кабанов, ойкнула и закрыла. Мышка вернула сталкеру «эф-эн».

Через несколько минут на дороге показался отряд Чингачгук.

— Фигассе! — тихонько пробормотала Мышка.

— Скажи, силен мужик? — одобрительно откликнулся Кайман.

Сам Чингачгук был в полном боевом прикиде — головной убор из вороньих перьев, узор на щеках, меховая жилетка поверх комбинезона, ожерелье и прочие фенечки. В ушах у него в качестве серег болтались кристальные колючки. Мало кто из сталкеров носил артефакты прямо на теле, и уж никто больше, насколько было известно Кайману, не делал этого столь варварски и харизматично. Два молодых сталкера — надо полагать, отмычки Чингачгука — старательно копировали вождя, но лишь оттеняли производимый им эффект.

— Здравствуй, бледнолицый брат Кайман! — возгласил Чингачгук. — Хорошая добыча.

Даже не глянув в сторону убитых кабанов, сталкер наклонился к труп химеры и прищелкнул языком при виде пули, пробившей глаз левой головы.

— Меткий выстрел! Я вижу, бледнолицый брат Тим вернулся на тропу войны, и ружье его бьет без промаха. Здравствуй, брат!

Мышка прыснула. Кайман бросил на нее строгий взгляд, но тут же понял, что с маскировкой покончено. Ах черт! Если они собирались на базе в Горелом урочище выдавать Мышку за парня, надо было как минимум предупредить Никиту с Кариной. Сталкер мысленно выписал себе за раздолбайство по горчицику на каждое ухо и перестал заморачиваться.

— Разуи глаза, Чин, — дружелюбно сказал он. — Это не Везунчик, это Мышка. Моя новая напарница. Но стреляет она и правда не хуже Тима.

— О! Чингачгук потрясен дважды, своей слепотой и талантом бледнолицей скво. Прими мое восхищение, достойная Мышь, да хранит тебя твой тотем.

Сталкер склонил перед Мышкой голову, увенчанную вороньими перьями. Затем обратил пристальный взгляд на Каймана.

— Чингачгук думал, что скорее реки потекут вспять, чем его друг Кайман приведет скво в наши прерии. Что произошло?

Кайман ухмыльнулся.

— Не одну скво, а двух. Обернись, Чин.

Чингачгук обернулся и увидел Карину. А Кайман впервые увидел, как вождь краснокожих вышел из образа.

— Охренеть, мужики! — честно сказал Чингачгук.

36. Мышка, тайник Бюерши

С Никитой и Кариной расстались без сожаления. Во всяком случае, Мышка вздохнула свободнее, когда они с Кайманом опять оказались вдвоем. Да и сталкер, похоже, был рад сбросить с себя лишнюю обузу.

Вечером на базе Кайман отправился бухать с местными, захватив с собой Никиту. Девушек они оставили в комнате. Мышка даже не стала разговаривать с Кариной, предпочла разобрать и как следует вычистить «винторез». Кайман вернулся изрядно выпивший и довольный, принес с собой никакого Никиту, заботливо устроил его в санузле блевать и сообщил Карине, что нашел надежного человека им в провожатые. Надежный человек объявился поутру, явственно страдая от того же похмелья, которым чудовищно маялся непривычный Никита и умеренно — опытный Кайман. На этом их пути с парой влюбленных из Буряковки разошлись, и очень хорошо.

— Надо поговорить, — сказала Мышка сталкеру, стоило только им остаться без посторонних.

Кайман кивнул.

— Согласен, надо. Но я хочу выйти с базы, пока еще утро. Мы и так задержались, а я не желаю застрять здесь до завтра. Поговорим по дороге.

Мышка пожала плечами. Чтобы выйти рано поутру, не надо было вчера напиваться — но что поделать, если это мужской способ решать вопросы? Хотя она решительно не понимала, почему договариваться о делах надо непременно заплетающимся языком.

— Контейнеры для артефактов у тебя есть? — только и спросила она. — Возьми кроме патронов еще и контейнеры.

Кайман поднял бровь, но любопытствовать не стал. Вздыхая и морщась, вкатил себе укол стимулятора, ушел, вернулся с патронами, контейнерами, свежими аптечками и провизией. Уложив рюкзаки и надев вычищенные комбинезоны, Мышка и сталкер покинули базу в Горелом урочище.

Накрапывал дождик. Мышка подумала, что успела привыкнуть к местной погоде, к постоянным тучам и отсутствию солнца. Девушка не могла сказать, что ей стало нравиться в Зоне, но она определенно втянулась в эту жизнь. Сколько времени они уже странствуют с Кайманом? Мышка попыталась прикинуть. Хуторок дяди Миши, Западная свалка, затем три дня в Лиманске... три или четыре? потом Янтарь, Затон, путешествие с проводником на Болота... Отдых в доме Доктора, а затем безумная круговерть в затерянной долине, и вот вчера — схватка с химерой. И все-таки — сколько дней это заняло? Десять? Одиннадцать? Девушка никак не могла сосчитать.

Оказалось, сталкер был занят примерно тем же.

— Я тут прикинул, Мышонок, мы уже двенадцать дней ходим по Зоне. Плюс неделя на хуторе дяди Миши. Знаешь, что? Это много, особенно для тебя, в первый раз. Пора возвращаться. Давай признаемся себе, что мы не нашли твоего брата. Можно будет попытаться еще, в другой раз — но прямо сейчас поиски пора прекратить.

Мышка нахмурилась. Да, так оно и есть. Они не нашли Матвейку. Кайман прав, и она сама пришла к тому же выводу — но от этого не легче. Осталось единственное слабое утешение — слова Шухова, что Матвейка жив. Значит, Мышка не прекратит поиски, пока его не найдет. Но придется их отложить.

— И еще мне очень не нравится, что мы тебя рассекретили, — мрачно сказал Кайман. — Вся легенда — чернобыльскому псу под хвост. Надо валить, пока целы.

Девушка машинально кивнула. Она вытащила наладонник и на ходу набирала команды. Ей почему-то хотелось сделать это именно так. Эффектно.

— Что ты там?..

ПДА сталкера подал сигнал о приеме сообщения.

— От Везунчика? — поднял бровь Кайман, но тотчас спохватился. — А, это же ты, Мышонок! И зачем?

— Ты посмотри, посмотри, — улыбнулась Мышка.

— Координаты какие-то... Знаю это место, недалеко от Когтей... Что там такое, Мышонок?

— Тайник Бюерерши, — гордо сказала девушка. — Видишь, Кайман? Я держу слово. Кайман?... Ты что, не рад?

Сталкер молчал.

Почему?

Мышка спохватилась, что ее жест можно понять совсем не так, как она подразумевала. Она страшно обрадовалась, что не придется признаваться Кайману во вранье, и главным для нее оказалось именно это — сдержать слово и продемонстрировать сталкеру тайник. Но вдруг самолюбивый Кайман решил, что для нее главное — расплатиться с ним за услуги? Как с наемным работником? Вот тебе артефакты, сталкер, радуйся и проваливай. Ох, черт, нехорошо получилось. Совсем не так, как она хотела. Дура, ох какая же дура! Разве можно любимому человеку тыкать в нос — смотри, я тебе заплатила, а ты небось думал, что обдурю?

Любимому человеку? Неужели она настолько уверена, что любит Каймана? Девушка прислушалась к себе. А ведь уверена. Ёшкин кот! Что же она натворила одной-единственной неудачной мессагой на ПДА? И ведь еще гордилась своей придумкой.

Мышка почувствовала, что вот-вот разревется.

— Кайман... ты чего молчишь? — жалобно спросила она. — Ты только не подумай, ну... Я вообще не это хотела...

Сталкер молчал. Девушка набрала воздуха и выпалила, боясь передумать:

— Я тебя люблю, Кайман. Вот. Это — главное. Прости, что я так... бестолково. Я... Плохо, конечно, что я не нашла Матвейку — зато встретила тебя. Кайман? Ну не молчи же ты, я сейчас с ума сойду!

Кайман остановился, аккуратно перехватил рванувшуюся было Мышку и прижал к себе. Девушка подергалась немного и затихла. Прорвавшиеся слезы одна за другой катились у нее по щекам.

— Не ори, Мышонок, — сказал сталкер, и девушка с облегчением поняла, что он улыбается. — Ты слишком быстро впадаешь в истерику. Мы, холоднокровные рептилии, реагируем медленно, зато осмысленно.

Кайман развернул ее к себе, заглянул в лицо, покачал головой.

— Истерики в Зоне! Ну конечно, чего еще можно ждать от женщины?

— Чего угодно, — засмеялась Мышка сквозь слезы. — Ну скажи, рептилия, ты меня любишь?

Кайман вздохнул.

— Люблю, Мышонок. Ну вот, а теперь ты чего реवेशь?

— Так от радости же! — всхлипнула Мышка.

— Тоже мне, радость, — хмыкнул Кайман. — Я старый злой крокодил, разочарованный в жизни, брюзга и циник, к тому же сторонник домостроя. Ладно, Мышонок, двинули в путь. До Когтей путь неблизкий.

С полкилометра они прошагали молча. Затем Мышка не выдержала:

— Кайман! А теперь ты мне скажешь, почему тебя нельзя называть крокодилом? Если ты сам себя так называешь?

Сталкер смерил девушку мрачным взглядом.

— Вот уж ты любопытная! Да ничего в этом особенного нет. Меня еще в школе дразнили Крокодилом, из-за имени. Был такой старинный мультик...

— Знаю! — кивнула Мышка. — Крокодил Гена и Чебурашка.

— Ну вот, и здесь меня тоже поначалу так прозвали. Когда я еще в отмычках ходил. А потом я заматерел и сменил имя, был Крокодил — стал Кайман. И фиг я теперь позволю кому-нибудь назвать меня кличкой из детского мультика! Все? Довольна?

— А еще Крокодилом тебя называла она, да? — тихонько спросила Мышка. — Та женщина, которая тебе изменила?

Сталкер коротко выругался.

— Это что за сеанс психоанализа на ходу? — ядовито осведомился он. — Нет, ничего подобного. Она не звала меня Крокодилом, я не звал ее Чебурашкой, вопрос закрыт. И если тебя интересуют другие подробности моего прошлого — например, не спал ли я с Дианой из «Штей», — можешь оставить их при себе. Ответа не будет.

— А ты спал с Дианой? — немедленно спросила Мышка. — Мне она не нравится!

— Странно было бы, если б она тебе нравилась, — фыркнул Кайман. — Не спал, успокойся. И заткнись уже, радость моя.

Мышка заткнулась. По интонации сталкера было понятно, что он вот-вот разозлится всерьез. Ничего, не такой уж он злой, ее любимый крокодил. И ни фиги не хладнокровный. Ворчун, это да. А насчет домостроя... Девушка вспомнила тетку Марию из Буряковки, убежденную в том, что Кайман ее бьет, и усмехнулась. Еще посмотрим, кто кому организует домострой. Дайте только добраться до дома.

Но сначала они все-таки добрались до Когтей.

День клонился к вечеру, и тучи на западе чуть расступились, выпустив единственный тревожно-оранжевый луч солнца, осветивший местность словно прожектором. В закатном небе с протяжными криками кружили вороны — единственные птицы Зоны.

Когти были заметны издали — характерные каменные образования аномальной природы, действительно похожие на торчащие из-под земли загнутые когти исполинского монстра. Каждый коготь имел метра четыре-пять в высоту, и больше метра в ширину у основания. Впечатление, что под землей прячется враждебный исполин, усугублялось психическим воздействием аномалии. Расположенные двумя полукругами когти тянулись друг к другу — тянулись, но не смыкались, а в центре между ними прокаленная до красноты земля изобличала мощную «жарку».

— Заглянуть, что ли, внутрь? — подумал вслух Кайман. — Успели ее обчистить после выброса или не успели?

— Давай сперва тайник проверим, — резонно заметила Мышка.

— И то верно.

Кайман сверился с наладонником и направился в сторону лиственной рощи. Координаты указывали на корни мощного клена. За десяток с лишним лет, прошедших со времени закладки тайника, дерево разрослось и захватило корнями немалый участок. Сталкер покосился на девушку.

— Будем копать?

Мышка слегка растерялась.

— Ну да, наверное... Только чем?

— Лопаткой, — хмыкнул Кайман, доставая из рюкзака складной инструмент. — Я потому спрашиваю, что не уверен, стоит ли сейчас доставать арты. Тревожно мне, Мышонок. Что скажешь?

— Можем с собой все не брать, — предложила Мышка. — Но посмотреть-то надо! А то я изведусь от любопытства.

— Ладно.

Кайман взялся за лопату.

— Поглядывай вокруг. И на ПДА, и так, глазами.

Сталкер вырезал лопатой пласт слежавшейся земли, покрытой мхом, отодвинул в сторону. Он копал аккуратно, стараясь не повредить большие корни. Наконец лопата ударилась обо что-то твердое. Еще полчаса ушло у Каймана, чтобы обкопать металлический ящик по периметру и поднять крышку.

Мышка восторженно ахнула. В ящике рядами стояли контейнеры для артефактов — плотно, как патроны. Она могла бы и не просить Каймана сегодня поутру взять на базу дополнительные контейнеры. Тайник ее родителей не был обычной сталкерской нычкой, а скорее напоминал банковский сейф.

— М-да, не зря про клад Бюрерши до сих пор легенды ходят... — пробормотал Кайман. — Слушай, Мышонок, да ты богатая невеста!

Девушка тихонько засмеялась.

— Я уже отдала все тебе, забыл? Так что это ты теперь завидный жених.

— Короче, мы вовремя выяснили отношения, — резюмировал сталкер. — Чтобы не передрались тут над сундуком с сокровищами, как положено искателям кладов.

— Ты погоди, может, половина контейнеров пустые! — поддразнила его Мышка.

Кайман молча принялся доставать емкости и открывать их одну за другой.

Возможно, не все они были полными при закладке ящика. Но девушка помнила слова Черного Сталкера, что он «кое-что добавил от себя». Как он это сделал, не нарушая слоя почвы над тайником, Мышка не знала и не надеялась узнать. Однако факт остается фактом — теперь в каждом контейнере лежали артефакты.

Здесь не было расхожей мелочевки, не было и недолговечных артов, которые должны были потерять свои ценные свойства за столько лет, а то и вовсе рассыпаться прахом. Кое-что Мышка знала по описаниям, но про большую часть даже не догадывалась — и лишь по реакции Каймана понимала, что это редкие и дорогие артефакты.

«Ух ты!» — восклицал сталкер. Или: «Надо же, я и не знал, как он выглядит!» Или еще: «О, хорошая штука!», «Супер!» и «Вот здорово!» Арты в гнездах контейнеров мерцали таинственным серебром, дышали багровым жаром, подмигивали синими колдовскими огнями. Все вместе это вдруг напомнило Мышке коробку с елочными игрушками, которую к Новому году доставали с антресолей.

Эх... У девушки защипало в носу. Слишком коротким было ее счастливое детство. Но она давно привыкла не плакать об этом. Спасибо родителям за отложенный на годы подарок. И Черному Сталкеру Шухову спасибо.

— О, а эту штуку я знаю, это «хрустальный вензель»! — обрадовалась Мышка. — Такой же, каким тебя после выброса воскрешали.

Кайман поперхнулся и вернул в ящик очередной контейнер, который он собрался было открыть.

— Сокровища — страшная вещь, — сказал он почти серьезно. — Можно забыть обо всем. Ну, что тебе сказать, Мышонок? Это очень много денег. До фига и больше.

— Возьмем что-нибудь с собой? — спросила девушка. — Или пока оставим как есть?

— Даже не знаю...

Кайман хмурился, машинально баюкая в руках емкость с «хрустальным вензелем».

— С одной стороны, оставлять стремно. С другой... Чуйка мне говорит, что у нас впереди неприятности, Мышонок. Не могу сказать, какие именно, но как-то мне муторно. А я привык прислушиваться к таким подсказкам.

— Понимаю, — кивнула Мышка. — Правда, понимаю. Не объясняй, не надо. Давай ничего не станем брать. И координаты из ПДА сотрем.

— Договорились.

Сталкер тщательно уложил все контейнеры обратно в ящик, закрыл его, засыпал крышку землей, утрамбовал и накрыл вырезанным пластом дерна. Поверху они с девушкой присыпали место тайника прелой листвой. Конечно, нарушенное нельзя было восстановить идеально, но насколько могли они к идеалу приблизились. В конце концов, если никто до сих пор не искал клад в этой роще, то вряд ли станет делать это в ближайшие дни. А надолго оставлять артефакты на прежнем месте они не собирались.

Пока Кайман с Мышкой закапывали и маскировали тайник, окончательно стемнело.

— Я тебе говорил, что ночью по Зоне ходить нельзя? — мрачно сказал сталкер.

— Говорил, — согласилась Мышка.

Кайман вздохнул.

— А сегодня придется.

37. Сталкер Кайман, ночь в Зоне

На самом деле Кайман, разумеется, много раз ходил в Зоне по ночам. Для этого всего-то и надо было, что чутье, умение и опыт. Ну, и прибор ночного видения, конечно.

Сталкер проследил, как Мышка надвигает на глаза окуляры и крутит головой, привыкая к картине мира, прошедшей через электронно-оптический преобразователь. Затем он и сам нацепил прибор и поморгал, чтобы глаза перестроились.

Мир стал призрачно-зеленым, инопланетным. Пейзаж словно бы сплюснулся, потерял объем. Небо все сплошь светилось мутноватым светом. Только звуки и запахи остались прежними. Неподалеку завывала слепая собака, вой подхватила другая.

— Ну что, будет тебе марш-бросок по ночной Зоне на закуску, — бодро сказал Кайман. — К утру доберемся до дяди Миши, и порядок.

Бодрость его была наигранной. На самом деле Кайман, словно больным зубом, маялся предчувствием какой-то лажи. Какой именно, интуиция не подсказывала, и от неопределенности становилось только противнее.

— Кайман... — Мышка неожиданно замаялась. — А мы можем попасть еще в одно место?

— Какое еще место? — удивился сталкер. — И на кой черт?

Девушка тяжело вздохнула.

— Ну, ты сейчас будешь ругаться...

— Буду, — подтвердил Кайман. — И чем дольше ты станешь ходить вокруг да около, тем больше вызовешь мое недовольство. Ну?

— Координаты я получила от Шухова. — Мышка запнулась. — Он не уточнил, что это за место. Но я думаю, что побывать там нужно. Ты сам знаешь, Черный Сталкер ничего не говорит зря.

Вот паршивка! Интересно, она опять виделась с Шуховым лично или переписывалась с наладонника? И когда? Но главное, что ни словом не обмолвилась до нынешнего момента. Тоже мне, напарница! Шпионские игры в младшей группе детского сада. Кайман мрачно уставился на девушку. Впрочем, прибор ночного видения успешно маскировал выражение его лица. А устраивать Мышке громкий показательный разнос ему абсолютно не хотелось.

— Ладно, — проворчал он. — Я тебя когда-нибудь потом наругаю, не сейчас. Черный Сталкер ничего не говорит зря? Пожалуй, что и так. Слухи про него ходят именно такие. Я сам с Шуховым не беседовал, не довелось.

— Я вас познакомлю! — быстро сказала Мышка.

Видать, обрадовалась, что Кайман не стал скандалить. Сталкер хмыкнул.

— Поживем — увидим. Так что за место? Давай свой ПДА, гляну на координаты.

— А я цифры запомнила, могу наизусть! — похвалилась девушка. — И посмотрела по карте, что там расположено.

— И где это?

Мышка назвала координаты.

— Это на территории ремонтного завода, так в наладоннике обозначено, — добавила она. — И знаешь, что интересно? У Везунчика это место тоже отмечено. Получается, вы там были? Что там такое?

— Ремонтный завод? — переспросил Кайман. — Ага, понятно. Его еще «ржавым» зовут, потому что там вся техника в пыль рассыпалась. Старая промзона к северо-востоку от хуторка дяди Миши. Ну да, были мы в тех краях не так давно. Собственно, как раз перед тем, как Везунчик свалил. Не помню я, чтобы там было что-то особенное. Промзона и промзона.

— Почти что нам по дороге, правда?

Сталкер задумался.

— Да, в общем, почти по дороге, — неохотно признал он. — Я собирался Западную свалку обходить с юга, но большой разницы нет, обойдем севернее. Твоя взяла, Мышонок. Пойдем проверим, куда тебя Шухов отправил.

Некоторое время они сосредоточенно шагали по равнине. Зеленый пейзаж был полунному пустынен. И очень хорошо. Вой собак слышался то слева, то справа, но не приближался. Затем оказалось, что Кайман забрал южнее, чем следовало, и дорогу им преградил ручей, подтопивший низину. Шлепать ночью по воде сталкеру не хотелось — тем более их нынешняя цель все равно лежала на севере. Пока обходили ручей, залезли в заросли адского репейника и с трудом выбрались оттуда, ступая как по минному полю и стараясь ни в коем случае не задеть взрывоопасные репы.

Кайман стал раздумывать, не найти ли все-таки пристанище на ночь. Он устал, а значит, Мышка устала тем более. Он-то думал, что ночной переход окажется последним в этой ходке. Но одно дело — добраться до дяди Миши и завалиться спать, и совсем другое — сунуться уставшими в промзону. Однако никакого подходящего схрона Кайман по дороге не знал. По всему выходило, что им придется дойти до ржавого ремзавода и отдохнуть уже там.

Интересно, зачем Везунчик отметил это место в своем ПДА? Что-то слишком много секретов и тайн оказалось у Кайманова напарника. Прежде Кайман только пожал бы плечами. Отметил — значит, нужно ему, и нечего совать нос в чужие дела, чтобы в ответ не заинтересовались твоими собственными. А теперь сталкеру стало любопытно. Оказывается, он очень мало знал о самом близком друге, каким был для него Везунчик в последние годы. И если бы не события последних дней, даже не догадался бы о глубине собственного неведения.

Кайман обнес территорию своей личности охранным периметром, как Зону, и не пускал туда никого — пока Мышка не прорвалась насильно. Храбрый маленький Мышонок!

— Ты как, сильно устала? — обернулся к девушке сталкер. — Можем немного отдохнуть, вон там вроде подходящее место. Наверху, среди камней.

Мышка кивнула.

Оказалось, подходящее место уже кто-то занял. Когда Кайман с девушкой обогнули кособокий взгорок, который частично заслонял от них возвышенность с нагромождением валунов, они увидели костер. Фильтр уменьшил яркость пламени, и Кайман не сразу сообразил, что это за светлое пятно среди нагромождения зеленых. Сталкер откинул на лоб окуляры ПНВ. Мышка последовала его примеру.

— Странно, — проворчал Кайман. — Новички, что ли? Охрану не выставили, а костер жгут. Подходи, кто хочет.

У костра сидели трое. На одном был изрядно потрепанный комбинезон, второй кутался в такой же потрепанный плащ. Третий, к вящему удивлению Каймана, оказался одет в костюм. Пиджак, рубашка, еще бы галстук повязать — и прямо-таки офисный служащий во всей унылой благопристойности согласно корпоративному дресс-коду. В Зоне? У ночного костра? Мистика какая-то!

Человек в плаще поднялся им навстречу и заулыбался, хотя лучше бы он этого не делал. Улыбка у него была неприятная, кривая — так бывает, когда одна сторона лица парализована.

— Милости прошу к нашему шалашу, — хрипло и без выражения проговорил он и шагнул вперед.

Что-то шевельнулось у него под плащом, словно мужчина прятал там кошку.

— Назад! — крикнул Кайман Мышке, вскидывая «эф-эн».

Девушка поняла не сразу. Слишком обычная внешность была у мужчины, слишком мирной казалась его сутуловатая фигура. Встретишь такого в городской толпе, скользнешь взглядом — и не обратишь внимания.

Плащ распахнулся. Мутант взмахнул огромной уродливой лапой, пытаясь ухватить Мышку. Кайман снес ему половину черепа автоматной очередью в упор. Второй очередью сталкер расстрелял двух зомби у костра. Одетый в костюм зомби рухнул головой в огонь. Затрещали волосы. Загорелся и закадил просаленный пиджак. Потянуло паленой тухлятиной.

Чудовищная конечность убитого излома все еще дергалась. Она казалась совершенно чужеродной на теле человека, как крабья клешня.

— Ч-что это было? — пробормотала Мышка.

— Излом. Это не зомби, а мутант, вроде снорка, — пояснил Кайман. — Сейчас они редко встречаются, а после первого выброса, рассказывают, их много было. Из бывших жителей Чернобыля вроде бы.

— Знаешь, я что-то раздумала здесь отдыхать, — вздохнула девушка.

От обманувшего их костра Кайман с Мышкой вышли на бетонную дорогу, которая вела в примерно подходящую сторону. Зона была вся исполосована старыми дорогами, от полностью разрушенных до совершенно целых, словно покрытие на них уложили буквально вчера. Подвернувшаяся им бетонка была ровной и чистенькой. Кайман даже представил себе, как бригада зомби под управлением излома кладет и разравнивает бетон.

Некоторое время они шли по дороге, а потом впереди заплясали сполохи «электр» и пришлось сделать крюк, ну а дальше им с бетонкой было не по пути.

— Я сейчас засну на ходу, — жалобно сказала Мышка. — Я уже себя щипала-щипала, а не помогает.

Сталкер остановился и потянулся за аптечкой.

— Стимулятор, вообще-то, вещь вредная для печени... но прямо сейчас полезная для жизни.

Девушка проглотила таблетки и вскоре оживилась. Они прошагали еще несколько часов, делая лишь короткие остановки. Один раз Кайману с Мышкой пришлось отбиваться от стаи слепых собак, и еще пару раз они слышали охотничий лай и рычание стаи —

безглазым тварям было все равно, день или ночь, так что ночью они получали явное преимущество. Еще сталкер и девушка наткнулись на обглоданную тушу псевдоплоти, но по останкам было непонятно, кто же пировал здесь совсем недавно.

Они передвигались медленно, опасаясь не столько даже хищных тварей, сколько невидимых и оттого особо опасных аномалий. «Жарка», «карусель», «гравитационная плешь», «трамплин» — обнаружить их ночью можно только при помощи детектора. Ну, или на своей одноразовой шкуре.

Ночь стала казаться Кайману бесконечной — но в урочный час наступил рассвет. Сталкер убрал с глаз прибор ночного видения. Облачная корка потрескалась, и под ней восточный край неба становился все светлее. Розовая кайма, проступившая на тучах, обозначила момент восхода. Где-то там невидимое солнце начало свой дневной путь.

Вечно хмурое небо Зоны презрительно наблюдало за двумя человечками в комбинезонах, ползущими по равнине. Небу было пофиг, что их двое, а не один. Зато самому Кайману это было очень даже не пофиг.

По склону холма навстречу сталкеру и девушке брели два зомби. Кайман подумал, что они с Мышкой сейчас двигаются примерно так же апатично и размеренно. Переднего зомби вдруг резко дернуло вбок и подбросило в воздух. Он сделал несколько витков, поднимаясь все выше по спирали. Вихрь увлек зомби метров на пять вверх, туловище его болталось, руки-ноги дергались все сильнее, как будто невидимый великан трепал его как игрушку. Особенно сильный рывок — и в стороны разлетелись клочья мертвой плоти.

Некоторые куски вылетели за пределы «карусели» и шлепнулись на землю, другие продолжали кружиться в вихре. А в пределы действия аномалии неизменно меланхоличной походкой вошел второй зомби. Он вознесся по той же траектории, что и первый, но почему-то не менее минуты вращался в наивысшей точке «воронки», и только потом взорвался. Полетели ошметки.

— Утро в Зоне, — тоном экскурсовода сказал Кайман. — Обратите внимание на местные обычаи. Зомби катаются на «карусели».

Мышка засмеялась, но не слишком весело.

— Долго еще? — спросила она.

— Почти пришли, — обнадежил ее сталкер.

38. Мышка, ржавый ремзавод

Времени отоспаться по-настоящему у них не было. Но и лазить по промзоне сразу после бессонной ночи Кайман отказался наотрез. Обошлись промежуточным вариантом — забрались на второй этаж административного здания и там закрылись в директорском кабинете с уцелевшей прочной дверью. Так себе убежище, но четыре часа они там проспали, и никто их не потревожил.

Привели себя в порядок, позавтракали тушенкой с галетами. Кайман беспричинно хмурился, а на вопрос, что именно ему не нравится, сослался на смутные предчувствия. Место, куда им предстояло добратся, ему тоже не понравилось.

— Это вниз, в подвале, — мрачно сообщил сталкер, перепроверив координаты на ПДА Везунчика. — Помню, как же, лазили мы в этот подвал.

— А зачем лазили? — заинтересовалась Мышка.

— Как обычно. За хабаром. Есть места, которые народ регулярно обшаривает, как грядки на огороде, — та же Свалка, к примеру. Если не успел туда первым после выброса, можешь и вовсе не ходить. А в таких неочевидных закоулках, как здешние подвальные коридоры, мало кто бывает.

— А артефакты здесь есть?

— Ну, а я тебе о чем? Арты как раз попадают. В тот раз, помню, мы здесь «рыбий мех» взяли, занятная вещь... Непонятно, откуда берется, сколько раз я его видел — никогда аномалий нет поблизости. — Сталкер вздохнул. — Зона, плешь ее побери. Всегда здесь найдется что-то, чего ты не знаешь и не узнаешь. Ну что, двинули?

Мышка никогда не бывала на ремонтных заводах, ни на заброшенных, ни на действующих, поэтому с любопытством вертела головой по сторонам. Приставать к угнетенному предчувствиями Кайману с расспросами, что здесь зачем, она не решилась, хотя очень много было ей непонятным.

Зачем, например, вон та узкая и глухая, без окон, башенка высотой в три этажа, соединенная с корпусом завода длинным крытым переходом на бетонных опорах? Переход облюбовала бродячая аномалия — золотое сияние вспыхивало по очереди во всех его окнах, перемещаясь из конца в конец со скоростью гуляющего человека. Можно было представить себе, что кто-то ходит туда-сюда по коридору с шаровой молнией в качестве светильника.

Территория завода казалась пустой. Сквозь растрескавшиеся бетонные плиты двора проросли деревья. Единственную слепую собаку, которая бросилась на них из-за угла, Кайман снял выстрелом не глядя. Здесь, по идее, должно было быть много брошенной техники, но странной прихотью Зоны вся она проржавела и рассыпалась в пыль — и рыжая пыль так и осталась на территории, лежала холмиками под стенами зданий, заполняла неровности почвы, скрипела под ногами и на зубах. Кое-где сквозь слой ржавчины проступали повторяющиеся узоры, отдаленно напоминающие рябь на песчаной отмели или у берега моря. Девушка была почти уверена, что обыкновенная ржавая труха, даже в больших количествах, так себя не ведет.

Неприятное было место. Мышка то и дело ловила себя на том, что втягивает голову в плечи. Ей мерещился чужой взгляд, холодивший затылок даже под капюшоном.

Ржавчина, пожравшая все машины, не затронула башенный кран и рельсы, по которым он должен был перемещаться. Стрела крана была поднята, крюк оброс бородой «жгучего пуха». Рядом с блестящими рельсами виднелись две аккуратные вмятины в бетоне, похожие на следы от ягодиц в мокром песке, только гораздо больше. Кайман, проследив взгляд Мышки, заметил:

— Интересная аномалия, двойная. Две «гравитационных плечи» рядышком, бок о бок, и в одну не сливаются.

— А, так вот ты какой «плешью» ругаешься! — догадалась девушка. — А я-то все гадала...

— И что, я так часто ругаюсь? — заинтересовался Кайман.

— Ну да! Чаше ты только ёшкиного кота вспоминаешь, — авторитетно заявила Мышка.

— Надо же, — ухмыльнулся сталкер. — Я и не замечал.

Они пересекли двор и через пролом в стене вошли в помещение цеха. Когда-то оно наверняка было заполнено станками, но ржавая чума прогулялась и здесь. Пол был покрыт толстым слоем рыжей пыли, которая похрустывала под ботинками, как снег в морозный день. Удивительным образом в опустевшем цеху уцелел древний автомат для продажи газированной воды — металлический серый шкаф с надписью: «Газвода», нишей для стакана и краником. Он сиротливо притулился у дальней стенки.

Здесь ощущение чужого присутствия стало еще сильнее, и девушка поежилась. Кайман повел ее туда, где в полу обнаружился спуск в подвал, когда-то, вероятно, прикрытый металлическим люком. Вместо ступенек вниз вел пологий пандус.

Мышка сунулась было в проход, но сталкер отстранил ее со словами «Не лезь поперед бабки в реактор!» и сам пошел первым.

В подвале оказалось предсказуемо темно, совершенно сухо и неожиданно тесно. Собственно говоря, это было не одно подвальное помещение, а путаница коридоров, выводящих в тупиковые отсеки и замкнутые боксы. Хрен его знает, что за технику ремонтировали на этом заводе в прежние времена и на кой им были такие ходы и выходы, но лабиринт здесь был знатный. Под ногами хрустела битая плитка и обвалившаяся штукатурка. По дороге попадались то «жарки», то «грави», то плавающие в воздухе «электрические медузы» — хорошо еще, что они не могли выбраться за пределы участка в несколько кубических метров. Из канализационных отверстий дышал химической отравой «холодец»,

под ноги то и дело бросались крысы — в общем, продвижение по лабиринту оказалось настоящим испытанием. Через некоторое время девушка запросила передышки.

Они уселись отдохнуть на большом коробе, сколоченном из неструганых досок. Сидели вполоборота, чтобы не слепить друг друга закрепленными у каждого на голове фонариками. Сталкер разжился табаком у отмычек Чингачгука и теперь, чертыхаясь, сворачивал самокрутку. Он долго возился, но все-таки соорудил нечто пригодное для курения, раскурил и затянулся.

— Фу, гадость! — искренне сказал Кайман. — А парни нахваливали. Хочешь попробовать?

Дым вонял пластиком, и это было лучшее, что о нем можно было сказать.

— Нет уж! — отказалась Мышка. — Как по мне, лучше не курить вообще, чем травиться всякой гадостью. Подожду, пока мы из Зоны выйдем и доберемся до нормальных сигарет.

— Я, пожалуй, тоже, — проворчал Кайман и затоптал бычок.

— И все-таки что вы в том месте нашли такого важного, что Везунчик его отметил в ПДА? — вернулась Мышка к насущной теме.

— Да не знаю я, — хмыкнул сталкер. — То есть пока мы были вместе, ничего особенного не находили. А потом так получилось, что я Тима оставил одного. Может, он что-то и обнаружил, только мне об этом не сказал.

— Даже так? — удивилась девушка. — Вы что, поссорились?

— При чем тут «поссорились»? — сердито буркнул Кайман. — Просто так вышло. Мне мужики маякнули, чтобы я бродячий экзоскелет перехватил. Они тут неподалеку остановились на привал, а он у них рюкзак с патронами увел, прикинь!

— Бродячий экзоскелет? — опешила Мышка. — Это еще что за зверь?

Сталкер засмеялся. Девушка заулыбалась в ответ, радуясь уже тому, что Кайман хоть ненадолго перестал хмуриться.

— Да вот не зверь, понимаешь, — с удовольствием сказал сталкер. — Именно экзоскелет. Дикий. Ну, одичавший. Ты вообще представляешь себе, что такое экзоскелет?

— Ну, такой типа скафандр с мышечными усилителями. Чтобы можно было тяжести таскать и быстро бегать.

— В общих чертах верно, — кивнул Кайман. — И знаешь, какая была ключевая проблема, когда только создавали первые экзоскелеты? Источник энергии. Достаточно мощный, компактный и легкий. Поэтому современные экзоскелеты в Зоне работают на комбинации электрической энергии из аккумуляторов и аномальной энергии артефактов. И стоят дофига и больше... хотя цена к этой истории касательства не имеет. Это у меня так, вырвалось. Давно хочу себе такую штуку.

Мышка подумала, что теперь они смогут купить не только экзоскелет, но и вертолет, к примеру. Но промолчала, чтобы не сбивать Каймана с рассказа.

— Ну вот, значит, в каждом экзоскелете внутри запрятаны артефакты. И как-то один, гм, чудак... то ли военсталкер, то ли просто военный, у которых экзоскелеты в ходу... в общем, решил этот любопытный человек проверить, что будет, если в управляющий блок вместо батарейки тоже вставить артефакт. Какой именно — ну, тут по-разному рассказывают. «Ртутную звезду» называют, «пустышку», «дьявольскую флэшку»... «Душу», опять же, но это, я думаю, из-за красивого совпадения. Типа вставил тот чувак в экзоскелет «душу» — и он ожил.

— А он правда ожил?

— Да кто его знает, что с ним произошло, — развел руками Кайман. — Управляющий блок — это же компьютерный модуль, мало ли как там программы загнуло. В общем, насчет одушевленности не скажу, но сбежать он — сбежал! И с тех самых пор бродит по Зоне, пугает новичков до усрачки и ворует что ни попадя у зазевавшихся сталкеров. Вот представь — идет тебе навстречу человек в экзоскелете, подходит ближе... а человека-то внутри и нет! Я б и сам после такой встречи комбинезон изнутри отстирывал, если бы прежде про бродячий экзоскелет не слыхал.

— А ты меня не разыгрываешь? — подозрительно спросила Мышка.

— Ни в коем случае! — замотал головой Кайман. — Мы ж его тогда с мужиками поймать пытались. Они меня попросили выйти наперерез, ну, чтобы с двух сторон его зажать и перехватить. Ушел, гад! Он, конечно, уже не так быстро бегают, поизносился... Но хитрый, сволочь! Завел нас в болото и ушел.

Девушка все еще сомневалась.

— А может, эти знакомые тебя разыграли?

— Ну да! — возмутился сталкер. — А кто у них полный рюкзак патронов спер?

Мышка умолкла, переваривая аргумент.

— Зачем ему патроны? — наконец нашлась она. — Он разве вооружен?

— Еще бы! — убежденно сказал Кайман. — Вот уж в этом можешь не сомневаться. В Зоне все вооружены. Как говорил один мой знакомый сталкер, ты можешь не уметь стрелять — но пистолет иметь обязан!

В результате девушка так и не поняла, рассказал ей Кайман сталкерскую байку или действительную историю. Одно было ясно — он оставил напарника здесь, в подвале под заводским корпусом, и присоединился к группе знакомых сталкеров. А уж чем они там занимались: пили водку или гонялись по болоту за диким экзоскелетом, — одной Зоне ведомо.

— И что Везунчик? — Мышка хотела знать, что же все-таки заставило напарника Каймана отметить у себя в наладоннике те самые координаты, которые ей указал Шухов. — Ничего тебе потом не сказал? Совсем ничего?

— А мы больше не виделись, — хмуро сказал сталкер.

Оживление, с которым он рассказывал историю бродячего экзоскелета, угасло. Кайман вновь обрел понурый вид, которым он так огорчал Мышку с самого утра.

— Везунчик как раз после этого свалил из Зоны. Пока я с мужиками тусовался, Тим мне прислал мессагу, что он двинул к дяде Мише. Ну вот, а когда я тоже добрался до хуторка — часа через три-четыре после него, — оказалось, что он сразу ушел за Периметр. Оставил снаряжение, наладонник вот оставил, — Кайман кивнул на ПДА, который девушка машинально вертела в руке, — все равно от него за пределами Зоны толку мало. Деньги только взял из нычки и ушел.

Мышке показалось, что она понимает, откуда взялась горечь в голосе сталкера.

— Так он тебя кинул, получается? Забрал все ваши деньги, и привет?

Кайман выругался.

— Да ничего подобного! Я что, так плохо объясняю? И деньги он забрал не все, а только часть. И снарягу свою оставил, которая куда больше стоит. А злюсь я, потому что не возьму в толк, зачем он так резко свалил. Ладно, погуляет за Периметром и вернется, никуда не денется. Зона своих не отпускает.

— Странные вы напарники, — фыркнула Мышка. — Ну, к тебе-то я уже немного привыкла, а Везунчик твой — точно странный. Хоть бы записку тебе отправил! Перед тем как сваливать.

— Сообщение он мне, положим, прислал, — сердито сказал Кайман. — Что отправляется разыскивать своих родственников. И все, ноль подробностей. Каких родственников? Почему так срочно? Что за пожар? Умер кто — или родился? Я так ничего и не понял. И как Тим ушел за Периметр, так и замолчал. Мог бы мне мейл прислать, в конце концов. Большое дело, понимаешь — две строчки написать!

— В общем, ты на него злишься, — подвела черту Мышка. — И понятия не имеешь, что он здесь нашел, в этом подвале. А может, он из-за этого и помчался за Периметр?

— Все может быть.

Сталкер поднялся с ящика и повел плечами, разминая спину.

— Пойдем дальше, Мышонок. Что-то мы здесь засиделись.

Через несколько виражей подвального лабиринта они уперлись в свежий завал.

39. Сталкер Кайман, подвал заводского корпуса

С прошлого раза, когда Кайман побывал здесь с Везунчиком, просело и обрушилось перекрытие первого этажа. В подвал высыпалась чертова куча щебенки, битых кирпичей и прочей строительной дряни.

— Придется обходить.

Сталкер с отвращением сплюнул. Во рту у него до сих пор было горько от ядовитого табака, которым так гордились вырастившие его в Зоне придурки. Курить от этого хотелось еще больше — чтобы забить мерзостный вкус. Кайман вытащил флягу, сделал глоток водки, скривился. Все сегодня не так. А главное, эта необъяснимая тревога, которая нарастает и нарастает. Может, выброс надвигается? Да нет, не похоже.

Просто хреново, и все тут. Бывает.

Пришлось вернуться до ближайшей развилки.

— Налево, направо? — спросил Кайман у Мышки. — Выбирай ты, на свое везение.

Девушка склонила голову, к чему-то прислушиваясь.

— Направо, — неуверенно сказала она. — Но везение тут ни при чем. Мне кажется, там... что-то.

— Здесь везде что-то, — буркнул сталкер. — В основном жопа. Местами большая.

Но повернул он все-таки направо. Куда-то ведь надо было поворачивать.

Снова потянулся узкий, ничем не освещенный коридор, разделенный на отсеки тамбурами-переходниками. В коридор выходили однообразные складские помещения с пустыми стеллажами до потолка. Двери их были сорваны с петель и либо исчезли, либо валялись здесь же грудями досок и щепок — как будто в этой части подвала бесчинствовал редкостный маньяк-дверененавистник.

Когда впереди показалась целая дверь, причем закрытая, Кайман по контрасту даже отметил этот факт.

— Слышишь? — встрепелась Мышка.

За дверью плакал ребенок. Негромко, тоскливо и безнадежно. Так и представлялся этот малыш, уставший ждать с работы маму...

Ага, устанешь тут. Небось, не первый десяток лет уже ждет.

— Мышонок! Куда?! Это не человек!

Поздно. Девушка распахнула дверь. И отпрянула назад, когда в лицо ей полетел баллон огнетушителя. Баллон стукнулся о притолоку и вылетел в коридор. Посыпались щепки. Баллон устремился на Каймана, как баллистический снаряд. Поршень на горловине сам собой нажимался раз за разом — хорошо еще, что содержимое давно протухло. Сталкер увернулся, и тяжелая железяка снова рванулась к Мышке.

— Полтергейст? — крикнула девушка, подныривая под огнетушитель.

Путь назад оказался перекрыт порхающим в воздухе баллоном. Они вынужденно пятились вглубь коридора. С угрожающим щелчком включился на потолке плафон дневного света.

— Думаю, хуже, — выдохнул сталкер.

Дверь с треском захлопнулась. Огнетушитель откатился к стене. С еще большим треском дверь вновь распахнулась. На пороге показался карлик, одетый в заскорузлый от грязи плащ с капюшоном. На уродливом лице злобно сверкнули маленькие глазки.

— Бюрер! — заорал Кайман. — Бежим!

Он ухватил Мышку за шиворот и буквально протащил до ближайшего тамбура спринтерским рывком.

— Бей в голову! Ближе к нему не суйся! — лихорадочно напутствовал сталкер. — Брось рюкзак! Стимулятор держи под рукой! А-а, ч-черт!..

Угол, за которым они прятались, сотрясся от попадания чего-то покрупнее огнетушителя. Кайман высунулся из-за угла, выстрелил в бюрера и отшатнулся — в него, набирая скорость, летел тяжеленный конторский сейф. Сталкер попал, из шеи карлика брызнула кровь. Бюрер тоже попал — Кайману по левому плечу словно врезали кувалдой.

Кайман взвыл от боли. Карлик взревел от ярости. В следующую минуту сталкер почувствовал себя комаром, которого пытаются прихлопнуть молотком. Сейф подпрыгивал к потолку и обрушивался на Каймана, сталкер уворачивался, высовывался за угол, давал очередь по проклятому мутанту и снова должен был спастись от смертоносной железяки.

Мышка скользнула мимо Каймана.

— Очередями бей!

Девушка послушалась. Застрекотал «винторез». Бюрер дернулся от попадания. Левая глазница мутанта превратилась в кровавую рану, но живучесть карлика превышала все мыслимые пределы. Он сделал жест, как будто разводил руками густой, плотный воздух перед грудью. Воздух и впрямь мигом загустел — там, где стояла Мышка. По воздушному киселю расплылось грязное радужное пятно, как от бензина на воде. Невидимая сила вырвала винтовку из рук девушки. Оружие шлепнулось на пол, а Мышка покачнулась и тихо сползла вдоль стенок.

— А-а, ёшкин кот!

Кайман первым движением подхватил «винторез», вторым оттащил девушку подальше за угол. С винтовкой в правой руке и автоматом в ушибленной левой сталкер шагнул в коридор. Дезориентированный бюрер с истекающим кровью глазом замешкался лишь на мгновение. Кайман успел дать несколько очередей из винтовки, затем грудь его сдавило невидимым прессом, в глазах потемнело, и карлик-телекинетик вырвал «винторез» у него из руки. Опершись спиной о стену и почти теряя сознание от слабости, сталкер перехватил двумя руками верный «эф-эн».

Последняя очередь из автомата решила дело. Кровавые кляксы расцвели на темной морщинистой коже карлика. Бюрер упал и больше не шевелился.

Кайман осторожно сел на пол, нашарил аптечку, сделал себе укол обезболивающего. Запил энергетиком. Он слышал, как позади шевелится Мышка, но у него не было сил даже обернуться.

— Я не думала, что они такие страшные, — сдавленно сказала девушка. — Я думала, страшной химеры твари нет.

Сталкер наконец сумел повернуться в ее сторону. Силы стремительно возвращались к нему. Кайман знал, что большая часть этой энергии — заемная, одолженная у самого себя, и когда кончится действие медикаментов, придет расплата. Но прямо сейчас это было неважно.

— Мы с тобой прикончили химеру, — напомнил он Мышке. — И только что расправились с бюрером. Самый страшный зверь в Зоне — это человек.

Девушка пытливо заглянула Кайману в глаза.

— А ведь ты не шутишь!

— Нет, Мышонок. Не шучу.

Замигала и погасла лампа на потолке. Коридор вновь погрузился во тьму, которую рассеивали только два фонарика на головах Каймана и Мышки.

Через два поворота коридор вывел их в небольшое помещение, служившее когда-то электрощитовой. Пятна света от фонарей выхватывали из темноты отдельные куски. Вдоль стен располагалось оборудование в защитных коробах со значками молний в квадратах и треугольниках. Толстые связки электрических кабелей уходили от распределительных щитов вбок и вверх. У помещения изначально было еще два выхода, но один из них перекрывал свежий завал. Похоже, это был именно тот завал, который преградил Кайману с Мышкой путь и заставил идти в обход. Второй выход вел в узкую вертикальную шахту, на стенках которой не обнаружилось ни ступенек, ни лестницы.

Пока сталкер обследовал окрестности, Мышка вынула наладонник.

— Мы на месте, — сказала она. — Это здесь. Хотя нет, погоди... Вот черт!

— Координаты указывают точку под завалом?

— Именно.

Девушка озадаченно разглядывала нагромождение строительного мусора.

— Не понимаю, — пробормотала она. — Как же туда попасть?

Кайман бегло осмотрел все вокруг и сосредоточился на завале.

Он сразу пришел к выводу, что разгрести эту грудку кирпичей, щебня, переломанных балок и гнутой арматуры им с Мышкой не удастся даже при очень большом желании. Еще через пару минут сталкер решил, что этот завал не поддается разгребанию в принципе. Если его потревожить, обвалятся соседние части потолка, и завал только увеличится.

Чисто теоретически можно снести все здание завода, а потом уже разобрать получившуюся в результате гигантскую кучу мусора. Но на практике место, указанное Мышке Черным Сталкером и отмеченное Везунчиком на ПДА, оказалось недостижимым.

Очень странно. Мог ли Шухов не знать об этом? Утверждают, что ему известно все, что происходит в Зоне. Стало быть, знал, но сообщил Мышке координаты недоступного места. Что же там такое, под завалом?

Перекрытие рухнуло уже после того, как здесь побывали Кайман с Везунчиком. Хотя... стоп! Поправочка. После того, как здесь побывал Кайман, — это верно. Но вовсе не обязательно это произошло после ухода Везунчика. Обвал мог случиться как после него, так и при нем. Сам собой или вследствие каких-то его действий. Случайных действий — или, может быть, намеренных?

Ах, ёшкин кот! Каймана захлестнул азарт. Он чувствовал, что задачка имеет решение и ключ к нему где-то рядом. Итак, мог ли Тим в принципе обрушить потолок? Ну, ломать — не строить. У него в тот день была при себе взрывчатка, были и артефакты вполне разрушительного действия... Значит, мог. А зачем ему было это делать? Чтобы что-то спрятать, вот единственный ответ. Причем, судя по основательности баррикады, спрятать навсегда. Что же?

Тут логическая цепочка кончилась и сталкер зашел в тупик. Для обоснованного вывода не хватало данных.

Где взять дополнительную информацию? Думай, рептилия, шевели мозгами.

— Ну-ка, Мышонок, дай сюда ПДА! — потребовал Кайман.

— Мой? — не поняла Мышка.

— Не твой, а Везунчика, — ворчливо поправил сталкер. — Та-ак... Сейчас поглядим, что тут у нас.

Он ввел сначала свой пароль, которым защитил файлы Тима, когда давал наладонник в пользование Мышке. Затем набрал ту комбинацию, которая служила общим паролем ему и Везунчику. Это была разумная предосторожность, основанная на доверии, — мало ли что может случиться со сталкером в Зоне? Лучше, когда напарники имеют полный доступ к ПДА друг друга. И если Везунчик, покидая хуторок дяди Миши, не изменил пароль...

Не изменил. Кайман удовлетворенно кивнул. Теперь все данные коммуникатора Тима были ему открыты. Что же запросить?

Он задумчиво ткнул пальцем в клавишу. Координаты такие-то... есть что-нибудь, с ними связанное?

Мышка, наблюдавшая за его манипуляциями из-за плеча, придвинулась ближе.

ПДА мигнул, и во весь экран высветилась картинка. Это была переснятая фотография скверного качества — смазанная, с искажением оттенков. Похоже было, что Тим щелкнул на камеру и слил на свой наладонник старый снимок маленького размера.

Фотография была семейная. Молодые родители держали на руках девочку лет пяти в белом платице и малыша, прижимавшего к себе игрушку. Все четверо улыбались. Им было хорошо вместе — там, на этом снимке.

Мышка потрясенно ахнула.

— Это же мы! Кайман! Это мама, папа, я и Матвейка. Откуда у тебя эта фотка?!

— Не у меня, а у Везунчика... — снова машинально поправил ее сталкер, и тут до него дошло, что именно она сказала. — Вот это да! Ты уверена?

Девушка выхватила у Каймана ПДА, всмотрелась в экран, поворачивая его так и эдак, чтобы не бликовал.

— Уверена, — кивнула она. — И я даже помню, что такая фотка была у мамы в медальоне. Знаешь, такой открывающийся медальон на цепочке? Старинный...

Прабабушкин, наверное. Круглый, а внутри фотография. Мне он ужасно нравился, а мама мне его в руки не давала, всегда открывала и закрывала сама. Боялась, что я сломаю.

— И куда он делся, этот медальон?

— Пропал, — вздохнула Мышка. — Как мама погибла, так я его больше не видела... Слушай! Вот я дура глупая! Мама его, наверное, на шее носила. Значит, пропал-то он вместе с ней!

Кайман потянулся забрать у девушки наладонник, но та не отдала и продолжала вглядываться в изображение.

— Точно, это фотка из медальона! — заявила девушка. — Видишь, если присмотреться, углы срезаны? И еще одна вещь... Мне этот снимок снился. Совсем недавно снился, на хуторе дяди Миши. Только я во сне не поняла, что это фотография, удивилась еще — почему все плоское?.. Ой! Кайманчик, я еще вспомнила! Дядя Дима... Черный Сталкер мне сказал... Это же он про фотку говорил! Сейчас, сейчас...

Мышка сунула Кайману ПДА и закрыла глаза.

— Сейчас вспомню... Он сказал, что от плоских картинок больше пользы, чем от объемных! Ну, примерно так.

— Любит твой дядя Дима изъясняться ребусами! — пробурчал Кайман. — Ему бы кроссворды составлять, цены б ему не было. Больше он ничего не говорил?

— Сказал, — вздохнула Мышка. — Но я забыла. А, вот! Он сказал, что у его слов такое свойство — забываться.

Кайман хмыкнул.

— Вот спасибо ему за уточнение! Ладно. Давай просуммируем, что мы узнали. В ПДА Везунчика с координатами интересующего нас места связана фотка. Черный Сталкер намекнул тебе, что фотка очень важна... будем так трактовать его слова. Это снимок из медальона твоей матери. Предположительно, медальон был при ней в день гибели... А ну-ка, Мышонок, достань там, в твоём рюкзаке, в боковом кармане футляр с люминофорами! От фонариков мало проку.

Мышка безмолвно подала сталкеру продолговатую коробку.

Кайман вытащил один длинный стержень, разломил пополам. Яркий белый свет заставил сталкера и девушку зажмуриться. Проморгавшись, Кайман отдал половину люминесцентного стержня Мышке, а свою половину поднял повыше и осмотрелся.

В верхней части стены, справа от завала была сделана надпись. Неровные буквы, процарапанные в старом бетоне обломком кирпича, гласили:

«Здесь покоятся сталкеры Татьяна и Сергей Пономаренко».

40. Мышка, подвал заводского корпуса

Девушку охватило чувство нереальности происходящего. Она смотрела на свою фамилию в сочетании с именами родителей, нацарапанными на стене, и не могла поверить тому, что видит.

Мама? Папа?

Они были здесь, пробирались по этим самым коридорам, искали артефакты, отбивались от бюреров или других тварей... Такие, какими она их помнит, — молодые, веселые, живые...

И здесь же они погибли, когда выброс двенадцатого года встряхнул Зону до самых печенок. Что с ними случилось?

Кажется, последний вопрос Мышка произнесла вслух. Потому что Кайман на него ответил:

— Вероятнее всего, Мышонок, их накрыло аномалией. Во время того выброса в Зоне такой адский суп кипел, страшно подумать. Возникла какая-нибудь «электра» прямо у них под ногами, ну и... сама понимаешь. Хотя это лишь мое предположение. Точнее может сказать только Везунчик.

Девушка нахмурилась.

— Везунчик? Что-то я тебя не пойму... А, погоди! Ты хочешь сказать, что он нашел здесь их тела и...

— И устроил завал, — утвердительно кивнул Кайман. — Похоронил их на месте гибели. Теперь никто не разберет эту грудку.

— Да как он посмел! — Мышка в ярости топнула ногой. — Зачем? Какое его дело?!

— Ну, Мышонок...

Сталкер перехватил девушку, привычно обнял.

— Скажи Тиму спасибо, — серьезно сказал он. — Разве ты хотела увидеть останки своих родителей, наполовину обугленные «жаркой» или растворенные «студнем»? Подумай хорошенько.

— Нет, — Мышка помотала головой. — Лучше я их буду помнить живыми...

И она неожиданно для себя заплакала, уткнувшись Кайману в живот.

— Кайманчик, — всхлипнула она, — а фотография откуда? Ну, на ПДА? И где сам мамин медальон?

— Вот и я задаю себе вопрос за вопросом, — медленно сказал сталкер. — И ответы вроде есть, а результат в целом не сходится. Чего-то я недопонимаю. Фотография на ПДА — это Везунчик на камеру снял и слил в наладонник. Я ж говорил тебе, что у него девайс не простой, навороченный? Научники с Янтаря модифицировали, когда подрядили Тима сделать серию снимков — «мутанты вблизи»... Камеру потом ему оставили как бонус.

— Что значит — «мутанты вблизи»? — удивилась Мышка. — Они его на куски рвут, а он для науки фотки снимает — так, что ли?

— Нет, их как раз интересовали твари в спокойном состоянии, — пояснил Кайман. — Понимаешь, Тима ведь за что Везунчиком прозвали? Он может к мутанту вплотную подобраться, а тот и не почешется. Ну, не каждый раз так получается, конечно. Но я сам видел. И с аномалиями у него бывали случаи, от верной смерти спасался... Ну так вот, каким образом на ПДА попала фотка, я как раз понимаю. Я не понимаю — зачем?

— Что — зачем?

Мышка отлипла от Каймана, подошла к стене с надписью и задумчиво потрогала буквы. Раскрошившиеся осколки кирпича, которыми Везунчик писал, валялись тут же на полу.

— Зачем он переснял фотографию? — начал перечислять сталкер. — Это раз. Два — зачем он сразу после находки сорвался из Зоны? Написал мне невнятную мессагу, что отправляется на поиски родственников...

— Совсем как я, — грустно усмехнулась Мышка. — Только наоборот. Я приехала в Зону искать брата, а Везунчик уехал из Зоны разыскивать свою родню. Везет тебе, Кайман, на напарников! И знаешь, что? Если бы не возраст, и если бы не то, что его родители известны, впору решить, что Везунчик и есть Матвейка. Больно уж часто мы в поисках Матвейки натыкались на него!

— А, так ты ж не знаешь! — Кайман хлопнул себя по лбу. — Ну точно, это я без тебя с Никитой и Кариной разговаривал. Везунчик — приемный сын! Семейная пара из затерянной деревни — те самые Лымари, которых потом прикончила химера, — усыновили его совсем маленьким.

— Приемный?!

Девушка потрясенно уставилась на Каймана.

— Ох ни фиги ж себе! Приемный сын! А тогда, тогда получается... — Она запнулась. — Вот черт! Ничего не получается. Потому что ему двадцать лет, а никак не четырнадцать.

— У тебя случайно не было второго брата? — хмыкнул сталкер. — Старшего?

Мышка сердито ткнула его кулаком в плечо.

— Тоже мне шуточки!

Кайман зашипел от боли. Плечо оказалось тем самым, которое задел брошенный бюрером сейф.

— Ой, извини! — всполошилась девушка. — Больно? Ну прости, я не подумала.

— Больно, — проворчал сталкер. — Да ладно, переживу. В общем, Мышонок, нужно поговорить с Везунчиком. Только он сам может наверняка сказать, какая черныбыльская муха его укусила, что он схватил фотку твоей семьи и отправился искать своих родственников. Ну, про брата это я неудачно спросил, но, может, двоюродный? Или еще какая-нибудь родня? Какая-то связь должна быть.

— Согласна, — твердо сказала Мышка. — Надо поговорить с Везунчиком. И побыстрее. Но ты же не знаешь, где он!

— Ну, здесь в подвале его точно нет, — проворчал сталкер, потирая плечо. — Выберемся из Зоны — поищем. Давай двигать, Мышонок. Я хочу к дяде Мише засветло попасть.

— Хорошо.

Девушка в последний раз посмотрела на каменный завал и надпись на стене, укладывая в память эту картину. Да, странная штука жизнь. Она шла в Зону, исполненная решимости найти брата. Встретила любимого мужчину, нашла могилу родителей... Вот только брата не нашла. Где же ты, Матвейка?

И кто же ты такой, Тим по прозвищу Везунчик?

Обратный путь по коридорам тоже занял немало времени. Люминофоры догорели, сталкер с девушкой снова шли с фонариками. Лужи мерзко булькающей «газированной», электрические «медузы», «гравы» и «жарки» никуда не делись, их приходилось обходить, протискиваться по стеночке, рискованно перепрыгивать — в общем, это не была милая прогулка. И хорошо еще, что зверья им не попадалось, потому что после схватки с бюрером оба ствола остались практически без патронов.

Когда сталкер с девушкой наконец выбрались наверх из подвала и вышли в заводской двор, Мышка так обрадовалась небу, словно провела в подземельях неделю, не меньше. И пусть оно хмурится, пусть поливает людей дождем — под ним можно дышать! А под землей кажется, что потолок давит на плечи, и волей-неволей задерживаешь дыхание. Бедные мама с папой, они навсегда остались под землей...

Но, как говорил дядя Дима Шухов, то, что случилось, — уже случилось, и нечего реветь. Вот она уже и не ревет. Просто грустно, и с этим ничего не поделаешь.

Девушка вдруг остановилась. Ржавая пыль фонтанчиками взвилась у нее из-под ног.

— Слушай, Кайман! А почему Везунчик написал паспортные имена? Почему не «сталкеры Бюрерша и Пономарь»? Вы же... Ну, я хочу сказать, сталкеру прозвище важнее имени! Если сигнал о гибели сталкера проходит по сети, что пишут? Прозвище и координаты, верно?

— Хороший вопрос... — хмыкнул Кайман. — Знаешь, я думаю, Тим нашел у них записки с именами. Ну, зашивают в ворот комбинезона патрон с запиской, чтобы в случае чего опознали. Так еще прапрадеды наши на войне делали. А сталкерские прозвища он просто не знал. Ну, про Бюрершу-то он слышал, но это ж надо сопоставить.

— Похоже на то, — согласилась Мышка.

— А наладонники их были уничтожены, — развивал тему сталкер, — ну, или пришли в негодность. Потому-то никто и не знал места, где они погибли.

— Шухов знал, — сердито сказала девушка. — Если ему все в Зоне известно, значит, известно и это.

— Вот он тебе и рассказал как мог, — прищурился Кайман. — Давай, Мышонок, прибавим шагу. Разговоры будем у дяди Миши разговаривать, в уюте и безопасности.

Свинцовые тучи над ними прошла ослепительная молния. Издевательски расхохотался гром. Мышка замолкла, надвинула поглубже капюшон и заспешила за сталкером.

Глава восьмая. Лобовая атака

41. Сталкер Кайман, на пути к хуторку дяди Миши

Из-за вылазки на ржавый ремзавод Кайман с Мышкой оказались достаточно далеко к северу, чтобы не пересекать липкую стеклянную полосу, которую девушка сравнила со следом гигантского слизня — давным-давно, в самый первый день, когда они шли с хуторка дяди Миши на Западную свалку. То место, куда доходила и где внезапно заканчивалась полоса, они обогнули с севера, сделав лишь небольшой крюк. За приметным холмом, на верхушке которого сломанная сосна исполняла роль дорожного указателя, они резко свернули к югу и двинулись в юго-западном направлении.

В подвалах ремзавода дурные предчувствия Каймана не мучили. Нет времени на предчувствия, когда отбиваешься от бюрера или разгадываешь головоломные загадки, связанные не с кем-нибудь, а с любимой женщиной или с другом-напарником. Но стоило оставить завод позади, как душевная маята навалилась на сталкера с новой силой. Надвигалось что-то очень нехорошее, но что?

Кайман подозревал, что так и не узнает подробностей, пока они не вывалятся ему на голову в худшем виде. И какой, простите, прок от подобной интуиции? Одно только издевательство над нервной системой.

А может, он просто слетел с катушек. Шесть лет в Зоне — большой срок, вот нервная система и загнула. Ну что, сталкер Кайман, пора на пенсию? Из тебя еще может получиться законопослушный гражданин Геннадий. М-да, нерадостная перспектива. Нет, разумеется, Кайман неоднократно представлял себе, как однажды сорвет большой куш и свалит из Зоны богатым человеком. Ну вот, теперь тайник Бюрерши в его распоряжении, и что дальше? Хочет ли он на самом деле бросить сталкерское ремесло и превратиться в жирующего бездельника? Или одержим Зоной настолько, что найдет любой предлог, лишь бы остаться здесь?

Вопросы, вопросы. Можно будет поразмыслить над ответами на досуге. По-любому надо сперва выбраться за Периметр. И вывести Мышку, что гораздо важнее.

Гроза разбушевалась надолго. Дождь то мельчал до мороси, то срывался в ливень со шквальным ветром, чтобы потом опять сойти на нет, — а молнии полосовали небо беспрерывно, словно вознамерились порвать его в клочья.

Сталкер надвинул капюшон и бросал косые взгляды на девушку, как она справляется со стихией. Мышка шла уверенно, не спотыкалась. Молодец все-таки девчонка! Кайман испытал прилив гордости за нее. Сколько женщин на ее месте запросились бы отдохнуть! А Мышка молчит. Понимает, что если бы такая возможность была, сталкер бы ею воспользовался. А нету возможности. Надо торопиться. Они и так провели слишком много времени в подвале. Теперь надо идти, невзирая на дождь.

Засветло они к дяде Мише уже не успеют. Ну ничего, придут в темноте, поздно вечером — но все-таки вечером. Чутье подгоняло Каймана. Может быть, неприятности грозят хуторку? Или это просто желание оказаться в безопасном месте, в родной норе, когда неприятности разразятся?

В нескольких шагах перед Кайманом электрический разряд возник в каком-нибудь метре над землей и стремительно утек в почву. Сталкер от неожиданности отшатнулся. Мышка ойкнула.

— Первый раз такое вижу, — признался Кайман.

Хотя воздух в Зоне всегда насыщен и электричеством, и аномальной энергией, эта гроза, похоже, была особенной. Зверье попряталось и не отвечивало. И то сказать, в такую погоду даже контролер псевдособаку из логова не выгонит. Потому что она его покусает за одну только попытку!

По-разному реагировали на грозу аномалии. Попавшаяся по дороге «карусель» искрила, как неисправная электропроводка. Тут как раз дождь припустил сильнее, и зрелище вышло хоть куда. Вода не проникала внутрь воздушного вихря, и струи ливня стекали по внешнему контуру аномалии, так что получилась невообразимая скульптура из воздуха и воды, в глубине которой сверкали искры.

«Гравитационные плечи», похоже, действовали слабее. А может, сталкеру с девушкой они просто не встретились. Во всяком случае, Кайман ни разу не увидел характерной картины ускорения дождевых капель и струй, которая обозначила бы гравитационную аномалию.

Но уж, конечно, «электры» чувствовали себя прекрасно. Когда все вокруг озарялось ярким сполохом молнии и тотчас гром раздирал уши, в такт небесной иллюминации вспыхивали фиолетовые и синие полусферы «электр» — как дикий кусты с плазменными цветами.

Это было страшно и действительно опасно, но настолько красиво, что Кайман почти пожалел, когда гроза пошла на убыль.

Кайман посмотрел на мрачное, затянутое черными тучами небо. Там, за плотной облачной светомаскировкой, солнце вот-вот уйдет за горизонт. А здесь, внизу, уже и так темно — а скоро станет еще темнее. По прикидкам сталкера, им оставалось часа полтора пути до того места, откуда можно будет вызвать дядю Мишу с «прыгунком», чтобы проводник перенес их на хуторок, внутрь кольца аномалий. Вот где небось было зрелище!

Гроза утихла окончательно. И сразу, как только умолк шум дождя и перестали оглушать раскаты грома, сталкер услышал бесплотный голос, шепчущий на незнакомом языке, — словно радиостанция в мозгу включилась. Голос Зоны, так он для себя называл это явление. Предвестник выброса.

Ах ты ж ёшкин кот! Вот это засада.

Кайман остановился так резко, что Мышка по инерции пролетела еще несколько шагов, и ей пришлось возвращаться.

— Что случилось?

— Выброс, Мышонок, — хмуро сказал сталкер. — Вот что чуйка мне подсказывала...

Он осекся. Поганое чувство надвигающейся беды стало сильнее. Но он по-прежнему не мог определить, связано оно с близким выбросом или не связано. Ладно, сперва — насущные проблемы.

— Мы можем не успеть на хуторок дяди Миши до выброса. У нас еще около часа времени, но я могу ошибаться. Надо очень спешить. Придется вкатить нам по уколу стимулятора, категорически вредного для печени, и бежать почти бегом.

— Вот черт, — угрюмо сказала Мышка. — Ну, давай свой вредный укол. Надеюсь, это последний. Я уже вся прыщами покрылась от ваших антидотов и стимуляторов.

«Конечно, последний, — хотел сказать Кайман, — потому что больше я тебя в Зону не пушу!»

Но не сказал, разумеется.

Стимулятор прокатился по телу морозной обжигающей волной ледяного крошева, стирая усталость. Как всегда, Кайман почувствовал радостную готовность мышц и оглушительную пустоту мыслей.

Захотелось подхватить Мышку на руки и бежать с ней на руках. Сталкер с трудом обуздал романтический порыв. Так можно сжечь силы прежде времени, а это окажется смертельным.

— Пока что будем идти шагом, Мышонок. Но очень быстрым!

И они двинулись вперед еще быстрее. Сумерки стремительно превращались в ночь. Пришлось надвинуть на глаза нелюбимые Кайманом приборы ночного видения. Ночь стала светло-зеленой.

Голос Зоны монотонно нашептывал сталкеру дикие звуко сочетания. Он стал громче — время выброса приближалось.

Кайман достал ПДА, на ходу набрал послание дяде Мише. У них давно был выработан порядок встречи, поэтому послание было коротким — только координаты, где проводник должен их встречать, и время. Полчаса. Осталось полчаса.

Наладонник пискнул, принимая ответ дяди Миши. Проводник предпочитал русское «Ага» общепринятому «ОК», которое необъяснимо, но страстно ненавидел. Кайман едва

успел порадоваться ответу, как ПДА просигналил о приеме следующего сообщения: «Всем в укрытие! Выброс через тридцать минут».

— Успеваем, Мышонок! Но еле-еле, впритирку.

Девушка молча кивнула.

Наверное, они единственные находились сейчас под открытым небом. После грандиозной грозы — и перед выбросом, который тоже обещал быть сильным. Даже обычного по ночам воя слепых собак не было слышно, Зона словно затаилась. Только голос в ушах Каймана уже почти кричал.

Они издалека увидели фигуру дяди Миши в неизменном ватнике. Проводник беспокойно топтался на месте. Сталкер обрадовался ему так, как не радовался еще никогда.

— Ну вы, блин горелый, заставили меня поволноваться!

Дядя Миша обменялся рукопожатием с Кайманом, ловко подставил небритую щеку под Мышкин поцелуй.

— Сейчас как въгорит! Мало не покажется. Давайте, быстро, быстро!

Проводник подхватил девушку под локоток, развернулся, шагнул — и они исчезли. Оставшись один, сталкер сдвинул на лоб прибор ночного видения и посмотрел в небо. Там на глазах вспухал и грозил вот-вот прорваться багровый волдырь. Полыхнула малиновая зарница, вслед ей — другая. Кайман почувствовал во рту металлический привкус. Аномальные силы Зоны рвались на свободу. Когда-нибудь они вырвутся окончательно, и Зона распространится на весь мир. Вот о чем кричал чужой голос. Выживут только те, кто уже привык к Зоне. Освоился. Принял ее. Был отмечен Зоной как свой.

Дядя Миша вернулся за Кайманом и обнаружил, что сталкер сжимает пальцами виски.

— Эй, Генка, ты чего? — обеспокоился проводник. — А ну, пошли давай, щас водки выпьем, и все пройдет.

Он ухватил Каймана за руку, проделал свой фирменный танцевальный разворот. Сталкер на миг потерял земное притяжение, как при взлете самолета, и обнаружил себя в помещении без окон. Дядя Миша доставил их прямо в подвал дома, где хозяева и гости хуторка обычно пережидали выбросы.

Здесь было душно, тепло и безопасно. На тюфяке, расстеленном прямо на полу, лежала Мышка. Девушка не сняла комбинезона, только капюшон стянула с головы. Она улыбнулась сталкеру, и он с облегчением улыбнулся в ответ.

Успели. Ух, плешь его побери! Добрались. Вернулись.

Кайману вдруг показалось, что все будет хорошо. Но он не стал обманываться. Пока они в Зоне, может случиться что угодно. Здесь ничего нельзя предсказать наперед — это единственное, что он знал.

42. Мышка, хуторок в Зоне

Сначала хотелось просто лежать и больше ничего. Лежать — это само по себе было счастьем. Наверное, никогда в своей жизни Мышка так не уставала. Бессонная ночь в пути, короткий отдых, затем странствия по подвалам ремзавода, схватка с бюрером, место гибели родителей... и долгий, выматывающий путь до хуторка дяди Миши.

Все эти стимуляторы в таблетках, уколах и энергетических напитках не убирали усталость, а словно отодвигали сознание Мышки от ее измученного тела, так что под конец девушке стало казаться, что по Зоне идет не она, а какой-то биоробот.

К чертям собачьим такие радости, если честно.

Но когда она повалилась на тюфяк, расстеленный прямо на полу подвала, и стянула с головы осточертевший капюшон, и расстегнула ворот, и прочувствовала каждой клеточкой тела, что больше никуда не надо идти... О-о! Это был миг запредельного блаженства.

Потом проводник доставил замученного Каймана, и Мышка совсем было решила, что можно расслабиться и поспать.

Не тут-то было!

— Мышонок! Не спи, нельзя. Поднимайся, выпей вот это.

Сталкер тыкал ей прямо в лицо большую жестяную кружку с каким-то дымящимся варевом. Девушка сдуру вдохнула пар и закашлялась. Похоже было на отвар из носков — хорошо выдержанных на ногах в течение нескольких суток похода. Ее собственные носки, надо полагать, прямо сейчас примерно так и пахнут. И что, вот это ей предлагают пить?!

— Ни за что, — твердо сказала Мышка. — Хватит надо мной издеваться. Дайте умереть спокойно.

— Глупая! Это травяной сбор. Снимет отходняк после стимуляторов.

Оттеснив Каймана, над Мышкой навис хозяин хуторка.

— Загонял он тебя, деточка? А ты по шеям его, по шеям! Но отраву... тьфу, отраву! выпить придется. Я верно говорю, от него попускает.

Девушка сдалась.

— Давайте отраву.

Варево оправдало ее худшие ожидания. Вкус оказался под стать запаху, так что у нее даже челюсти свело от отвратительной горечи и привкуса пыльной тряпки. Мышка закашлялась так, что из глаз полились слезы.

— И где вы эти травы собирали? — мрачно спросила она, отдышавшись.

— А где придется, милая, — небрежно махнул рукой проводник. — Я как увижу, что слепая собака траву жрет, так и примечаю — полезная, значит.

— Хватит врать, дядя Миша, — буркнул Кайман. И пояснил девушке: — Все тут растет, у него на огороде. Иссоп, кинза, еще какая-то дрянь, но вполне съедобная, ее даже в кулинарии пользуют. Ну разве что радиоактивная немножко...

— Да вы оба надо мной издеваетесь! — рассердилась Мышка.

Она приподнялась было и даже возмущенно стукнула кулаком по полу. И тут ее накрыло приступом. Девушка скрутилась жгутом, невыносимо болело в правом боку, все мышцы горели огнем, голова разваливалась на части, тошнило... Ох.

— Потерпи, милая, потерпи, — уговаривал ее дядя Миша.

А Кайман куда делся, интересно знать? Мышка скосила глаза. Кайман валялся рядом на тюфячке и, судя по всему, отдавал концы. Ага, очень хорошо — значит, вместе помрем...

Часа два Мышке было плохо, очень плохо и еще хуже. А потом внезапно полегчало. Тут-то она и заснула. И только проваливаясь в сон, вспомнила, что наверху все это время бушует выброс.

Сны были тяжелыми, горячечными. Она куда-то бежала, выбивалась из сил, тело отказывалось слушаться, а надо было бежать дальше, а она словно застывала в липком меду, в янтаре, в загустевшем киселе вместо воздуха — как там, в подвале, когда чужая сила вырвала у нее из рук винтовку и отняла способность двигаться... Но Мышка преодолевала сопротивление, она шевелила ногами — только очень, очень медленно, и с ужасом понимала, что к ней огромными прыжками мчится химера, и не убежать, не скрыться, а оружия нет...

Когда девушка наконец вырвалась из липкого сна, то постаралась сразу же все забыть. Жаль, что в подвале нет окон. Говорят, и она верила, что если проснуться и посмотреть в окно, то сон забудется.

В подвале не было не только окон. С просыпа Мышке первым делом понадобилось на горшок. Она направилась к двери, но проводник ее остановил.

— Куда?

Мышка объяснила.

Дядя Миша покачал головой.

— Выброс еще не кончился. Фигачит и фигачит, прямо страшное дело в этот раз. Хорошо, что вы сюда успели, потому что если бы не успели бы — эх, пришлось бы мне за упокой за ваш пить. А так, видишь, пью за здоровье!

Проводник поднес ко рту кружку и сделал глоток. Дядя Миша сидел в дряхлом кресле, початая бутылка водки стояла рядом с ним на полу. Еще одна, пустая, валялась неподалеку, и было совершенно понятно, как именно он провел эту ночь.

— Ну, отвернитесь тогда, — хмуро сказала Мышка. — Вон в том углу сейчас будет лужа.

— А хорошо, хорошо, — благодушно закивал проводник. — Ты не переживай, это там не первая лужа будет. Ничего, пол земляной... все нормально, в общем.

Мышка заснула снова, и на этот раз спала без кошмаров. Судя по отлежанным бокам, она проспала всю ночь и все утро. А проснулась от громких причитаний дяди Миши.

Правду сказать, сначала она подумала, что проводник допился до белой горячки. Две бутылки водки подряд способны укатать даже его привычный организм. Но дядя Миша не беседовал с космическим разумом и не гонялся за покемонами. Он лишь с монотонным упрямством повторял на разные лады, что все пропало. И еще ругался — сплошь матерно и весьма затейливо.

Кайман со стоном оторвал голову от тюфяка.

— Ты чего, дядя Миша, офонарел? Чего ругаешься?

Мышка только сейчас впервые заметила, что еще дальше, под самой стенкой, лежит еще один человек. Он лежал на спине и не шевелился. Клоун? Девушка с раскаянием подумала, что даже не вспомнила о несчастном калеке, занятая своими собственными телесными страданиями.

— А что с Клоуном? — спросила она, вдруг испугавшись, что тот мертв.

— Шаровой молнией контузило, — неожиданно трезво ответил проводник. — Еще в грозу, до ночного выброса, чтоб его...

Дальше последовали абсолютно нецензурные и вряд ли выполнимые пожелания.

— Да скажи толком, что случилось! — невежливо рявкнул Кайман.

— А ты пойди сам посмотри, — отреагировал дядя Миша. — Выйди наверх и посмотри. Лучше самому увидеть. Я как с утречка вышел... ну, не с утречка, потому как утром-то меня сморило, а когда проснулся вот сейчас, вышел, увидел... тудыть его в качель, глаза б мои на это не глядели!

Несмотря на противоречивые заявления, проводник выбрался из кресла и пошел вслед за сталкером.

Мышка сперва подошла к Клоуну, чтобы удостовериться, что бедняга дышит. Клоун то ли спал, то ли был без сознания — но дышал. Она постояла минутку над ним, соображая, чем может помочь, но так и не нашла варианта, а потому двинулась следом за Кайманом и дядей Мишей.

Оказалось, что она ужасно слаба и едва способна подняться по лестнице — но в остальном все было нормально. Ничего не болело, и вообще жизнь начинала казаться стоящим занятием.

Девушка с удовольствием выбралась из душного подвала на свежий воздух. Она постояла чуть-чуть, глядя вверх, на вычурные завитки облаков с проступающей из-под них небесной синевой, и даже улыбнулась погоде, неожиданно хорошей для Зоны. Потом Мышка перевела взгляд ниже и ахнула. Она бы, наверное, тоже выругалась — если бы все эти слова до нее не сказал дядя Миша.

Выброс, который бушевал над Зоной прошедшей ночью, был чудовищно силен. Как любой выброс, он породил одни аномалии и уничтожил другие — но сделал это в куда больших масштабах, чем обычно. На сплошном кольце аномалий, которое замыкало в себе хуторок дяди Миши, выброс сказался самым драматическим образом.

Кольцо разомкнулось.

Там, где прежде взгляд упирался в мутную стену дрожащего, словно нагретого воздуха на пересечении аномальных полей, теперь открылся проход в сотню метров шириной, в котором был виден обыкновенный пейзаж.

Мышка поняла, над чем причитал и отчего ругался проводник. Хуторок в Зоне перестал быть абсолютно безопасным убежищем, куда можно попасть единственно при помощи «прыгунка». Дядя Миша в одночасье лишился всех своих привилегий, словно свергнутый монарх. Это была катастрофа.

Девушка направилась туда, где у границы разомкнутого кольца стоял Кайман, мрачный, как голодный кровосос. Дядя Миша, кряхтя, ворча и причитая, вытащил из кармана ватника «Велес» и отправился вдоль периметра кольца искать артефакты. Да уж, сегодняшний урожай, хоть и должен оказаться богатым, его не обрадует.

Сталкер закурил, задумчиво глядя в распахнувшуюся даль.

— Плохо дело, Мышонок, — сказал он, не оборачиваясь. — Придется нам менять базу. Блин, сколько здесь всего по нычкам рассовано и в огороде закопано, ты б только знала! Придется теперь перепрятывать понадежнее... Эх, какая база была! И охраны не требовалось, дядя Миша с Клоуном вдвоем жили, ничего не боялись. Курорт был! А теперь...

Он оборвал фразу, махнул рукой.

В створе прохода, куда смотрел Кайман, появилась слепая собака. Постояла, вытянув гадкую безглазую морду в сторону людей, словно принюхивалась. Сталкер выругался и потянулся за пистолетом в набедренном кармане. Псина мотнула головой и отбежала подальше, но совсем не ушла, маячила в отдалении.

Кайман зло сплюнул.

— Вот, пожалуйста. Твари, бандиты — заходи кто угодно. Кончилась райская жизнь на хуторке. Начинается обычный беспредел.

— Дядя Миша сказал, Клоуна шаровой молнией ударило, — заметила Мышка. — Лежит в отключке. Может, его лечить надо?

— Может, и надо, — буркнул Кайман. — Только где? За Периметр его тащить — сунут в психушку, пропадет Клоун... Да и дядю Мишу здесь теперь не оставишь. А куда его? Я вот думаю, может, у Корсакова подмоги попросить? Надо как-то разруливать ситуацию... Ах ты ж, ёшкин кот, не было печали! Вот она, жопа, про которую мне чуйка говорила. Мда-а... Давай-ка, Мышонок, топай за «винторезом», проход теперь придется караулить. Я пока с дядей Мишей поговорю, чего нам делать. Все-таки он здесь хозяин.

— Я в душ хочу, — мрачно сказала девушка. — Только не говори, что это женские заморочки. А хоть бы и заморочки, мне плевать! Надоело ходить в грязи по уши.

Сталкер душераздирающе вздохнул.

— Тебе кем лучше быть, Мышонок? Чистеньким трупом или в грязи, но живой?

— Чистеньким трупом, — отрезала Мышка. — Хватит, мое терпение кончилось! Я буду бороться за права женщин в Зоне.

— Борись, пожалуйста, — Кайман развел руками. — Но бороться лучше с оружием, это я тебе точно говорю. Так что... марш за «винторезом»!

Девушка засмеялась.

— Ладно, уговорил, иду.

Со стороны дома к ним косолапо торопился дядя Миша, размахивая коммуникатором.

— Слышь, Гена, напарник твой объявился! Я сперва даже не понял, кто это кодовый сигнал с незнакомого номера шлет. Просит его подхватить из-за Периметра. Дык не вопрос! Там, небось, уже и Подлесье после вчерашнего Зоной захлестнуло...

Тут взгляд проводника упал на Мышку:

— О, это ж Тимкин комбез, верно? Ладно, я вас предупредил. Через четверть часа вернусь с Тимкой, кто не спрятался — я не виноват.

Девушка посмотрела на Каймана. Кайман уставился на нее.

— Вот тебе и Везунчик, — нервно хихикнула Мышка. — Сейчас мы все узнаем! Что-то мне не верится... А тебе, Кайман?

— Ты мыться хотела? — проворчал сталкер. — Ну, можешь пока помыться. Только очень быстро.

— Ага, вылить на себя ведро холодной воды, — фыркнула девушка. — Это я, пожалуй, успею.

Тем не менее она вернулась в дом, с облегчением стянула пропотевший комбинезон, быстренько ополоснулась и переоделась в свои шмотки. Зеркала у дяди Миши не было и в помине. Мышка растрепала пятерней влажные волосы, чтобы сохли побыстрее. А чего ей,

собственно говоря, прихорашиваться? Кто он ей такой, этот Везунчик? Напарник Каймана, который нашел место гибели ее родителей, да и все. Все? А волновалась она больше, чем когда снимала в «Штях» Каймана, чтобы уболтать сталкера отвести ее в Зону.

С бьющимся сердцем и неуверенной улыбкой, которая то вспыхивала, то гасла на ее губах, Мышка выскочила из дома.

Во дворе стояли трое — дядя Миша, Кайман и невысокий светловолосый парень в обычных джинсах и куртке, с рюкзаком на плече. С первого взгляда Мышка поняла, почему ее в Зоне не один раз и не два принимали за Везунчика. И почему никто из лиманских сталкеров, хорошо знавших Везунчика, не усомнился, что Мышонок — его младший брат. Сходство было разительным. Она только удивилась, как этого не заметил Кайман — ну, разве что он смотрел на нее как на свою женщину, совсем другим взглядом.

Парень усмехнулся, прищурился, склонил голову. Все это выглядело так знакомо, что казалось нереальным.

— Ну, здравствуй, сестренка, — тихо сказал Везунчик.

43. Сталкер Кайман, хуторок в Зоне

Отпустив Мышку в душ, Кайман не стал уходить со двора. Так и стоял, глядя в Зону через проход в отныне разомкнутом кольце аномалий. Закурил еще одну сигарету. Обернулся на звук шагов и тяжелое дыхание дяди Миши.

Везунчик изменился за то время, что провел за Периметром. Повзрослел, что ли? Хотя он всегда выглядел старше своих лет за счет взрослой уверенности во всем, от движений до поступков.

Кайман шагнул навстречу напарнику, протянул руку.

— Привет, бродяга!

Тим усмехнулся и ответил теми же словами:

— Привет, бродяга.

— У нас крупные неприятности, напарник, — Кайман махнул рукой в сторону прохода. — Ты вовремя вернулся.

Тим хмуро уставился на брешь в кольцевой обороне хуторка.

Теперь, когда Кайман привык видеть Мышку и успел основательно отвыкнуть от Везунчика, ему сразу бросилось в глаза, как сильно они похожи. Ёшкин кот! Да что же это все-таки значит? Сталкер не стал разводить длинные предисловия.

— Сейчас к нам выйдет девушка. Моя... — он вспомнил влюбленную парочку из Буряковки и усмехнулся, — моя невеста. Ее зовут Алина Сергеевна Пономаренко. Тебе это имя что-нибудь говорит?

Везунчик вздрогнул. Но если бы Кайман не наблюдал внимательно за напарником, он бы этого не заметил, потому что голос его прозвучал ровно.

— Говорит, — спокойно сказал Тим. — Я полагаю, она моя сестра.

— Опа!

Дядя Миша, про которого они забыли, восхищенно вытаращился на Везунчика.

— Вот это номер! Так, мужики, ничего без меня не выясняйте, я сейчас водки прихвачу и вернусь.

Проводник повернулся к дому, и тут в дверях показалась Мышка.

— Ну, здравствуй, сестренка! — сказал Везунчик.

Мышка молча подошла к ним, заглянула Тиму в лицо. Потянулась и бессознательным жестом взяла Каймана за руку, сжала запястье, продолжая вглядываться в молодого светловолосого мужчину, который стоял перед ней. Кайман волей-неволей смотрел и сравнивал вблизи два лица, мужское и женское. Ну да, насколько он мог судить, либо перед ним близкие родственники, либо это очень уж невероятное совпадение.

— Здравствуй, — сказала девушка.

Кайман отметил, что Мышка все-таки не назвала Везунчика братом.

— Ты меня помнишь? — требовательно спросила она.

Тим покачал головой.

— Прости. Я ничего не помню из своего раннего детства.

Кайману показалось, что при этих словах девушка немного отстранилась от Везунчика.

— А почему ты решил, что я твоя сестра?

— Вот поэтому.

Тим полез в нагрудный карман куртки и вынул оттуда старинный медальон на цепочке, на котором еще сохранились остатки позолоты. Он щелкнул рычажком, и медальон раскрылся. Внутри была маленькая фотография вылинявших цветов, на которой мало что можно было разобрать. Ее увеличенная копия в наладоннике Тима, которую Кайман с Мышкой видели, выглядела гораздо более внятно.

— Дай.

После недолгого колебания Везунчик протянул медальон Мышке. Девушка положила его раскрытым на ладонь, некоторое время вглядывалась в снимок, а потом коснулась медальона губами и прижала ладонь к щеке. Когда она отняла ладонь, на щеке остался отпечаток.

— Так почему? — повторила она вопрос. — Ты увидел фотографию и решил, что малыш вместе с нами — это ты. Почему?

Медальон Мышка закрыла и надела цепочку на шею. Тим тоскливо проводил его глазами, но не решился возражать.

— Там, на снимке, мой любимый жираф, — сказал он. — Он был со мной, когда меня нашли в Зоне. Я до семи лет без него заснуть не мог. Вы бы видели, на что он стал похож! Мама его сто раз выкинуть хотела, а я не давал. Ну, то есть моя вторая мама, приемная... Это длинная история вообще-то...

— Большую часть этой истории мы уже знаем, — вмешался Кайман. — Но в ней зияет дыра величиной с Атлантический океан. Матвею Пономаренко сейчас должно быть четырнадцать лет. Если это ты, какого черта тебе двадцать?

— Около двадцати, да, — кивнул Везунчик. — Приемные родители мой возраст определили на глазок, сами понимаете...

— Тим, — с обманчивой мягкостью сказал Кайман. — Не крути. Я не спрашивал твой точный возраст. Я спросил, почему тебе лет на шесть больше, чем должно быть Матвею?

— Потому что меня забросило в прошлое, — твердо сказал Везунчик. — Черт побери, Кайман, что ты на меня так смотришь? У меня у самого крыша едет от такого расклада, но других вариантов нет. Думаешь, я вру? Ты что, первый день меня знаешь?

— В последнее время мне стало казаться, что я совсем тебя не знаю, — проворчал Кайман. — Да нет, я же вижу, вы с Мышкой похожи, как... ну да, как брат и сестра. Но жираф на фотографии — это, знаешь ли, для меня не доказательство. Пойди еще разгляди там того жирафа... Мышонок! Ты помнишь игрушку на снимке?

— Не-а, — покачала головой Мышка.

Дядя Миша, который все это время страдал без водки, но не решался покинуть выясняющую отношения компанию, решил внести ясность.

— Щас полагается найти особую примету, — уверенно заявил проводник. — Самое время. Ну, там, родимое пятно в форме фасолины или приметный шрам. Есть у тебя родинка, Тимофей?

— Нету, — развел руками Тим.

— Что значит «полагается»? — возмутилась Мышка. — Вы, дядя Миша, сериалов небось насмотрелись, но мы-то причем?

— Ну, нет так нет, — пошел на попятный дядя Миша. — Я хотел как лучше... Эх! Так я и думал, без бутылки не разберешься.

И он заторопился в дом.

— Давайте я вам расскажу все по порядку... — начал было Тим.

Дядя Миша выскочил обратно из дома как ужаленный.

— Слышь, ребята, Клоун очнулся!

Головоломная история Везунчика вытеснила у Каймана из мыслей все остальное. Попросту говоря, он совершенно забыл о Клоуне и теперь недоуменно уставился на проводника. Очнулся, ну и хорошо. Кричать-то чего?

— Совсем очнулся! То есть пришел в себя и разговаривает! Ну, то есть, нормальный он, вы поняли? Видать, закоротило его молнией в нужном месте.

Да что проводник несет, плешь его побери? Это Клоун-то нормальный? Или сам дядя Миша с нарезки слетел? И то сказать, всю ночь до утра он квасил, затем от огорчения добавил, а сейчас еще полирнулся — и ку-ку, прощай, крыша.

— Поняли мы, поняли, — ласково согласился Кайман. — А давай-ка ты, дядя Миша, спать ляжешь, а?

— Да какой спать! — возмутился проводник. — Я ж вам говорю!..

Отстранив хозяина дома, в дверях появился Клоун. Взгляд его обежал всех троих и остановился на Каймане.

— Привет, крокодилище, — сказал Клоун, причем не тем дребезжащим фальцетом, к которому Кайман уже успел привыкнуть за последние три года, а вполне нормальным, хотя и хриплым голосом. — Чего тебя перекосило? Бухал, что ли, неделю подряд? Слушай, что-то я не помню, как сюда попал. То ли ужрался в ноль, то ли контузило меня... Мы вообще где?

Мышка громко ахнула.

— Контузило, — прошептала она. — Вчера. Шаровой молнией ударило. Дядя Миша сказал... Клоун! Ты, что ли, в себя пришел? От электричества?

— Какой еще клоун?!

Мужчина недоуменно посмотрел на девушку. Затем перевел взгляд на свои руки. На лице его медленно проступил ужас. Он с трудом пошевелил пальцами опухшей левой руки, медленно ощущал свое лицо, затем глянул на свою одежду, грубо сшитую из двух половин, как уродливый шутовской костюм.

— Что это значит? — потрясенно спросил мужчина. — Я что, сошел с ума?!

— Наоборот.

Кайман откашлялся.

— Это мой друг Вадим, — представил он бывшего Клоуна. — По прозвищу Стиляга. Мы с ним вместе у одного сталкера отмычками начинали. А это, Димка, мои нынешние напарники, Мышка и Везунчик. Тебе, Димка, прости за прямоту, три года назад «электрой» мозги пережгло, и дядя Миша тебя здесь на хуторе приютил. А вчера тебя шаровой молнией стукнуло и в разум вернуло.

— Врешь! — убежденно сказал Вадим. — Три года?!

Он посмотрел на всех по очереди, мрачней с каждым встреченным взглядом.

— Что, правда? — упавшим голосом пробормотал он.

Проводник взял его за локоть.

— Пойдем, Дима, я тебе заново все покажу, где у нас что, — сказал он. — Умоешься, переоденешься... Пропустим по стопочке за твое возвращение...

На пороге дядя Миша обернулся и обвиняюще ткнул в Каймана пальцем.

— Во, понял теперь? А ты — спать, спать!

— Извини, дядя Миша, — покаялся сталкер. — Был неправ.

— То-то же, — буркнул проводник и исчез за дверью.

Некоторое время все молчали.

— Фигассе! — наконец высказалась Мышка.

— Да уж, — усмехнулся Везунчик. — Моя скромная история блекнет и меркнет в сравнении.

— Зона, — со значением сказал Кайман. — В Зоне может случиться все что...

Треск автоматной очереди в отдалении прервал его слова. Трое переглянулись.

— Та-ак, — угрожающе протянул Кайман. — Мы нынче открыты всем ветрам, надо быть наготове. Разговоры потом, давайте вооружаться. Мышонок, бери «винторез» и не выпускай из рук. Не возражай, Тим, она отлично стреляет.

Девушка кивнула и направилась к дому.

— В смысле, мой «винторез»? — запоздало осознал Везунчик.

Мышка обернулась через плечо:

— Твой любимый «винторез», без которого ты до двадцати лет заснуть не мог. Вы бы видели, на что он стал похож! — ехидно бросила она и исчезла в дверях.

Кайман захохотал.

— Мышонок у нас зубастый, — на ходу сказал он. — За то и люблю! Слушай, Тим, так это что же, мы действительно за тобой по всей Зоне гонялись? Не могу поверить!

— А вы за мной по всей Зоне гонялись? — удивился Везунчик.

— Да не за тобой, а за Мышкиным братом! Ну, то есть, получается, за тобой... Если это ты, конечно. Ладно, после разберемся. Давай-ка сейчас вытащим ящик со стволами, достанем пулемет и занесем на чердак.

Проход в кольце аномалий открылся в северо-северо-восточном направлении — примерно с той стороны вчера пришли Кайман с Мышкой. Дом, ориентированный по сторонам света, фасадом был обращен к северу. Поэтому чердачное окно смотрело не по центру прохода, а левее. Кайман оставил Везунчика с ПКМ и патронами наверху, оборудовать пулеметную точку, а сам вернулся вниз.

Ящик с оружием они бросили на первом этаже. Мышка с винтовкой встала у окна. Кайман спустился в подвал за верным «эф-эном». Черт, не успел почистить ствол... Вчера не было сил, он думал как раз сегодня этим заняться, в тишине и спокойствии. Ага, как же! Но кто знал, что сегодня пойдет такая круговерть?

Кайман поднялся наверх как раз вовремя, чтобы услышать очередные выстрелы. На этот раз стрелявший бил одиночными. Экономил патроны? За то время, что сталкер бегал вверх-вниз с оружием и без, звуки выстрелов приблизились. Кто-то, кто бы он ни был, направлялся в их сторону.

Ну что же, если это противник, они готовы встретить его огнем. То есть не в том смысле готовы, что все прекрасно, а — насколько возможно, настолько и готовы. Кайман все-таки надеялся, что столкновение им не грозит. Мало ли кто там стреляет и почему! Вовсе не обязательно это многочисленные противники. А, например, безобидный одинокий сталкер отбивается от безобидного одинокого зомби...

Прогремели одновременно несколько автоматных очередей. Безобидный сталкер стрелял как минимум с трех рук. Какая чудная картинка!

Судя по звуку, стрелявшие должны были уже оказаться в пределах действия ПДА. Кайман глянул на экран и с облегчением выдохнул. Зеленые точки — союзники. Уже неплохо. Вопрос в том, от кого они отстреливаются, от зверья или от людей. Как всегда, люди намного опаснее.

Строить гипотезы оставалось недолго. Совсем близко, к востоку от хуторка рванула граната. В створе прохода показались два человека в комбинезонах, которые поддерживали третьего, очевидно раненого.

Один сталкер, повыше ростом, двинулся по проходу в направлении дома. Второй вместе с раненым остался на месте.

Кайман подпустил незнакомца поближе и крикнул ему:

— Стой, приятель! Положи оружие! Вы под прицелом. Кто такие?

Сталкер спокойно опустил свой АК на землю.

— Лиманские! — громко ответил тот. — Группа Корсара. А ты кто?

Группа Корсара?

Мышка с Кайманом переглянулись. Если это действительно их лиманские знакомцы во главе со своим старшим, то можно давать отбой тревоге. Но зачем они здесь, так далеко от базы? И в кого стреляли? Кайман чувствовал, что расслабляться рано.

— Здесь Кайман! — крикнул он.

Высокий сталкер тем временем расстегнул шлем и стянул капюшон, открывая лицо и голову. Показалась вытянутая лошадиная физиономия Шамана.

— Опа! — обрадовался Кайман. — Привет, спаситель! Щас я к тебе выйду.

Шаман довольно ухмыльнулся при виде Каймана. Они обменялись коротким рукопожатием. Лиманский сталкер обернулся к своим, призывно помахал рукой.

— Ствол подбери, — сказал Кайман.

— Он все равно без патронов, — вздохнул Шаман, подхватывая автомат. — Вы тут хоть при оружии?

Мышка без спроса высунулась на крыльцо, приветственно кивнула Шаману.

— Ну, скорее да, чем нет, — осторожно ответил Кайман. — А в чем дело?

— Помнишь Колю Кровососа? Преемник у него объявился. Петя Контролер. — Шаман выразительно хмыкнул. — Объявил себя кровником убитого, пообещал нам страшную месть, а Корсара посулил прикончить сам лично. Ну вот, мы сегодня утром на них и напоролись, там же, на свалке. Если честно, влипли мы как детишки. У них оказались экзоскелеты. И сейчас кровососовцы... тьфу, чтоб их! контролеровцы у нас на хвосте.

— Корсар жив? — быстро спросил Кайман. — А, ёшкин кот, нам здесь только бандюков не хватало...

— Жив, — утвердительно кивнул лиманский сталкер. — И невредим. Да вон он, замыкающий, как обычно.

К дому уже приближались по проходу остальные лиманские. Всего вместе с раненым их было шестеро.

— Опять ты! — буркнул Корсар вместо приветствия, пожимая Кайману руку. — Извини, бродяга, сейчас тут будет войнушка.

— Я уже догадался, — фыркнул Кайман.

44. Мышка, хуторок в Зоне

С появлением Корсара все стало делаться очень быстро. Лиманские сталкеры наводнили дом дяди Миши, как будто их было не шесть человек, а по меньшей мере двадцать. При этом сам Корсаков вроде бы никуда не спешил. Он расстегнул комбинезон, снял шлем и неторопливо повязал голову любимой черной банданой. Только после этого Корсар спокойно приветствовал Везунчика, который спустился с чердака.

— Чего к нам не заглядываешь? Или заболел? Напарник с твоим братишкой по Зоне разгуливает, а ты что?

Забившаяся в угол Мышка заранее покраснела.

— Почему с братишкой? — не догадался Тим. — Это моя сестренка.

— Сестра, значит, — без удивления повторил Корсар. — То-то я смотрю, чересчур тонкошей у тебя братишка.

— Ты извини, — вмешался Кайман. — К твоим людям никаких претензий. Мы просто не хотели перед всей Зоной светить, что Мышонок девушка.

— Да ладно, я понимаю.

Корсар встретился взглядом с Мышкой, едва заметно усмехнулся — не обидно, а с неожиданной симпатией.

— Так что, нашли вы, кого искали? Я нужной вам информации так и не обнаружил.

Мышка замялась.

— Все оказалось совсем не так, как мы думали, — выручил ее Кайман. — Как-нибудь расскажем. Спокойным вечером, за рюмкой чая.

Корсаков согласно кивнул.

— Постараемся обеспечить, — веско сказал он. — И рюмку чая, и спокойный вечер.

Лиманские сталкеры быстро оборудовали на чердаке гнездо для пулеметчика, с которым безуспешно возился Тим в одиночку. Кайман и Везунчик выпотрошили все тайники с оружием, которые у них были. Из разговоров Мышка поняла, что отряд Корсара совсем ненамного опередил бандитов, и те идут за сталкерами по пятам, хорошо вооруженные и в экзоскелетах. Слушая, как лиманские обмениваются репликами между собой и отвечают на вопросы Везунчика и Каймана, девушка составила себе вполне явственную картину того, что произошло.

Ночной выброс обещал богатый улов на Западной свалке. Корсар с отрядом в двенадцать человек выбрались туда с самого утра на двух машинах — «багги» и еще каком-то внедорожнике. Но еще раньше на Западную свалку явились бандюки Пети Контролера. Новый пахан умудрился где-то раздобыть дорожные армейские экзоскелеты и прочую козырную снарягу. Контролеровцы засели в засаде, поджидая лиманских, с которыми собрались покончить за смерть предыдущего вожака.

Всего против дюжины лиманских было двадцать человек бандитов, и половина из них имела экзоскелеты. Контролеровцы залегли на месте и отключили наладонники. Отряд Корсара влетел в ловушку самым обидным образом. Их могли всех положить, как слепых котят, если бы какой-то раздолбай не открыл огонь из засады раньше времени. Как только стало ясно, что происходит, Корсар скомандовал рвать когти.

Половине отряда на внедорожнике удалось вырваться и уйти в сторону Лиманска. Но лишь потому, что Контролер охотился лично за Корсаром. Корсар и еще пятеро, которым бандиты надежно блокировали путь на Лиманск и южнее, решили рвануть через липкую полосу на запад. В принципе, шансы у них были. Прирожденный водила из отряда, у которого даже сталкерская кличка была Водила, однажды уже проделывал этот трюк. Но сегодня ему не повезло.

Водила разогнал «багги» и на полной скорости вылетел на полосу липучки. Машина почти проскочила полосу, выехала передними колесами на твердую почву, но тут встала намертво. Задние колеса влипли в клейкий растворитель и стали мгновенно таять, как лед в гроге. «Багги» моментально просела назад, снизу потянуло ядовитым дымком, Водила клялся, что слышал гадкое шипение, с которым растворялись колеса. То ли после ночного выброса липкая полоса стала шире, то ли растворитель сделался мощнее — но отряд Корсара едва успел спрыгнуть с «багги», как с тонущего корабля. Багажник у них на глазах плавно опустился в липучку, капот жалобно задрался кверху. Короче говоря, от бандитов они временно оторвались, но машину потеряли.

Упорные контролеровцы в экзоскелетах двинулись в погоню за лиманскими сталкерами. Через слюдяную полосу они перебрались по северному «мосту» из поваленных сосен. В этот момент отлично было бы устроить им теплую встречу с применением всего огнестрельного оружия в ассортименте. Беда в том, что выбор оружия у лиманских остался скудный, как список прав у сталкера, пойманного вояками на Периметре с полным шмотником хабара. На четыре автомата — два рожка патронов. Всё. Ну, еще пистолеты и несколько гранат.

Поэтому отряд Корсара отступал к западу, ни на что особенно не рассчитывая. Шансов выжить у них было крайне мало. Бандиты шли за ними по пятам. Корсаков собирался отступать аж до Периметра и попытаться уйти из Зоны, уповая на то, что попытка прорыва привлечет внимание вояк, те сцепятся с бандитами, и из этой заварушки хоть кто-то из лиманских уйдет живым.

Внезапно возникший на пути хуторок дяди Миши, который не значился на картах Зоны, оказался для сталкеров спасательным кругом для утопающего.

Коренастый Федор, которого Мышка хорошо запомнила еще по той первой стычке с бандитами на свалке, выразился примерно так:

— Думали, трындец котенку. А хренушки, еще побарахтаемся!

Шаман прошелся по кольцу аномалий возле хуторка, собрал кое-что из того, что не успел пособирать до начала событий расстроенный дядя Миша, и смастерил из артов несколько сборок. Одну длинную конструкцию он протянул поперек прохода на манер минного заграждения.

Дядя Миша, в очередной раз вдохновленный водкой, путался у всех под ногами и норовил рассказать лиманским сталкерам то историю Клоуна, то историю Везунчика, перевирая обе так, что можно было решить, будто речь идет об одном человеке. Наконец озверевший Кайман приставил проводника к делу — проверять и чистить стволы, набивать запасные магазины патронами. Бывшего Клоуна, то есть Вадима — называть его теперь Стилягой было бы издевательством, — Мышка нигде не видела и решила было, что он

укрылся где-нибудь в тихом месте и пытается свыкнуться со своей новой жизнью. Но потом незнакомый сталкер, который тащил коробки с патронами, окликнул ее:

— Эй, Мышка, или как тебя? Дверь открой, руки заняты... Спасибо!

И девушка с изумлением узнала в незнакомце Вадима. Одетый в комбинезон, причесанный, он окончательно стал другим человеком. «Мышка, или как тебя», вот оно как? Девушка даже испытала что-то вроде мимолетного сожаления по прежнему Клоуну, такому несчастному и такому трогательному со своими карамельками.

Сама Мышка чувствовала себя растерянной. Слишком многое сегодня обрушилось ей на голову. Ей не хотелось разбираться сейчас в новой информации, пусть сперва уляжется этот водоворот. Тем более что ожидание боя сбивало с мыслей и выматывало нервы. Мышка привела в порядок «винторез» и не выпускала оружия из рук.

Сталкеры в два счета разобрались по огневым позициям. Двое, не считая Везунчика, засели на чердаке. Остальные заняли места у открытых окон двух больших комнат на первом этаже. Мышку Кайман попытался загнать в подвал, не преуспел и сердито велел ей держаться рядом, не высовываться и бить врага в голову.

Дом дяди Миши преобразился. Из мирного жилья он превратился в укрепление, где вооруженный отряд под жестким руководством опытного командира ожидал противника. И хорошо, что лиманские все делали в два счета. Потому что сказать «три» им уже не дали.

На экранах наладонников показалась группа красных точек. Бандиты целеустремленно двигались к хуторку.

— Ну, помогай, Зона! — шумно выдохнул Федор.

Одетые в комбинезоны, все сталкеры казались одинаковыми. Только Шаман выделялся ростом, да Корсар пренебрег шлемом и остался в черной бандане.

Контролеровцы показались в проходе. Их по-прежнему насчитывалось десять человек — никого не ранило, никто не отстал. Мышка впервые видела людей в экзоскелетах. В их походке было что-то птичье или насекомое, экзоскелет чуть подпружинивал на каждом шагу, словно человек норовил подпрыгнуть. Все их движения казались чуточку странными, как у пришельцев с планеты с более высокой гравитацией. Им было слишком легко. Мышка понадеялась, что бандиты еще не успели как следует привыкнуть к снаряжению.

Обычной, неподпрыгивающей походкой шагал только один, который без видимого усилия нес в одной руке гранатомет. Кто-то за спиной у девушки коротко и зло выругался.

Первые враги поравнялись со сборкой артефактов, протянутой Шаманом поперек прохода и замаскированной, и перешагнули ее. Мышка бессознательно ждала взрыва и заранее напряглась, но ничего не произошло. Корсар буркнул что-то вопросительное.

— Момент! — усмехнулся Шаман.

От края до края прохода натянулось призрачное полотнище. Воздух характерно подрагивал — как над аномалиями в кольце. Бандиты остановились, только один по инерции сделал еще шаг сквозь возникшее поле. На сгибах его экзоскелета заплесали едва видимые в дневном свете огоньки, вроде огней святого Эльма. Человек замахал руками, словно на него напал пчелиный рой, и принялся лихорадочно высвобождаться из сбруи. Мышка вспомнила рассказанную Кайманом байку про бродячий экзоскелет. Неужели этот тоже оживет?

Но оставленный оператором механизм не шевелился. Замер, как безголовый памятник.

— Минус один, — тихо сказал Шаман. — Жаль, что больше не нашлось шелковинок. Я бы тут все заплел.

Бандиты, рассмотрев под ногами арты, открыли по сборке огонь.

— И минус патроны, — довольно добавил лиманский спец по артефактам.

Призрачное поле погасло. Контролеровцы двинулись дальше, причем шли теперь гораздо осторожнее. Бандита, оставшегося без экзоскелета, вытолкали вперед. Шаг за шагом они приближались к дому, и больше ничего не происходило. Мышка закусила губу от напряжения. Тишина и бездействие держались на вымученном пределе, от которого было уже почти больно.

Идущий последним бандит пересек невидимую черту, установленную Корсаром.

— Можно, — негромко, словно для себя сказал Корсар.

На чердаке загрохотал пулемет.

Неестественный покой взорвался хаосом действия. Нападающие рассредоточились и мгновенно ответили огнем на огонь. И снова люди в экзоскелетах показались Мышке не вполне людьми. Они двигались ускоренными рывками, так что она с непривычки не могла прицелиться. И не только она. Стрекот и грохот оружия сталкеров сопровождался ядреным матом, когда стрелки промахивались.

Это оказалось куда труднее, чем думала девушка, — отлепиться от стенки, выглянуть в окно, прицелиться, выстрелить и тотчас убраться обратно, пока в тебя не попали. Оконные рамы разлетелись в щепки за считанные минуты, но стены из толстых бревен надежно защищали от пуль.

Мышка выбрала себе мишенью амбала с гранатометом. Она била по нему раз за разом, но никак не могла попасть. Выстрелы уходили в никуда. Это было невыносимо — как будто она разучилась стрелять. Казалось, вообще все пули летят мимо. Девушка на миг представила, что все происходящее — учения, игра, и стрельба ведется холостыми.

Но вот кто-то из обороняющихся скосил очередь бандита, который остался без экзоскелета. Бандита отшвырнуло на два метра назад, он упал навзничь и больше не двигался.

Сдавленно выругался и зажал ладонью плечо лиманский сталкер у соседнего с Мышкой окна. Из-под его ладони текла кровь. Сталкер привалился плечом к стене и полез в карман за аптечкой.

Вверху на крыше одна за другой разорвались несколько гранат. Гранатометчик пытался попасть в окошко чердака. Ему пока не удавалось точно прицелиться, но каждая следующая граната ложилась ближе к цели.

Зацепило выстрелом еще одного бандита, и пока раненый чуть замешкался, пулеметная очередь превратила его в наспигованный металлом труп. Другому нападающему защитники дома повредили экзоскелет.

Гранатометчик снова выстрелил по чердаку. Мышка выругалась. Да что же она не может по нему попасть?! Девушка выдвинулась в проем окна и четко, как на соревнованиях, выпустила очередь по врагу. Она почти достала его. Если сейчас не прятаться, а продолжать стрельбу... Мышка закусила губу и, не меняя позиции, отправила пулю за пулей в «десятку» — то есть в голову. Есть! Попала! Голова гранатометчика дернулась и...

Граната бахнула об стенку дома рядом с Мышкой. Девушку чудом не задело осколками, но контузило. Все расплылось у нее в глазах и, ничего не понимая, Мышка продолжала маячить в окне, на виду у вражеских стрелков.

Что-то ужасно тяжелое сбило ее с ног и толкнуло в угол. Мышка врезалась в стену так, что у нее вышибло дыхание. Когда девушка пришла в себя, первое, что она увидела, — распростертое посреди комнаты тело. Кайман стоял рядом на коленях и вглядывался в лицо лежащего.

— Стиляга, — пробормотал Кайман. — Вадим... Димка! Чертов ты клоун... Как же так?

В комнате постепенно собирались все остальные. Было удивительно тихо, и Мышка не сразу сообразила, что никто не стреляет.

— Что случилось? — шепотом спросила она у Корсара.

Корсар помедлил, словно не зная, как ей ответить, и ответил преувеличенно четко:

— Ты убила гранатометчика. В тебя стреляли. Вадим тебя спас. У нас в бою передышка. Бандиты отошли на дальнюю дистанцию.

— Вадим... — Мышка вытянула шею. — Что с ним?

— Мертв, — сухо сказал Корсар.

45. Сталкер Кайман, дом дяди Миши

Кайман баюкал Мышку в объятиях, исподлобья поглядывая на окружающих. Мышка редела в три ручья. Сталкер ее не винил. Вчерашний марш-бросок на стимуляторах,

сегодняшние потрясения, бой с бандитами — и вот теперь гибель Клоуна, который спас девушку, но сам поймал пулю. Если бы Мышка после всего не разревелась, Кайман бы заподозрил, что с ней что-то неладно. Пусть плачет, женщинам можно.

А Димку жаль, конечно. Погибших товарищей всегда жаль. У Каймана в памяти длинный список тех, кто был рядом и ушел навсегда. И с каждым годом в Зоне имен в списке становится все больше. Вот и Стиляга присоединился к ним. Эх, Димка, странную судьбу тебе подарила Зона... Прожить три года безумным калекой, на несколько часов обрести прежнего себя — и погибнуть. Красивая, чистая смерть. Смерть сталкера Стиляги, отсроченная на три года жизни Клоуна... Нет, лучше не задумываться о подобных вещах. Жизнь и смерть, по большому счету, всегда иррациональны, просто в Зоне все сущности проступают ярче.

— Так лучше, чем от водки и от простуд, — пробормотал вслух Кайман.

— Что? — переспросила Мышка сквозь слезы.

— «Так лучше, чем от водки и от простуд», — повторил Кайман. — Это сказал в прошлом веке Владимир Высоцкий, знаешь такого? Про смерть альпинистов. Но, я думаю, про сталкеров он сказал бы так же. «И пусть говорят, да, пусть говорят, но нет, никто не гибнет зря...»

Мышка разревелась сильнее. Вот черт! Рептилия бесчувственная. Не можешь утешить девушку — лучше и не пытайся.

Надо Мышонка отправлять за Периметр. Хватит с нее опасностей и переживаний. Бандиты, конечно, не ожидали такого отпора, думали взять тепленькими практически безоружных лиманских, а напоролись на пулеметный огонь. Конечно, им пришлось отступить. Но далеко контролеровцы не ушли, на ПДА было видно, что они выбрались из кольца аномалий и остановились сразу за его пределами. Хрен их знает, что они собираются дальше делать, штурмовать дом снова или ждать подмогу, но девушке незачем участвовать в продолжении боя.

Кайман поискал взглядом дядю Мишу.

Тут кто-то сунулся в дверь со словами:

— Корсаков здесь? Слышь, командир, там Васька тяжело ранило. Ну, вообще-то его почти убило...

Корсар буркнул ругательство и вышел. Ага, значит, не только Мышку надо отправить подальше отсюда, но и раненых. И надо пошевеливаться, пока бандиты не стреляют.

— Пойдем-ка, Мышонок, устроим тебя прилечь где-нибудь в тихом месте.

Тихое место оказалось, разумеется, подвалом. Там же Кайман нашел и дядю Мишу, который разговаривал с Везунчиком.

— Выведешь девчонку из Зоны? — спросил сталкер вполголоса, чтобы Мышка не услышала.

Проводник с сомнением поскреб седую щетину на подбородке.

— Ох, боюсь, не получится. Раньше надо было. Сразу как только мужики объявились. А сейчас, чую, отлив пошел. Откатилась Зона-матушка по эту сторону Периметра... Но ладно, я попробую.

«Прыгунок» дяди Миши относился к тем артефактам, которые действуют только в аномальном поле Зоны. Он позволял проводнику перемещаться в пространстве внутри более-менее круглого пятна с радиусом около пяти километров. В центре его как раз находился хуторок дяди Миши, и Кайман обоснованно подозревал, что и сам «прыгунок» был родом отсюда же, то есть порождением комплекса аномальных полей вокруг хутора. Подробностей сталкер никогда не выспрашивал.

Действительная граница Зоны не была постоянной, как линия Периметра, а колебалась, как линия морского прибоя во время прилива и отлива. Когда шел «прилив», аномальное воздействие Зоны на пару километров захлестывало за Периметр, и дядя Миша мог с помощью «прыгунка» переместиться туда. Именно так он подобрал по ту сторону границы Каймана с Мышкой три недели назад, а Везунчика — всего несколько часов назад.

Многолетний опыт научил проводника чувствовать колыхания поля Зоны, которые не поддавались прогнозам, поскольку в них не было математической закономерности — как и в выбросах. Зона жила, Зона дышала. И если дядя Миша говорит, что сейчас отлив, то... ёшкин кот! Плохо дело. И как они раньше не подумали?

А раньше было не до того. Слишком быстро все закрутилось.

— Ну ты хоть попробайся, — попросил Кайман.

Проводник молча сделал шаг в сторону, совершил в движении элегантный разворот — и исчез. Всколыхнулся стоячий воздух подвала. Танцевальные па дяди Миши всегда смотрелись ошеломляюще, потому что очень уж не вязались с его засаленным ватником. А ватник он, кажется, не снимал вообще никогда.

Сталкер вспомнил, что Можай со своим «прыгунком» обращался иначе и уходил в другую точку пространства прямо с места. Ну что ж, артефакты, как и люди, все разные. Только заводская штамповка дает одинаковые детали. Кстати, Можай просил сообщить ему, когда они найдут Мышкиного брата. А они нашли или не нашли? Кайман искоса глянул на Везунчика. Когда им уже дадут толком поговорить?

Дядя Миша возник посередине подвала и сокрушенно покачал головой.

— Не допрыгнул я туда. На полпути разворачивает. Теперь пару дней придется ждать прилива. Такое мое ощущение. Эй, Гена, ты чего?

Сталкер пялился на него так, словно увидел впервые в жизни.

— Дурак я, — медленно сказал Кайман. — Да, если честно, не я один. Везунчик тоже мог бы сообразить... Дядя Миша! Ты у нас знаешь кто?

— Кто? — перепугался проводник.

— Ты у нас стратегическое оружие большой мощности, — торжественно произнес сталкер. — А ну, быстро пошли к Корсару!

Лиманских сталкеров они нашли во дворе. Хмурый, осунувшийся Корсаков отдавал распоряжения своим. Он посмотрел на дядю Мишу.

— Что у вас в том сарайчике? Я мужикам велел Вадима и Василия пока что туда отнести. Позже похороним.

— Ну... ладно, пусть лежат ребята. Ничего там нужного нет, в сарайчике. — Дядя Миша огорченно махнул рукой. — Эх... Молодые, жить бы да жить... Дима, друган мой... Помянуть надо ребят.

— Стой, дядя Миша! — быстро сказал Кайман. — Слушай, Корсар, это важно. У дяди Миши есть «прыгунк». Знаешь такой артефакт? Настраивается на проводника лично. Дядя Миша с «прыгунком» может перемещаться на пару километров в радиусе хуторка. Предел — до пяти кэмэ. С собой он может прихватить одного человека. Снайпера с винтовкой, а? Что скажешь?

— Эпическая сила! — с чувством сказал Корсар. — Ну, вы это... Да-а... Ты меня, мужик, просто в блинчик раскатал. Что у вас еще есть в запасе? Признавайтесь сразу! Тактическая ядерная бомба в погребе? Ракетный комплекс в огороде? «Команч» с полным баком горючего, уж не знаю где... в сарае?

Дядя Миша вдруг просветлел.

— О, точно, вот куда я его дел! За стропила в сарае засунул! И вспомнить потом не смог.

— Кого? — подозрительно спросил Корсар.

— Дак этот, гаусс же, — объяснил дядя Миша. — Достался мне по случаю от святого человека. Ну, это, гостил у меня здесь один человек, а святость на него внезапно снизошла, после четвертой бутылки. Он тогда отказался от пушки, отдал мне, сказал — негоже святому человеку руки пачкать. Ну, я не святой, я взял, конечно. Он-то потом передумал, когда протрезвел, и я бы отдал ствол, только найти не сумел. А сейчас вот вспомнил! Патронов только к нему мало...

— Хорошо. Снайпер с гауссом в тылу противника — это очень хорошо.

Корсар прищурился, оглядывая своих бойцов — кому поручить задание.

— Везунчик — снайпер, — сказал Кайман.

Везунчик утвердительно хмыкнул.

— И я снайпер, — прозвучал за спиной у Каймана Мышкин голосок.

Ёшкин кот! Сталкер обернулся. Глаза у девчонки опухли от слез, зато губы были упрямо сжаты. Ну да, разумеется! Как он мог подумать, что Мышка останется лежать в тихом безопасном месте? Вот если бы он ее цепями приковал — тогда еще можно было надеяться, и то вряд ли.

— Вероятно, это семейное, — усмехнулся Везунчик.

Он, надо полагать, имел в виду способности к стрельбе. Но Кайман мрачно подумал, что стрельба это частности, а дети Бюерерши унаследовали от матери главное — характер.

46. Мышка, окрестности хуторка

Проход в кольце аномалий, шириной примерно метров сто, открывал взгляду ничем не примечательный пейзаж. Местность была более-менее ровная. К западу от хуторка она начинала повышаться и постепенно переходила в холмы, поросшие дубняком.

Контролеровцы засели на незначительной высотке сразу за проходом, в западной стороне. ПДА показывали в том районе плотную группу из восьми красных точек. Из дома дяди Миши возвышенность не простреливалась, поскольку ее закрывали аномальные поля. Зато бандиты отлично видели весь проход и восточную часть хуторка. Даже угол дома с их позиции просматривался.

— Залег кот у мышинной норки, — сформулировал дядя Миша. — Ждет, когда добыча высунется.

— А мышонок его сзади — цап за хвост! — засмеялась Мышка.

Корсар смерил девушку суровым взглядом, но ничего не сказал.

Она и сама тотчас осеклась, вздохнула и стала слушать дальше серьезно.

Впрочем, основное уже было сказано.

Судя по всему, бандиты не собирались больше подставляться под плотный огонь защитников. Но и уходить не намеревались. Значит, ждали подмогу. Причем подкрепление могло выйти со своей базы уже давно и вот-вот оказаться здесь. Корсар, разумеется, тоже связался со своими, сразу после отступления со свалки. Но лиманским добираться сюда было не в пример дольше, особенно по северу, в объезд липкой полосы. Особенно с учетом того, что самая быстрая их машина погибла в той же липучке, о чем не прекращал тосковать мрачный Водила. Так что время в сложившейся ситуации работало на контролеровцев и против лиманских. Надо было действовать быстро.

Мышка, снова одетая в комбинезон Везунчика, сжимала в руках «винторез». С винтовкой она уже сроднилась настолько, что даже не думала причислять ее к вещам Везунчика. Брат он ей или не брат, это мы еще выясним, а «винторез» она ему в любом случае не отдаст. Если брат — пусть подарит. Если посторонний — она его и спрашивать не станет! Тем более что дядя Миша нашел для него новую игрушку.

Стоило только посмотреть, как Тим держит ствол, чтобы понять, насколько гаусс пришелся ему по душе. Мышка потихоньку спросила у Каймана, что в нем такого особенного, в этом оружии. Как-то она до сих пор им не интересовалась.

— Ну самое главное, что снаряд из него летит по прямой, а не по параболе, — ответил сталкер. — И очень быстро. Потому что движется не за счет пороховых газов, а разгоняется электромагнитными токами. Катушка индуктивности вокруг ствола, видишь? Поэтому нет гильзы, нет отдачи. Прикольная штука, в общем. А ты знаешь, что первый действующий гаусс здесь сделали, в Зоне?

Девушка фыркнула.

— Ты говоришь с такой гордостью, как местный житель.

— Ну... да, пожалуй, глупо, — с неохотой признал Кайман. — Хотя я и есть местный житель. Такой же двинутый, как Чингачгук, например. Только шкуры и перья не ношу, артефакты в уши не цепляю.

— И зря, — усмехнулась Мышка. — Попробуй при случае, вдруг тебе к лицу?

Она специально говорила глупости, она натянула на себя маску легкомысленного мышонка, чтобы не думать о том, что предстояло им с Везунчиком. Хотя никто ее не принуждал участвовать, совсем наоборот — Кайман попытался ее не пустить. Но Мышка сама вызвалась в снайперы. И ее не грызла совесть за то, что она намерена убивать людей. Это плохие люди. Их надо убить. Вот только игра в войнушку как таковая ей совсем не нравилась. Пусть уж она поскорее закончится. И пусть больше не убьют никого из хороших, ну пожалуйста!

Для этого надо поскорее убить всех плохих. Просто и понятно, на детсадовском уровне, в самый раз чтобы действовать. Думать она будет потом.

— Задача ясна? — еще раз переспросил Корсар и внимательно заглянул в глаза Мышке и Везунчику. — Ну, пошли.

Дядя Миша подхватил девушку под руку, совершил ловкий разворот, мир схлопнулся — и тотчас развернулся в совершенно другую картину. Они стояли на холме, вокруг был молодой лесок. Сильно пахло прелой листвой и грибами.

— Вон где наша родная хата, — ткнул корявым пальцем проводник. — Видишь? А там вон байстрюки контролерские окопались, дрын им в тын! Ну что, в правильное место я тебя доставил? Все как на ладони!

— Спасибо, — поблагодарила Мышка и чмокнула дядю Мишу, стараясь особо не дышать. Проводник нынче выдыхал особо крепкий перегар.

— До встречи, милая! — подмигнул проводник, шагнул в сторону, крутнулся и исчез.

Девушка осталась одна.

Ее вдруг обожгло этим осознанием: одна в Зоне. Совершенно одна. Впервые за три недели. Только она и ее «винторез».

И на помощь, в случае чего, не позвать — ее ПДА лежит включенный у дяди Миши на обеденном столе. Делает вид, что она там, а она совсем даже здесь.

Боишься, Мышонок?

Она тихонько засмеялась. Какой там страх! Она чувствовала себя здесь как дома. Кайман прав насчет одержимых Зоной. И она тоже такая. Причем одержимость у нее в крови. Она здесь своя, это ее родина.

А те люди — внизу, на пригорке, — чужие.

Мышка нашла упавшее дерево, залегла за ним, удобно устроила винтовку, направила на группу бандитов и посмотрела в оптический прицел. Двое раненых лежали чуть поодаль. Остальные семеро совещались, собравшись вокруг приземистого широкоплечего мужика. Надо полагать, это и был вожак, Петя Контролер. Есть такие квадратные типы, у которых голова растет вроде как прямо из плеч, без шеи.

Девушка остановила прицел на широкоплечем. Плохо, что его то и дело кто-то заслонял. Впрочем, бандитов надо уничтожить всех. Иначе покоя хуторку не будет.

Ну что, дядя Миша уже доставил Везунчика на позицию?

Мышка сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, выравнивая дыхание. Вернулась к прицелу.

Вдруг один из бандитов упал. Просто упал, но она-то знала, что это стрелял Везунчик. В ту же секунду Мышка тоже нажала на спуск.

Она метила в Контролера, но его в последний момент заслонил другой бандит. Пуля из «винтореза» попала этому другому в голову.

Девушка выстрелила и затаилась. Ноль движения! Ее не должны засечь.

Среди бандитов поднялся переполох. Раздалась яростная стрельба, но в сторону Мышки не стреляли. Лишь одна случайная пуля срезала ветку у нее над головой. Авось по Везунчику они тоже не попали. Выждав минуту, девушка медленно распрямила плечи, подняла голову и снова посмотрела в оптический прицел.

Бандиты рассредоточились и попрятались в укрытия. Только два свежих трупа лежали там, где упали. Значит, врагов осталось семеро, из них двое раненых. Семеро отлично вооруженных бандитов в экзоскелетах — это много. На семь больше, чем нужно.

Мышка снова выбрала себе мишень. Контролера она не видела, но один его подопечный укрылся за камнем так, что девушка прекрасно видела его силуэт. Несколько секунд она боролась с искушением выстрелить первой, но устояла. Везунчик выстрелил. Мышка поняла это по тому, что выцеленный ею бандит вскинул ствол. Девушка отправила пулю из «винтореза» ему в корпус.

И снова бандиты открыли бешеную стрельбу в другом направлении, не по Мышке. Пока что план Корсара осуществлялся успешно.

Дядя Миша нашел несколько удобных позиций для снайпера, и теперь они с Везунчиком перепрыгивали с одной на другую. А второй снайпер, то есть Мышка, должен был вообще оставаться незамеченным. В идеале бандиты не должны даже догадаться, что есть и второй — до тех пор, пока догадываться станет некому.

На этот раз враги расположились так, что Мышке никого из них не было видно. Девушка чертыхнулась. Надо было искать другую позицию. Она медленно убрала винтовку с древесной колоды и поползла вдоль нее. Но не успела она толком начать движение, как в расположении бандитов что-то произошло. Что-то ей непонятное. Нервная тишина ожидания взорвалась выстрелами и криками. Кажется, там разыгралась рукопашная схватка. Да что там такое?!

Мышка не выдержала и привстала, прячась за ближайшим дубком. Точно! Бандиты дрались с лиманскими сталкерами. Мелькнула черная бандана Корсара. В чем дело? Почему Корсар сменил тактику? Уже не боясь быть обнаруженной, девушка старательно прицелилась, выстрелила в одного бандита, попала. Выстрелила в другого, промазала. Контролеровцы по-прежнему были слишком быстры и слишком сильны в своих экзоскелетах. Стычка лицом к лицу с противником в экзоскелете — то, чего Корсар собирался избегать до последней возможности. Что же произошло? Мышка терялась в догадках.

Как бы то ни было, бандиты постепенно уступали лиманским. Девушка не считала попаданий, но знала наверняка, что на ее счету есть убитые. Наконец крики и выстрелы внизу затихли. Победа? Победа! Наша взяла! Ур-ра!

Мышка поняла, что вся дрожит от напряжения. Она уселась на поваленное дерево, которое служило ей укрытием. Сейчас дядя Миша заберет ее домой. Да где же он?

Минуты шли, ползли, тянулись — а проводник все не появлялся.

Наконец раздался долгожданный хлопок воздуха, и перед Мышкой возник... Кайман! У сталкера был такой вид, словно он бегал наперегонки с химерой.

— А дядя Миша?! — вскрикнула девушка.

— Живой он, — хрипло выдохнул Кайман. — Сердце у него прихватило. Но живой.

Сталкер уселся прямо на землю.

— Сейчас, — пробормотал он. — Надо передохнуть.

— Так мы победили? — не выдержала Мышка. — Кайманчик, миленький, ну скажи главное!

Сталкер усмехнулся.

— Победили. Враг уничтожен. Бандиты попытались свалить, а к ним сюда уже шло подкрепление, тогда Корсар решил атаковать Контролера в лоб. Я был против. Злая была стычка, мы двоих лиманских потеряли. Но Корсаков стратег, ему видней. Ну вот, Контролера и всех, кто с ним, мы уложили — а отряд, который шел к ним на подмогу, повернул назад. Стало быть, Корсар оказался прав... Наверное.

— То есть как атаковать в лоб? — не поняла Мышка.

— Дядя Миша нас всех на себе перетаскал, — буркнул Кайман. — Мгновенная доставка. Вот сердце и не вынесло нагрузки. Хорошо еще Шаман сразу взялся его лечить. Но надо было видеть рожи бандитов, когда мы им на голову свалились! Ладно, Мышонок, держись за меня крепко. Раз, два...

На счет «три» они вывалились из пространственного вихря в дяди Мишином огороде. Мышка упала на Каймана, покатила кубарем, и «винторез» больно въехал ей в ребро. Никакого сравнения с тем, как проводили перемещение дядя Миша и Можай. У опытных

проводников переход вообще не чувствовался, а на этот раз девушка словно прокатилась в канализационном туннеле, проложенном под изнанкой мироздания. Противно, неудобно, страшно. И ребро болит!

— Извини, Мышонок, — сказал Кайман, помогая девушке подняться. — Адская штука этот «прыгунок». Верну дяде Мише и больше не попрошу! Я бы и в этот раз не взял, если б не надо было тебя выручать.

— А покажи, какой он?

Девушке вдруг стало любопытно. Она сама удивилась тому, что еще способна после всего интересоваться мелочами. Но столько было завязано на этот удивительный артефакт, столько о нем говорилось — и даже Кайман никогда прежде его не видел.

Сталкер усмехнулся, вытащил из наколенного кармана и протянул Мышке совершенно невзрачный плоский камушек.

— Бери, не бойся, «прыгунок» так просто не работает. Ему надо на хозяина настраиваться. Помнишь, Можай рассказывал?

Мышка повертела артефакт в руках. Камушек как камушек. На ощупь такой же обыкновенный, как на вид.

— Возьми обратно.

Она сунула арт Кайману, и только тут до нее дошло:

— Настраиваться? погоди, так как же ты им воспользовался? И как вообще меня нашел?

— Сам не знаю, — серьезно сказал сталкер. — Просто мне было очень нужно. Ты ведь ждала там, Мышонок. Я должен был тебя забрать. Вообще-то я раз пятнадцать, наверное, прыгал, чуть не сдох...

Руки их соприкоснулись, и Кайман обхватил Мышкину ладонь двумя своими. Он обнял девушку, притянул к себе, и они поцеловались.

— Голова кружится, — улыбнулась Мышка.

— Ты что, опять головой стукнулась? — всполошился Кайман. — Да еще поверх недавней контузии...

— Нет, — засмеялась Мышка. — От поцелуя голова кружится. Как-то мы давно не целовались. Все не до того.

— Будем! — пообещал сталкер. — Обязательно будем целоваться. И не только!

От дома к ним уже спешил Везунчик.

— Корсар тебя требует срочно, — сказал он Кайману.

— Ага.

Кайман заторопился. «Прыгунок» так и остался у Мышки.

— Эй, стой! — замахала она вслед. — Возьми!

— Отдай дяде Мише, — бросил на ходу Кайман.

Сталкеры вынесли любимое кресло дяди Миши из дома во двор, и проводник полулежал в нем. Губы его посинели, щеки ввалились, но дышал проводник ровно и умирать явно не собирался. Его неизменный ватник был расстегнут, и грудь дяди Миши опутывали какие-то проволоочки с поблескивающими в них капельками, в которых девушка признала одну из лечебных конструкций Шамана. Слева на груди ватник был порван, из дыры торчали неопрятные клочья серой ваты.

— Пуля? — испугалась Мышка.

— Нет, это я сам, — гордо сказал дядя Миша. — Артефакт свой доставал. Я ж его всегда против сердца носил, как самое дорогое. Эх, испортил носильную вещь. Пришлось ножом взрезать! Теперь таких не делают...

— Найдем, — улыбнулся Везунчик. — Ты, дядя Миша, поправляйся. А ватник мы тебе как-нибудь организуем.

Девушка вложила «прыгунок» в ладонь проводника.

— Спасибо, — с чувством сказала она. — Выздоровливайте, пожалуйста.

— А то! — хмыкнул дядя Миша. — Я еще выпью водки на вашей с Генкой свадьбе.

«Прыгунок» он упрятал очень глубоко. Мышка заподозрила, что ватник у него индивидуального дизайна, с внутренними карманами на спине.

Из дома показался Кайман.

— Ну что, дядя Миша, будут у тебя теперь постояльцы на хуторке, — сказал он. — Обговорили мы с Корсаром это дело, он здесь поставит своих людей. Тебе защита, ему — полезная точка под контролем. Форпост, так сказать. Будешь для лиманских из Зоны и в Зону грузы перебрасывать. В общем, вы с Корсаром договоритесь, я так думаю.

— Угу. Договоримся, — уверенно сказал дядя Миша. — А вы куда?

— Пока пару дней здесь побудем, — ответил Кайман. — С лиманскими еще перетрем. Подождем, пока ты сможешь перебросить нас за Периметр. А там дальше видно будет. Ну что, Везунчик, пары дней тебе хватит, чтобы рассказать свою историю?

Эпилог. Разбор полетов

47. Сталкер Везунчик, Зона

Тим положил перед собой на стол тощенькую папку с бумагами. Вытащил документы из папки, пристроил сверху. Подвинул папку со стопкой бумаг на ней к Мышке.

Он волновался и ничего не мог с собой поделать. Хотя это было абсурдно — волноваться. Все уже произошло, и оставалось только сказать слова об уже случившемся. Часть этих слов лежала сейчас перед Мышкой, отпечатанная на бумаге. Другая часть существовала только в его мозгу. Но это всего лишь слова, а совершенное свершилось и факты есть факты, почему же он волнуется?

Тим знал, почему. Потому что ему очень важно мнение этих двоих. Единственного друга и единственной сестры. Ему важно, чтобы Мышка и Кайман поверили ему — потому что кроме них у сталкера Везунчика никого нет. Ему важно, чтобы эти двое поняли его. И... простили? Хотя он не виноват, значит, речь не о прощении. Приняли таким, какой он есть? Это ближе к истине, но слишком уж общее место.

Он просто хочет быть для них своим. Другом. Братом.

Очень хочет.

— Что это за таблицы? — спросила Мышка, смешно сморщив нос.

— Результаты анализа ДНК, — ответил Тим. — Я срезал по пряди волос у Татьяны и Сергея Пономаренко. Отдал в Киеве на экспертизу вместе со своими материалами и получил этот документ.

Мышка пропустила таблицы с цифрами и заглянула в строчку вывода. По результатам генетической экспертизы Везунчик оказывался сыном супругов Пономаренко с вероятностью девяносто шесть процентов.

— Можем и тебя посчитать, — осторожно предложил Тим. — Насколько мы с тобой генетически совпадаем. Ну, чтобы все делалось при тебе. Я же понимаю, бумажка ничего не доказывает.

Девушка фыркнула.

— Я не подозреваю тебя в умышленной подделке. Но и поверить до сих пор не могу. Прости, Везунчик. — Мышка заглянула ему в глаза. — Я то верю тебе, то не верю... Боюсь принять желаемое за действительное. Я гонялась по Зоне за призраком мальчишки, подростка. Ты с ним не совпадаешь, и генетический анализ тут не поможет. У призраков памяти нет ДНК. Ты мне нужен, Везунчик, мне нужен реальный брат вместо воспоминания. Только убеди меня в том, что это ты.

Мышка легонько, кончиками пальцев отодвинула стопку бумаг.

Везунчик смущенно улыбнулся.

— Я не знаю, с чего начать.

— Да с чего попало! — буркнул Кайман. — Тоже мне проблема. Начни с чего подвернется, продолжай как угодно, можешь возвращаться к одному и тому же по несколько раз. Только выложи наконец свою историю, плешь тебя побери! И не вздумай врать.

— Спасибо за напутствие, — хмыкнул Тим. — Ну, если с чего попало, тогда начну с себя. Я...

Я всегда был не такой, как все. С детства. Только сначала я этого не понимал. Но потом мне объяснили... Ох как мне объяснили. Потом.

А сначала я был просто маленьким мальчиком. У меня были мама и папа. Мы жили в своем доме с маленьким садом и большим огородом. Иногда мне казалось, что дом неправильный, сад не такой и вообще все не так — но как именно все должно быть, я не знал, мне только делалось больно и плохо от несоответствия. Тогда я плакал и звал маму, мама брала меня на руки, прижимала к себе, и мне становилось хорошо.

Маму звали Люда. Папу звали Митя. Меня звали по-разному — Тим, Тимка, Тимоха, Тимошка, Мошка, солнышко, зайка... иногда случалось также «горе мое» и «паршивец», потому что я вечно куда-нибудь лез и вляпывался. Свое полное имя я в мелком детстве не выговаривал и вместо «Тимофей» называл себя «Мафей». Так рассказывала мама, я сам не помню. Да и про мамин рассказ забыл, а вспомнил только тогда, когда увидел в сталкерском архиве: «Сын, Матвей Пономаренко, 2010 г. р., пропал без вести во время выброса 2012 года». Вот я и думаю теперь, может, я плохо выговаривал другое взрослое имя? Не Тимофей, а Матвей? Меня, двухлетнего малыша, спросили — как тебя зовут? Я ответил «Матвей», а оказался в итоге Тимом.

Так оно было или не так? Об этом спросить не у кого. Мамы Люды давно нет в живых. С той самой летней ночи, жаркой и душной, когда в открытое окно нашего дома запрыгнула химера...

Она их убила. Моих родителей. Я проснулся от рева твари, рычания, шума — и криков. Я не хочу об этом помнить, но не смогу забыть. Я испугался и не понимал, где нахожусь и что со мной, сон это или кошмарная явь. Пока я понял, что не сплю, и сумел зажечь свечу, крики смолкли. Дверь в мою комнату открылась. На пороге стояла химера. Обе морды у нее были в крови — лакированные красные маски. Химера пристально смотрела на меня, наверное, одну секунду или две, но я успел встретить смерть там, на дне ее глаз. Она не бросилась. Я ждал, что она бросится, но тварь промедлила пару секунд — и тут раздались выстрелы.

Ее застрелили, и больше никто не погиб, только старшему из братьев Красиловых химера порвала ногу. Да еще недосчитались деревенского дурачка, которого она убила, прежде чем залезть к нам.

Я остался один. Осиротел, так это называется. Я тогда еще не знал, что осиротел во второй раз. У меня погибли мама с папой, единственные родные люди на этом свете. Я немножко сошел с ума. Ну, бывает. Я отказался идти приемышем в одну из Красиловских семей. Да, это ж надо знать нашу деревню... В общем, если коротко, клан Красиловых всегда враждовал с кланом Нечипоруков, а между ними трепыхались остальные. Я остался один в родительском доме, и каждую ночь мне в кошмарах являлась химера. Мне казалось, что она жива и охотится за мной. Она обещала съесть мои мозги... В общем, я свалил из деревни в Зону. Пробрался к Нечипорукам, у которых на участке был ход наружу, и сбежал.

Меня подобрал Доктор с Болот. Он очень странный человек, Болотный Доктор. Не злой, не добрый. Странный. У меня в тот момент такая каша была в голове и такая дыра в душе, что большинство взрослых рванулись бы меня утешать и приводить в разум. А Доктор просто позволил мне жить, как я хотел. Самому затягивать раны. Даже не знаю, благодарен я ему или нет. Наверное, все-таки да. Хотя бы за то, что он поселил меня в комнате, где был стеллаж с книгами на всю стену. Мы играли с ним в истории из книг. Он спрашивал — кто ты сегодня? И я назывался Индианой Джонсом или Язоном динАльтом. Я не сказал Доктору своего истинного имени, потому что он был колдун. Ну, примерно так я тогда рассуждал.

Я прожил в доме на Болотах полгода, и, наверное, мог остаться у Доктора насовсем. Но я вернулся в деревню. Домой, как мне казалось.

Меня не ждали. Мой участок «жгучего пуха» успели прибрать к рукам Красиловы. Ну, в каком смысле участок... В пустых домах «жгучий пух» разрастался годами, его никто не чистил. Собирали производимые им артефакты, сдавали Красиловым или Нечипорукам, взамен можно было заказать товары снаружи. Нечипоруки наладили канал доставки... В общем, за каждой семьей были закреплены брошенные дома, был такой и у нас, то есть у Лымарей, моих родителей... Приемных родителей.

Когда я вернулся в деревню, только тогда я узнал, что был не родным сыном. Черт, какие-то слезы сиротки, а не воспоминания! А все не так. У меня было обычное детство. Счастливое, потому что я не задавался вопросом, счастлив ли я. Жил себе и жил. До той самой ночи, когда пришла химера.

В общем, я вернулся домой, но встретили меня неласково. И я узнал о себе то, чего предпочел бы не знать.

Мне всегда везло. С детства. Не в том смысле, что мне в рождественском пироге попадалась монетка, а в другом, куда более важном. Еще малышом двух с чем-то лет я свалился в яму со «студнем». Ухнул в «холодец» с головой, представляете? На глазах у взрослых. Меня сразу вытащили, искупали, и оказалось, что я целехонек! Ядовитая дрянь должна была в момент разесть мне кожу, а — ничего. Родители даже потащили меня к Доктору, так что я еще тогда побывал в доме на Болоте. Правда, я того случая не помню. Я вообще плохо помню раннее детство. И как мы возвращались втроем обратно через «карусель», я не запомнил. Мама потом рассказывала, что примотала меня к груди, обхватила руками и сжимала так, что я потом долго ходил весь в синяках.

От маминых рук — в синяках. А едкий «студень» мне был нипочем. Везунчик, ёшкин кот! Так меня и прозвали.

Ну, везло мне и везло. Должен кто-то быть везучим, верно? «Жгучий пух» меня не обжигал. Точнее, не всегда обжигал, через два раза на третий. Хотя в деревне аномалии были слабенькие, по сравнению с Зоной действовали вполсилы. А зверья там и вовсе не водилось. Потому и не береглись, оружия при себе не держали, спали летом с распахнутыми окнами... Впрочем, спящего человека от химеры ни ставни, ни автомат под подушкой не спасут. Слишком быстрая тварь. Молниеносная смерть.

Почему она не бросилась на меня? Химера убивает не от голода. Почему убийца промедлила и я выжил?

Мне в очередной раз повезло. Так сказали в деревне. А еще стали говорить, что мое везение — заемное. Что оно переходит ко мне от других людей, а на них взамен сыплются беды и несчастья.

Люди, к которым я вернулся, сказали мне, что это я виновен в смерти своих родителей. Приемных родителей. Я убил их своим везением, а сам выжил. Примерно так.

Нет, конечно, мне не бросали обвинений в лицо. Но за моей спиной ползли шепотки, а взрослые стали запрещать своим детям играть со мной. Я сошел бы с ума, если бы поверил. Но и совсем не поверить им всем я не мог. Что-то со мной было определенно не так... А кто я вообще такой? Если я не родился у мамы Люды и папы Мити, откуда я взялся?

Когда в две тысячи шестом году произошла вторая Чернобыльская катастрофа, пространство вокруг деревни Буряковка схлопнулось и свернулось в кокон. Внутри оказались жители деревни, группа туристов — и я. Двухлетний малыш, прижимающий к себе игрушку — яркого плюшевого жирафа. Меня обнаружили в огороде — наверное, я был единственным в мире ребенком, которого мама с папой действительно нашли на грядках с капустой. Я вел себя удивительно спокойно и начал плакать, только когда обмочил штанишки. Молодая семейная пара из числа туристов взяла меня к себе.

Как именно я попал в затерянную деревню? Почему именно туда? Откуда?

Я долго не знал ответов на эти вопросы.

До шестнадцати лет я жил в Буряковке замкнутым одиночкой. Сбежать оттуда в Зону, как я уже сделал однажды, было невозможно, потому что Нечипоруки слишком хорошо

стерегли пространственный выход. Я работал на них и на Красиловых, и, как только скопил нужную сумму, заплатил, чтобы воспользоваться проходом.

Зона приняла меня как родного. Я скитался по ней в одиночку, затем прибил к лиманским сталкерам. Мне везло. В Зоне меня тоже прозвали Везунчиком. Я долго боялся, что мое везение обернется неудачами для тех, кто рядом со мной. Но этого не случилось. Я не был опасен для людей, как привык было думать.

Я не сразу выбрался за Периметр, и мне там не понравилось. Люди, люди, слишком много людей. Даже в поселке Чернобыль-4 их куда больше, чем нужно. Мне куда больше нравятся небо Зоны и простор под небом. Наверное, я никогда не стану таким человеком, какого принято считать нормальным. Ну и пусть. За Периметром я насмотрелся на толпы людей, живьем и по телевизору, и с облегчением вернулся в Зону.

Дальше Кайман все про меня знает. Ну, может, не все — но главное. Хороший напарник, десяток приятелей — это максимум, что мне нужно от человечества. Я бы, может, вообще за Периметр не высовывался, если бы не девчонки в «Штях».

В тот день мы обшаривали подвалы ржавого ремзавода. Взяли неплохой хабар, собирались уже возвращаться, и тут Кайман резко сорвался в лагерь к приятелям, а я за каким-то хреном решил пройти глубже. В одном коридоре сдвинулась «жарка» и стало можно пролезть туда, где раньше было перекрыто, ну я и сунулся. Там они и лежали. Мужчина и женщина. Лучше я опущу подробности, но, в общем, умерли они мгновенно. На шее женщины был медальон. Я открыл медальон, увидел фотографию, и на меня словно рухнул потолок.

Понимаете, я не искал настоящих родителей. А как искать? Спрашивать, не пропал ли у вас в шестом году двухлетний малыш в аномальном катаклизме?

Я не искал, но хотел их найти, конечно. Может быть, Зона ответила моим желаниям. Я сразу узнал игрушку на фотографии. И понял, почему я так любил этого дурацкого жирафа. То была моя единственная память о родных. Я смотрел на медальон, на тела двоих людей, и чувствовал, что это они. Чувства не рациональны, они либо есть, либо их нет. Я знал, что обнаружил своих родителей. Как печально... А я-то мечтал, что они живы, что все это время они где-то живут, и, может быть, у меня есть сестры и братья, и когда-нибудь мы случайно встретимся...

Кроме медальона, я нашел в их одежде патроны с записками. Теперь я знал имена — Татьяна и Сергей Пономаренко. Еще я взял у них по пряди волос и похоронил тела под обвалом. Чтобы теперь, когда «жарка» открыла проход, до них не добрались ни мутанты, ни чужие люди.

Я бросился за Периметр. Плохо, что моих настоящих родителей нет в живых, как нет и приемных — но я хотя бы узнаю точно, кто я такой!

На следующий день я уже был в Киеве. Я сразу отдал материалы на экспертизу ДНК и отправился выяснять в архивах насчет родственников. Та еще задачка иметь дело с бюрократами, между прочим.

Я бы лучше с кровососом врукопашную дрался. В общем, я получил выборку по нескольким подходящим мне семьям Пономаренко. Но среди их детей не нашлось пропавшего мальчика, которым мог бы оказаться я. Чуда не произошло. Я полез в сеть, в сталкерские архивы, и там обнаружил данные о погибших. Татьяна Пономаренко оказалась легендарной Бюрершей, надо же! Я и прежде знал, что Бюрерша погибла во время выброса двенадцатого года. А теперь мне было известно, где и как именно это произошло. Во время того же выброса исчез двухлетний сын Бюрерши и Пономаря. Головоломка складывалась — но тотчас разваливалась на куски. Я тупо смотрел на строчку: «Сын, Матвей Пономаренко, 2010 г.р., пропал без вести во время выброса 2012 года».

Матвей? Мафей... Тимофей. Неужели это все-таки я?

Но я родился в две тысячи четвертом году. За два года до выброса, да. Но до первого аномального выброса, а не до второго.

А если совсем точно, меня нашли в Зоне в шестом году, и было мне на вид около двух лет. В двенадцатом году двухлетний малыш пропал во время выброса. В шестом году во время выброса его нашли. Бред? Или так оно и было в реальности?

Когда я забрал результаты генетического анализа и увидел девяносто шесть процентов совпадения, я понял, что надо выбирать между двумя невероятностями. Либо моя ДНК случайно совпадает с ДНК посторонних людей, погибших сталкеров Пономаренко, либо я их сын, которого выброс... аномальное поле Зоны, артефакт, черт, дьявол, неважно кто!.. забросил в прошлое.

Я выбрал второй вариант. Как-то он достовернее.

В справке о Татьяне и Сергее Пономаренко кроме сына Матвея значилась дочь Алина, проживающая в Киеве. Я отправился по адресу и нашел закрытую квартиру. Соседи рассказали, что до недавнего времени здесь жили бабушка с внучкой. Но бабушка две-три недели назад умерла, а внучка уехала в неизвестном направлении. Я хотел оставить соседям письмо для Алины и копию собранных документов, но передумал. Разве нормальный человек, живущий нормальной жизнью, поверит моему рассказу?

Несколько дней я бродил по Киеву, не зная, куда себя деть. Зашел среди прочего в институт к одному знакомому, Вите Завальскому. Кайман его должен помнить, Витя два года работал по контракту на Янтаре. Я тогда для него монстров фотографировал, интересное было занятие. Поговорили обо всем, и я выложил Вите свою историю. Да, если честно, я только о ней и думал! Трудно уложить в голове, что с позиций здравого смысла тебя так или иначе не существует.

Завальский мне пересказал последние теории насчет пространственных пузырей в Зоне. Тех самых участков пространства, куда провалились Лиманск, Буряковка и другие места. Якобы они отделены от внешнего мира зазором не в пространстве, а во времени. Достаточно сдвига на долю секунды — и вот кусок мира проваливается в карман. Сначала туда вообще не попасть и оттуда не выйти, затем образуются несимметричные проходы, одни ведут внутрь пузыря, другие наружу. В конце концов разница во времени исчезает, и затерянные места возвращаются в обычный мир.

Время, парадоксы времени... Если во время аномального катаклизма меня отбросило назад во времени, то не потому ли я оказался в затерянной деревне, что пузыри имеют временную природу?

Это лишь гипотеза, конечно. Сдаваться в лапы ученых, чтобы меня изучали в компании прочих мутантов, — фиг вам, не дождутся. А потом, они все равно ничего необычного не найдут. Я самый обыкновенный человек. Ну, не считая того, что мне на шесть лет больше, чем должно быть.

Вот и все, пожалуй. Верить мне или не верить — решайте сами.

Везунчик замолчал. У него пересохло во рту и горели виски. Странное чувство — выложить вот так, на одном дыхании, историю всей своей жизни вместе с хроникой лихорадочных поисков за последний месяц. Что-то он наверняка забыл, упустил, перепрыгнул. Что именно?

Мышка улыбалась ему сквозь слезы.

— Я больше не буду сомневаться, — прошептала девушка. — Я тебе верю. Хочешь, я стану звать тебя Матвейкой? «Тим» у меня все равно с языка не идет.

— Зови Везунчиком, — рассмеялся Тим.

Ему стало легко. Так легко, что он даже не ожидал. Мышка его признала! Мышка, Алина, сестренка.

— А везучесть твоя откуда, а? — иронически поднял бровь Кайман. — Говоришь, самый обыкновенный человек, а кто с мутантами чуть ли не в обнимку фотографировался?

Тим хлопнул себя по лбу.

— Точно! Вот я про что забыл рассказать. Кайман, зараза ты холоднокровная! Да ты же сотню раз видел мой «везучий» талисман!

— Который ты на шее носишь? — хмыкнул Кайман. — Ну, видел, и что с того? Мало ли какую ерунду люди на себя цепляют. Э-э-э... Честно сказать, у меня у самого в кармане лежит старый пятак, еще советский, со звездой. Я его здесь, в Зоне, нашел. Ну, в общем, не знаю, приносит ли он удачу, но я без него в Зону не хожу.

— Мой талисман точно работает, — убежденно сказал Везунчик. — Я знаю. Понял, уже когда повзрослел и подался в сталкеры. Это он меня спасал, когда я падал в «студень», совался в «жарку», нырял в «жгучий пух», лез в «карусели», «электры», «грави»... куда я только не лез! И с монстрами то же самое. Он, правда, защищает меня только от большой и явной опасности, это раз. И два — мне кажется, с годами его сила слабеет. Наверное, скоро я перестану быть таким везучим, как привык.

Все это время Тим возился с застёжкой цепочки. Наконец застёжка поддалась, Везунчик снял с цепочки талисман и предъявил его Кайману с Мышкой на ладони. Это была потускневшая серебряная фигурка, плоская, похожая на сплюснутую грушу с черенком. В черенке была пробита дырочка для цепочки.

— Он всегда со мной, — сказал Тим. — Видите отверстие? Это мой приемный папа Митя сделал, специально чтобы мне на шею повесить. Когда мне рассказали, что я не родной сын, рассказали и то, что талисман был при мне с самого начала. Ну, когда меня нашли. Он крутился, вот так.

Везунчик поставил талисман ребром на стол, придержал за черенок и резко крутнул его пальцами. Фигурка завертелась. Тусклое серебро неожиданно вспыхнуло ярче, полосы от вращения слились, так что плоская фигурка стала казаться объемной. На столе вертелась и выписывала круги маленькая сверкающая юла.

— Волчок! — ахнула Мышка. — Тот самый! Который унес тебя в Зону!

Юла замедлила вращение и завалилась набок. Везунчик потянулся за плоской фигуркой и повертел талисман в пальцах.

— Раньше он дольше вертелся, — огорченно сказал Тим. — Точно, выдыхается аномальный заряд, или что там внутри.

— Матвейка!

Мышка вскочила с места и повисла у Везунчика на шее.

— Задушишь брата, — ревниво сказал Кайман. — Был бы младший, точно бы задушила. Хорошо, что он оказался старший.

Девушка ахнула.

— «Твой брат не такой маленький мальчик, как ты о нем думаешь», — процитировала она. — Вот что мне Шухов сказал, я вспомнила. Он знал, знал!

— Какой Шухов? Черный Сталкер? — удивился Везунчик. — А ты с ним разговаривала?

— Разговаривала, — подмигнул ему Кайман. — Ты еще не знаешь, какая сестричка тебе досталась. Она тут всю Зону перевернула, чтобы тебя найти.

— И нашла, — твердо сказала Мышка.